Армагеддон 3

Имя	Ростислав
Отчество	Кириллович
Фамилия	Шибанов
Время действия	2014 год н.э.
Возраст	24 года
Адрес	Солт-Лейк-Сити, штат Юта
Локация	Закрытая Территория
Предмет	Скорпион
Дар	Удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Попасть на Закрытую Территорию куда легче, чем вернуться оттуда. Команде под предводительством «неправильного олигарха» Андрея Гумилева и бывшего хоккеиста Ростислава Шибанова придется найти останки инопланетян, путешествовать по подземной железной дороге, насмерть биться с генномодифицированными тварями и даже устроить локальную ядерную войну. И все это для того, чтобы спасти миллионы людей, раз и навсегда решив проблему вырвавшегося на свободу вируса «Армагеддон».

- Юрий Бурносов
  -
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая, она же последняя

Юрий Бурносов

Армагеддон. Книга 3. Подземелья Смерти

(Этногенез – 25)

Америка не знает, куда направляется,
но бьет рекорд скорости по дороге туда.
Лоренс Питер

Пролог

Слуги Болон Окте

Юкатан, Мексика, 2014

– Еще раз притронешься к моему рюкзаку, и я вырву твое сердце, – сказал Гватемалец.

Махукутах вздрогнул. Он был уверен, что никто не видел, как он заглядывает в чужой вещмешок.

– Я искал карту, – пробормотал он, – думал, может, она у тебя…

– Мне все равно, что ты искал, Малыш, – фыркнул Гватемалец. – Повторять дважды я не стану, а сердце у тебя одно.

«Как, черт возьми, он узнал?»

Махукутах не произнес этого вслух, но Гватемалец без труда прочел его мысли и жестко усмехнулся.

– Мой нагуаль сказал мне, – он хлопнул коричневой ладонью по зеленому боку вещмешка, – и скажет снова, если ты окажешься таким идиотом, каким выглядишь.

Махукутах только зубами скрипнул. Будь на месте Гватемальца кто другой, ему бы не поздоровилось. Но с этим похожим на узловатый корень колдуном, единственным из Четверых, кто не пожелал назваться именем предка и прятал от товарищей свои амулеты, связываться было опасно. Махукутах не забыл, как Гватемалец наказал старосту в селении, где они остановились на ночлег на исходе третьего дня путешествия. День выдался тяжелым, и больше всего путникам хотелось спать. А староста, принимавший их в своем доме, как нарочно, все приставал с расспросами. Как там, в городе? (Странный вопрос, если учесть что ни один из Четверых не был горожанином.) Правда ли, что в Мехико-Сити ввели военное положение? Говорят, что из Эстадос Юнидос? [1] в Мексику засылают специальные отряды прокаженных – так это или нет? На севере идет большая война – а кто с кем воюет? Ну и так далее.

Махукутаха, конечно, тоже раздражала болтовня недалекого деревенщины, но он терпел, потому что, если бы не староста, ночевать им в лесу. А вот Гватемалец, судя по всему, терпеть не собирался.

Пару раз он отмахнулся от старосты, как от надоедливого насекомого, а потом просто поднял руку и дунул сквозь

растопыренные пальцы. И староста замолчал. Мгновенно, как будто выключили радио. Он разевал рот, таращил круглые глаза, пытаясь выдавить из себя хоть какой-то звук, – без толку. А Гватемалец усмехнулся, опрокинул стаканчик мескаля и вышел из комнаты.

И ведь не просто вышел, а исчез! Трое искали его по всей деревне не меньше часа, пока не нашли на берегу мелкого пруда – Гватемалец сосредоточенно пыхтел самокруткой и смотрел на звезды. Едва уговорили вернуться и снять заклятие со старосты. «А сами-то что?» – ехидно спросил проклятый колдун. Никто не ответил – ведь ответить означало расписаться в собственном бессилии.

И Махукутах, и Балам-Акаб, и Ики-Балам были сильными колдунами, иначе их не выбрали бы Слугами Болон Окте. Но ни один из них не сумел расколдовать старосту. В тот вечер Гватемалец явил им знак своего могущества, и этого оказалось достаточно, чтобы Махукутах, Балам-Акаб и Ики-Балам поняли – он сильнее их всех. Возможно, втроем они и справились бы… но, может, и нет. Да и зачем им объединяться? Четверо – не братья по крови. Все, что их связывает, – это служение Великому Губителю, Болон Окте. То служение, которое некогда помогло славному предку Два Тростника остановить орды варваров и спасти народ киче. Если Болон Окте потребует, они умрут за него, если прикажет – возведут пирамиду из черепов жертв. Но это не значит, что они заодно. Служение – дело одинокое, и если Четверо, пришедшие из разных уголков Центральной Америки, собираются вместе, то лишь потому, что Дверь, через которую приходит в мир Болон Окте, закрыта на четыре замка.

Поэтому никто ничего не сказал Гватемальцу, все молча признали его превосходство. Никто не потребовал, чтобы Гватемалец показал им свои амулеты. Никто не попросил, чтобы он показал своего нагуаля. Но в глубине души каждый, конечно, мечтал проникнуть в его тайну. Потому-то Махукутах и полез нынче утром в вещмешок.

Самое обидное – там ничего не было. То есть было, конечно: какое-то грязное белье, комикс без обложки, две банки консервированной ветчины, моток веревки. Но никаких амулетов, ни малейшего следа могучего волшебства. Махукутах испытал разочарование и стыд – он словно бы по ошибке залез в торбу бедного индейца, не имевшего отношения к миру магии. А теперь еще выяснилось, что Гватемалец прекрасно осведомлен о его, Махукутаха, чрезмерном любо-

пытстве.

И хотя Махукутах не верил до конца в то, что Гватемалец и

вправду может вырвать чье-то сердце, ему стало как-то не по себе. Перед глазами снова возник беззвучно открывающий рот староста. Мало ли, что взбредет в голову этому Эль Локо? [2]!

– Ладно, извини, – проговорил он через силу.

Но Гватемалец уже забыл об инциденте. Он смотрел вперед, туда, где над кромкой леса возвышалась бесформенная оплывшая груда древней пирамиды.

– Дошли, – тихо сказал Балам-Акаб. – Вот оно, место, которое зовут Холодной Дырой.

Махукутах почувствовал, как по позвоночнику проскребли маленькие острые коготки. Холодной Дырой называлось место из бабушкиных сказок. У колдунов ведь тоже бывают бабушки, рассказывающие сказки, в том числе и страшные. Бабушка Махукутаха, которого тогда звали просто Хуан, иногда упоминала о Холодной Дыре как о месте, где похоронена самая страшная колдунья из всех, что когда-либо жили на земле.

– Она была из рода Сестер Смерти – далеко на юге, на острове посреди большого озера, стоит храм этих Сестер, храм, построенный еще в те времена, когда на свете и людей-то не было, – говорила бабушка.

– А кто ж его построил, храм-то, – спрашивал маленький Хуан, – если людей не было?

– Думаешь, только люди горазды строить? – уклонялась от ответа бабушка. – Теперь уж его не отыщешь, а раньше к нему порой приходили храбрецы, да только мало кто возвращался…

В бабушкиной сказке колдунью брал в плен отважный воин из народа киче. Плененная колдунья выполняла все его приказы, помогала избавиться от врагов, но потом хитростью насылала на народ киче страшное проклятие. А поскольку убить ее было нельзя, то воин запирал ее в каменном склепе глубоко под пирамидой, где колдунья и сидела с тех пор – живая и жутко злая. Каменный склеп этот и назывался Холодной Дырой.

Маленький Хуан часто видел Холодную Дыру в детских снах. А когда подрос и стал учиться у колдуна, узнал, что бабушкина сказка – искаженная легенда о великом маге Два Тростника, Слуге Болон Окте, и его воспитаннике, молодом правителе из рода Ягуаров.

Но, даже узнав это, даже став самым сильным колдуном во всем Чьяпасе, Хуан не предполагал, что настанет день, когда он возьмет имя Махукутах и отправится на поиски Холодной Дыры сам.

Случилось, однако, так, что глупцы-гринго незамеченными проникли в запретное место и каким-то образом разбудили спящее проклятие. Племя, жившее неподалеку от Холодной Дыры,

гналось за ними по пятам и уничтожило почти всех. Однако двоим удалось ускользнуть – они бежали в Эстадос Унидос морем и унесли с собой семена древней заразы. Может быть, и хорошо, что их сразу же выгнали за пределы Мексики – во всяком случае в первые годы эпидемии, уничтожавшей богатые города на севере, здесь все было спокойно. Но потом… потом в отдаленных селениях, затерянных в лесах, люди начали сходить с ума. Каким образом, почему? Никто не знал. На севере были непроницаемые кордоны армии и ООН, оттуда не мог проникнуть в Мексику никто, что бы там ни болтал глупый староста о специальных отрядах прокаженных. А зараза как будто просачивалась из-под земли. Пока она не трогала города, и это было счастье, потому что в двадцатипятимиллионном Мехико-Сити эпидемия безумия могла стать разрушительнее атомной бомбы. Когда Веселая Смерть добралась до Гватемалы, старейшины решили призвать на помощь колдунов.

Их было четверо – по одному от каждой стороны света. Каждый взял себе имя героя-первопредка, записанного в священной книге Пополь-Вух. Только один Гватемалец не стал называться другим именем, хотя по правилам надо было ему взять имя Балам-Киче. Но то ли он был слишком горд, чтобы следовать старым традициям, то ли считал, что без имени ему будет безопаснее. Старейшины поворчали, но не их дело – указывать колдуну, как ему поступать. Если колдун допустит ошибку, отвечать за нее придется не перед людьми, а перед самим Болон Окте.

Колдуны собрались в маленьком селении, затерянном в горных ущельях Гватемалы. Селение это стояло на костях древнего города, о котором ничего не знали археологи-гринго. Город был древним еще в те времена, когда здесь появились предки народа майя, и все его постройки ушли глубоко в землю. Но сила священного места до сих пор чувствовалась здесь, и потому те, кто видит глубинную суть вещей, почитали эту ничем не примечательную с виду деревеньку.

– Вы – Слуги Болон Окте, – сказали старейшины колдунам. – Болон Окте дает вам силу.

– Силу дают нагуали, – возразил Балам-Акаб. – Болон Окте слишком далеко.

– Нет, – покачал головой один из старейшин, – Болон Окте близко. Предки предупреждали о его приближении.

Он достал откуда-то мятый лист бумаги с отпечатанным на дешевом принтере текстом.

«*Закончится тринадцатое четырехсотлетие в день 4 Ахау 3 числа месяца К’анк’ин, случится тьма и нисхождение Болон Окте*»?

[3].

– Этот день настал и прошел, – неприятным голосом сказал Ики-Балам. – Два года назад.

– Если бы Болон Окте сошел с небес, – добавил Балам-Акаб, – мир бы содрогнулся. Как содрогнулся он много тысяч лет назад, когда произошло первое Нисхождение.

– Он содрогнулся, только вы этого не заметили, – горько сказал старейшина.

– В тот день смерть коснулась Эстадос Унидос. – Старый индеец потряс листком, как будто это могло кого-то убедить. – То был ваш хозяин, Болон Окте. Мы не противились, потому что это не касалось нашего народа. Но теперь все изменилось. Болезнь убивает индейцев, как когда-то, в прежние времена. Идите и молите Болон Окте, чтобы он отвел свою руку от нашего народа. Пусть губит гринго, если желает, но оставит в покое нас.

– Великий Губитель никогда не отводит руку, занесенную для удара, – мрачно ответил Балам-Акаб.

– Тогда есть ли смысл в вашем существовании? – спросил другой старейшина.

Гватемалец, до того молчавший, холодно усмехнулся:

– Больше, чем в твоем, Эль Вьехо? [4].

– Возможно. Но сейчас пришла пора это доказать. Мы просим вас исполнить то, о чем говорится в старых книгах. Если придет беда, Слуги Болон Окте должны отправиться в место, называемое Холодной Дырой, и молить своего владыку о милосердии.

– Отличное место для милосердия, – хрипло засмеялся Ики-Балам.

– Мы просим вас.

Колдуны молчали. Махукутах чувствовал, что надо как-то ответить, но как? «Мы согласны»? «Мы подумаем»? А кто он такой, чтобы говорить за всех?

И пока он раздумывал, за всех ответил Гватемалец.

– Пять тысяч долларов, – сказал он. – На каждого.

Ночью они долго спорили. Балам-Акаб считал, что даже если старейшины наскребут требуемую сумму, выполнить их просьбу все равно не получится.

– Это бессмысленно, – говорил он. – Эти глупцы не понимают, что Владыка не станет нас слушать. У каждого из нас хватает забот в своих родных местах. Надо было отказаться, Гватемалец.

– Иди и откажись, – буркнул южанин. – А я заберу твою долю.

Двадцать тысяч новых мексиканских долларов – большие деньги. На следующий день трое вооруженных индейцев на стареньком мини-вэне отправились в ближайший город и сняли

все средства со счетов трех сельских общин. Когда они привезли деньги, никто из Четверых не нашел в себе сил отказаться.

Теперь, в двух шагах от Холодной Дыры, Махукутах думал о том, что не такая уж это огромная сумма, чтобы рисковать ради нее своей жизнью.

Но дело, конечно, не только в деньгах. Репутация гораздо важнее. Вернуться с поджатым хвостом, как побитая собака, – и прожить остаток жизни с клеймом колдуна-неудачника. Махукутах видел таких. Позорное, унизительное зрелище. И совсем другое дело – снискать славу мага, остановившего руку Болон Окте.

Вот только Балам-Акаб был прав.

Остановить руку Болон Окте невозможно.

Храм был похож на оплывшую земляную гору. Склоны горы густо поросли кустарником, напоминавшим темно-зеленую шкуру огромного зверя. Метрах в десяти от земли шкура была подпорчена большой черной подпалиной – прямоугольником вырубленных и сожженных кустов.

– Работа гринго, – презрительно фыркнул Ики-Балам.

Присмотревшись, Махукутах разглядел уходившую в глубь земляной горы нору – наспех выкопанный тоннель, укрепленный деревянными подпорками. Рядом валялась расколотая пополам каменная плита. Сквозь трещину успели пробиться жесткие колючие метелки енотовой травы. Махукутах наклонился, разглядывая плиту – по краям ее видны были сколы, тут кто-то поработал ломом, причем не особенно заботясь о сохранности древнего монолита.

– Это гробница, – сказал Балам-Акаб. – Проклятие Веселой Смерти было спрятано в ней, и гринго вынесли его наружу.

Четверо переглянулись. В тоннель не хотелось лезть никому.

– Это не то место, – неожиданно произнес Гватемалец.

– Как это – не то? – подозрительно прищурился Балам-Акаб.

– Не то, и все. – Гватемалец подошел к плите и выразительно сплюнул на нее. – Просто яма в груде старых камней. Можете залезть туда, если хотите, – там нет ничего, кроме заплесневелых костей.

Почему-то после этих слов Махукутах испытал облегчение.

Солнце склонялось к закату, и от пирамиды тянулась, удлиняясь на глазах, холодная тень.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Ики-Балам.

– Мой нагуаль сказал мне, – ответил Гватемалец и усмехнулся. – Ваши, я вижу, молчат.

Это уже было похоже на оскорбление, и Балам-Акаб не

выдержал.

– Можно подумать, ты болтаешь со своим нагуалем по мобильному.

– Нет, – усмешка Гватемальца стала еще более неприятной, – просто я, в отличие от вас, не шарлатан.

Прежде чем Балам-Акаб успел сообразить, что его оскорбили еще раз, Гватемалец круто развернулся и зашагал в сторону леса.

– Эй! – крикнул ему в спину Балам-Акаб, но Гватемалец даже не обернулся.

Он отсутствовал не меньше часа. За это время солнце уже успело спрятаться за стену леса и развалины мертвого города окутали темно-фиолетовые сумерки. В этих сумерках коренастая фигура колдуна показалась Махукутаху ожившим деревом.

– Я нашел Холодную Дыру, – сообщил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Она там, в руинах старого дворца.

– Ты уверен? – осторожно спросил Махукутах.

Гватемалец на него даже не посмотрел.

– Сейчас мне надо пожрать, – сказал он. – Разведите, что ли, костер, да поджарьте ветчину.

– Послушай, – голос Балам-Акаба звучал почти вкрадчиво, – тебе не кажется, что ты слишком раскомандовался?

Гватемалец хмыкнул и вытащил из своего рюкзака банку консервов.

– Мне вообще все равно, Ese? [5]. Я собираюсь заработать немного денег. Я могу сделать это один, но тогда заберу все harina? [6] себе. Если считаешь, что можешь найти Холодную Дыру сам, спуститься туда, сладить с мертвой старухой и предстать перед Болон Окте, – валяй. Только скажи своим дружкам, чтобы они позаботились похоронить тебя – я этой фигней заниматься не стану.

– Вот что, – сказал Ики-Балам, подходя к Гватемальцу со спины. В руках у него была тяжелая дубинка, которую он вырезал, ожидая возвращения южанина. – Ты, конечно, крутой, но нас трое, а ты один. Пора преподать тебе урок,

Borraja? [7].

Пока Гватемалец лазил по джунглям, они договорились, как будут действовать. Балам-Акаб схватил южанина за руки, Махукутах подсек ему ноги, а Ики-Балам взмахнул дубинкой.

И замер, не успев опустить ее на голову наглеца.

По поляне раскатился громовой рев.

Махукутах дернул головой, чтобы увидеть источник звука, и едва не обмочился от страха.

В десяти шагах от них стоял огромный ягуар, черный, как беззвездное небо.

– Слушайте меня внимательно, – сказал Гватемалец. – Я спущусь в склеп первым. Вы пойдете за мной только после того, как я крикну «можно!». Если вы ничего не услышите, бегите отсюда.

Он немного подумал.

– Или оставайтесь, мне все равно. Но если я все-таки крикну, вы должны спуститься и сесть по углам склепа. Потом каждый из вас попытается позвать своего нагуаля.

Махукутах вздрогнул. Его нагуалем был небольшой мирный опоссум, которому вряд ли понравится соседство с жутким ягуаром Гватемальца. Махукутах никогда не слышал о том, чтобы ныне живущие колдуны имели таких огромных и мощных нагуалей. Быть может, раньше, во времена, когда в этом городе жил легендарный Два Тростника…

– Когда это произойдет, вы должны попросить у своих нагуалей ключи, – продолжал Гватемалец. – Взяв их, вы сообщите об этом мне. Тогда я сделаю так, что вы увидите дверь. В двери четыре замочные скважины. Очень важно, чтобы вы открывали замки по очереди. Начнешь ты, толстый.

Балам-Акаб шумно сглотнул слюну, но ничего не сказал. После неудачной попытки проучить южанина, едва не закончившейся гибелью трех колдунов, никто больше не осмеливался возражать Гватемальцу.

– Потом ты, Хрипун, – Гватемалец ткнул пальцем в сторону Ики-Балама. – Третьим ты, Чико.

Махукутах обреченно вздохнул. Он действительно был самым младшим из Четверых.

– Когда дверь откроется, я уже ничем не смогу вам помочь. – Гватемалец вытащил из кармана армейскую фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. – Если Болон Окте захочет разорвать вас на куски, значит, так тому

и быть.

«А если он разорвет тебя?» – подумал Махукутах.

– Тот, кто останется жив, заберет все деньги. – Гватемалец с сожалением потряс опустевшую фляжку. – Это все, что я хотел вам сказать. А теперь пошли.

Все было в состоянии безвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто. Не было ничего, что существовало бы, что могло иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только

молчание? [8].

Махукутах дрожал в темноте и холоде подземелья, повторяя про себя первые строки священной книги. Где-то рядом находились другие Слуги – он хорошо слышал прерывистое астматическое дыхание Ики-Балама, – но тьма вокруг была такой непроницаемой, что чувство одиночества давило на Махукутаха, как тяжеленная каменная плита. Если бы не маленький теплый нагуаль, угнездившийся у него на коленях, было бы совсем жутко. С другой стороны, где-то здесь, в темноте, скрывался и чудовищный ягуар Гватемальца. И осознание этого наполняло душу Махукутаха трепетом.

Только ничего не понимающие в колдовстве люди могут воображать, что магу неведомо ощущение страха. На самом деле страх – это чувство, которое посещает мага чаще прочих. Нельзя без страха заглядывать за грань бездны – а колдуны и маги все время балансируют на этой грани.

Пальцы Махукутаха сжимали ключ, принесенный нагуалем. На ощупь ключ был похож на длинный закругленный кремень – такой же гладкий и теплый. Кремень никогда не бывает холодным, потому что в нем заключена сущность огня. Махукутах понятия не имел, куда ему нужно вставить ключ: никакой двери перед собой он пока не видел. Откуда же она появится?

Тьма вокруг вдруг уплотнилась, стала почти осязаемой. Откуда-то ударил сильный порыв ветра, принесший с собой шум больших крыльев.

– Посланцы Шибальбы, – прошептал Махукутах.

В священной книге говорится о четырех посланниках подземного царства Шибальбы, преисподней, где властвуют жестокие боги, владельцы посохов из человеческих костей. У этих посланников вид сов, и имена их Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холом-Тукур. Чаби-Тукур быстр, как стрела, у Хуракан-Тукура только одна нога, но есть крылья; у Какиш-Тукур красная спина, а у Холом-Тукура есть только голова, а ног нет. Каждый Слуга Болон Окте хотя бы раз в жизни видел этих ужасных сов с человеческими лицами и помнит леденящий взгляд их огромных немигающих глаз. Махукутаху потребовалась вся выдержка, чтобы не упасть ниц, уткнувшись лбом в холодный каменный пол.

Но никаких сов он не увидел. Темнота с треском разошлась, как разрывается черный холст, и из разрыва выглянул желтый, лоснящийся от жира череп старухи с приклеенными к вискам длинными седыми космами.

– Вот и Черная Дверь! – крикнул невидимый Гватемалец. –

Давай, Жирный, вставляй свой ключ в левую глазницу!

– Malparido!? [9] – воскликнул Балам-Акаб.

Что-то зазвенело, на мгновение в одной из глазниц черепа сверкнул кроваво-красный отблеск, отпечатавшийся на сетчатке глаза Махукутаха.

– Теперь Хрипун! – скомандовал Гватемалец. – В правую глазницу!

Ики-Балам завозился в своем углу. Громыхнула цепь.

«Следующий – я! – мелькнуло в голове Махукутаха. – Нужно будет дотронуться до этого черепа!»

– Малыш! Вставляй свой ключ старой хрычовке в рот!

Лучший колдун Чьяпаса протянул кремневый ключ и попытался засунуть его между челюстей черепа. Это оказалось непросто – они были крепко сжаты, – но Махукутах озверел и нажал сильнее. Несколько зубов вылетело и с костяным стуком упало на пол; ключ проскользнул в образовавшуюся дыру и канул в неизвестность.

«Я сделал это! – подумал Махукутах. Руку жгло адским холодом, как будто он подержал ее в банке с жидким азотом. -

Никто не посмеет теперь сказать, что я струсил или отступил с полдороги…»

– Ну, и последний ключ, – хохотнул Гватемалец. Он вдруг оказался совсем рядом с Махукутахом, в руке у него был небольшой топорик. Взмах блестящего лезвия – и топор вонзился прямо в темя старухи. Нижняя челюсть черепа отвалилась, и в уши Махукутаха ударил пронзительный, нечеловеческий вопль.

– Добро пожаловать в Дом Мрака, – проговорил Гватемалец, вытирая топор о штаны.

Череп рассыпался с мягким шелестом, словно был слеплен из песка. На его месте закрутилась, все расширяясь, воронка плотного воздуха. Там, с той стороны воронки, находилось непредставимое для смертного обиталище Великого Губителя, Черного Владыки, Болон Окте.

На миг перед глазами Махукутаха мелькнула огромная, в два человеческих роста, фигура с четырьмя мощными, мускулистыми руками и толстой, как бочонок, грудной клеткой. Видно, это был один из демонов, охранявших дорогу к обиталищу Болон Окте. Но прежде чем Махукутах успел как следует рассмотреть грозного демона, воронка коснулась колдуна и поглотила его.

Он оказался в месте, для которого не существовало названия в человеческом языке. Пространство, отдаленно напоминающее исполинскую пещеру, со стенами из темного бархата, подсвеченными серебристыми звездочками. Здесь было очень холодно. Махукутах чувствовал чье-то присутствие, но никого не

видел. Куда ни посмотри, только темный бархат и серебряные звезды.

– Шибальба, – пробормотал Махукутах.

Звук его голоса раскатился по темно-фиолетовому пространству, колыхнув тяжелые завесы тьмы.

– Нет, – возразил кто-то рядом. – Слишком шикарно для преисподней. Скорее, одно из тринадцати небес.

Махукутах повернул голову и увидел Гватемальца. Удивительно, но южанин тоже выглядел напуганным. Может быть, потому что рядом с ним не было нагуаля-ягуара?

– Где остальные? – прошептал Махукутах.

Гватемалец огляделся.

– Они не смогли пройти сквозь дверь, – решил он наконец. – А может, их разорвали на куски привратники… Даже странно, что ты здесь, Малыш. Не ожидал от тебя.

Прежде чем Махукутах успел преисполниться гордости, Гватемалец вдруг больно ущипнул его за руку.

– Ты что? – возмущенно воскликнул Махукутах.

– Смотри! Это сам Великий Губитель!

В глубине фиолетового пространства заколыхалась черная тень. Махукутах, чувствуя, как слабеют колени, непроизвольно отступил на шаг назад.

– Стой на месте! – зашипел Гватемалец. – И не смей скулить – Владыка ненавидит трусов!

Тень приблизилась, обрела четкие очертания. Махукутах охнул от неожиданности. Болон Окте, Черный Владыка, Дуновение Смерти почему-то принял вид… девушки-гринго!

У Болон Окте были длинные светлые волосы и разноцветные глаза – зеленый и синий. Бог был одет в черный комбинезон, наподобие тех, что носят бойцы отрядов специального назначения. Комбинезон выглядел настолько обыденно, что Махукутах даже засомневался, не перепутал ли он Владыку с живой девушкой, неизвестно как оказавшейся в этом странном месте. Но, взглянув в лицо Болон Окте, убедился, что это действительно аватар бога – кожа девушки была прозрачной, как дымчатое стекло, сквозь которое просвечивали голубоватые прожилки.

– Кто вы? – спросил Болон Окте приятным девичьим голосом.

– Мы – твои слуги, Владыка, – охрипшим от волнения голосом ответил Гватемалец. – Разве ты не помнишь меня?

«Ага, – подумал Махукутах, – значит, Гватемалец уже встречался с Великим Губителем прежде!»

Бог в облике девушки удивленно поднял тонкие брови.

– Вы – мои слуги? – озадаченно повторил он.

– Мы пришли молить тебя о милости, Великий Губитель…

– Почему вы обращаетесь ко мне как к мужчине? – перебил его Болон Окте.

Гватемалец смешался. В других обстоятельствах Махукутах испытал бы злорадное удовлетворение, но сейчас ему было не до того.

– Прости, Владыка… твои слуги слишком напуганы… если ты желаешь, мы будем обращаться к тебе как к женщине…

В разноцветных глазах бога мелькнуло нетерпение, и Махукутаху захотелось зажмуриться от страха.

– Как вы попали сюда и что вам нужно? – сердито спросил Болон Окте.

– Мы прошли через Черную Дверь, Владыка. Мой нагуаль сказал, что она откроется в том месте, где была похоронена заживо старая Сестра Смерти…

Болон Окте нахмурился еще больше. Потом пробормотал что-то на непонятном Махукутаху языке.

– Так это вы выпустили в мир вирус Армагеддона? – спросил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Махукутах окончательно запутался. Что происходит? Играет с ними Великий Губитель, что ли?

– Нет, Владыка, – опустив взгляд, проговорил Гватемалец. – Твое проклятие выпустили в мир сумасшедшие гринго. Мы лишь хотели молить тебя отвести руку от народа киче. Пусть гринго вымрут все до единого, нам их не жаль. Но киче всегда были твоими верными слугами…

– И цоцили тоже, – вставил Махукутах. – Умоляем тебя, прости наши народы!

Но бог, похоже, разгневался не на шутку.

– И вы посмели явиться ко мне с такой пустяковой просьбой? – крикнул он.

У Махукутаха подкосились ноги, и он упал на колени. Гватемалец, белый как снег, попятился.

– Вы – ничтожные насекомые! – загремел бог. От того, что голос его оставался девичьим, было еще страшнее. – Вы заботитесь лишь о благополучии своих племен, не думая о том, что болезнь может уничтожить весь мир!

– Но, Владыка, – дрожащим голосом возразил Гватемалец, – ты ведь сам создал Веселую Смерть на погибель роду людскому…

– А ты что, умеешь читать мои мысли? – ехидно осведомился Болон Окте. – Или знаешь наперед все мои замыслы?

– Конечно нет! Я бы никогда не осмелился…

– То-то! – оборвал его бог. – Значит, вы хотели бы, чтобы вирус Армагеддона уничтожил все человечество, кроме ваших

народов…

Он еще раз удивленно оглядел обоих колдунов с ног до головы. «А вдруг это не Болон Окте?» – мелькнула у Махукутаха крамольная мысль. За всю свою карьеру колдуна он ни разу не видел Бога Смерти воочию, только чувствовал его давящее присутствие. Здесь же никакого давления не было в помине – напротив, облик разноглазой девушки наводил на совсем не божественные мысли.

– Что ж, – задумчиво произнес Великий Губитель, – видно, придется вам хоть раз в жизни совершить кое-что полезное. Ждите здесь.

Повернулся и исчез, словно растворившись в густых фиолетовых тенях. Махукутах и Гватемалец переглянулись.

– Я видел Владыку трижды. – Гватемалец облизнул пересохшие губы. – В первый раз он был как грозовая туча, закрывающая небо. Во второй – как штормящее безбрежное море. В третий – словно застывшая золотая молния. Но девушка… я ничего не понимаю…

– Может быть, это не он? – робко предположил Махукутах.

Гватемалец решительно мотнул головой.

– Черная Дверь ведет только в одно место, – сказал он. – В обиталище Великого Губителя.

Они еще пошептались, боясь сказать что-нибудь лишнее, – им казалось, что вокруг, за завесами темного бархата, скрываются невидимые шпионы. Потом Махукутах осторожно поднялся на ноги и отряхнул свои камуфлированные брюки.

– Мне кажется, он про нас забыл.

И тут же почувствовал, как что-то коснулось его плеча.

– Вы вернетесь домой, – сказал неслышно подошедший сзади Болон Окте. – А потом отправитесь на север, туда, где свирепствует болезнь.

Он протянул к Гватемальцу руку. На узкой девичьей ладони бога поблескивал тонкий металлический диск.

– Если вы и вправду мои верные слуги, – сказал Болон Окте, – вы отнесете это человеку, который сможет сделать добро из зла. Тогда ваши народы будут спасены.

– Что это за человек? – спросил Гватемалец. – И как мы его найдем?

– Это человек, у которого много лиц, – ответил бог. – А найдете вы его в городе Соленого Озера, когда над ним взойдет Солнце Смерти.

Глава первая

Карты на стол

В Америке бывают трудные времена. Но мы переживали трудные времена в прошлом и, как я надеюсь, обязательно постараемся пережить их в будущем.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

– Это все фальшивка! – снова прокричал Вессенберг, не поднимаясь с колен и обернув к Гумилеву перекошенное лицо. – Вся эта Зона 51 – надувательство! Мы зря летели сюда, зря рисковали! Нас всех обманули!

Гумилев опустил руки. По растекшейся зеленой жидкости медленно плыл, разворачиваясь, извлеченный из резиновой утробы «пришельца» газетный комок с явственно видной шапкой «Лос-Анджелес Таймс» и датой – «15 октября 1957 года».

– Любопытно, – бесстрастным тоном произнес Решетников, присаживаясь на корточки. – Шестьдесят лет, стало быть, этому кукольному театру… А ведь были люди, которые нечто подобное подозревали.

– Что ты имеешь в виду? – мрачно спросил Гумилев, поддевая носком ботинка кусок поролона.

Тот откатился в сторону и развернулся в длину, словно белая гусеница.

– Да то, что все здесь – липа. Сверхсекретный объект, который стоило придумать – на страх и зависть врагам, тому же Советскому Союзу, на потребу налогоплательщикам, которые втайне верили, что на их кровные денежки здесь исследуют инопланетные технологии, призванные служить процветанию Америки… В конце концов, показывать президентам – как окончательное свидетельство их величия и всезнания. Тот же Клинтон так активно отрицал существование секретных лабораторий в Зоне 51, что стало ясно – дыма без огня не бывает, коли уж сам президент так забеспокоился. А его сюда возили, это мы точно знаем. И, видимо, показали весь этот кружок «Умелые руки».

– Черт с ними, с фальшивыми инопланетянами, – в сердцах сказал Гумилев. – Как выбираться будем?

– Я согласен с Миллерсом – вряд ли они справятся с дверью.

Повозятся и бросят. Поэтому рекомендовал бы искать другой выход.

– Полагаешь, он здесь есть?

– Ну, если бы это были настоящие инопланетяне – то вряд ли. А с учетом того, что здесь все фальшивое, – запросто. Кто ищет, тот всегда найдет.

Эстонец тем временем взобрался на металлический стол и сел там в позе лотоса, уставившись в одну точку. Судя по всему, Вессенберг переживал крушение надежд всей его сознательной жизни, и Гумилеву стало даже немного жаль ученого. Медитирует, бедняга, в себя ушел… То ли дело Миллерс – этот не унывал, а деловито возился в разбитой панели экстренного закрытия дверей. Пытался соединить какие-то проводки, бормоча себе под нос. То ли напевал, то ли ругался. То ли напевал что-то ругательное.

– Антон, брось ты это дело, – велел Гумилев. – Они, скорее всего, ждут нас с той стороны. Как минимум несколько человек оставили на всякий случай. Вдруг откроешь – начнут палить, все здесь и поляжем, словно куропатки… Будем искать другой выход, вот Константин Кирилыч дело говорит.

– А с этим что? – осторожно спросил Миллерс, кивая на безмолвного эстонца. – Он, часом, умом не повредился?

– Пусть пока сидит, не мешает же. Думаю, с ним все в порядке, переживает просто.

Втроем они принялись обшаривать огромное помещение в поисках вентиляционной шахты или запасного выхода. Однако ничего даже отдаленно похожего в «кукольном театре» не обнаруживалось. С горя Гумилев пнул капсулу с плавающим внутри фальшивым инопланетянином, ушиб ногу, чертыхнулся и увидел кота.

Кот был давешний, рыжий и ободранный, с бандитской рожей. Он сидел на полу, закинув заднюю ногу за ухо, и сосредоточенно мыл брюхо языком. Почувствовав взгляд Гумилева (а коты это таинственным образом умеют), кот вздохнул и прекратил гигиенические процедуры, уставившись на человека.

– Кот, – растерянно произнес Андрей.

– Что? – не расслышал Решетников, пытавшийся открыть дверцу какого-то распределительного щита.

– Это же кот! – воскликнул Гумилев. – Я этого рыжего кота уже видел наверху, в коридоре базы. Приметный такой… Как он сюда попал?!

– Может, вместе с нами проскочил, – предположил Миллерс, с интересом разглядывая животное.

Кот встал на лапы, потянулся и хрипло мяукнул.

– Да ну. Так следом и шел, получается? Да и не видел я здесь никакого кота… Говорю же – приметный, яркий.

– Я тоже не видел, – подтвердил Решетников. – Кс-кс-кс!

Кот снова мяукнул и побежал куда-то вдоль стены.

– За ним! – поспешно крикнул Гумилев.

Впрочем, кот не торопился, он даже иногда останавливался на мгновение и оглядывался, чтобы проверить, не отстают ли люди. Люди не отставали, и кот привел их к едва заметной щели в стене. Юркнул туда, многозначительно мяукнув в последний раз, и исчез.

– Какой-то технический лаз, – со знанием дела сообщил Миллерс, осмотрев отверстие. – По-моему, можно отодвинуть вот этот лист. Сейчас попробую.

Безопасник решительно ухватился за край и с силой потянул. Вначале лист не поддавался, затем неожиданно со скрежетом отъехал в сторону, открывая квадратный проем шириной почти в метр.

Гумилев опустился на колени рядом с Миллерсом, заглянул внутрь, но ничего в темноте не увидел и включил фонарик на шлеме.

Коридор уходил вдаль, поворачивая затем под прямым углом вправо. Пол его был припорошен серой пылью, в которой отчетливо виднелись мелкие следы кошачьих лапок.

– Давайте, я слазию… то есть слажу… ну, в смысле, один схожу, Андрей Львович, чтобы проверить, чего там, – предложил Миллерс. – Вдруг тупик? Чего всем кагалом туда лезть?

– Давай, Антон, – согласился Гумилев.

Миллерс полез в проем и довольно шустро скрылся за поворотом. Слышно было, как он удаляется, громко пыхтя. Гумилев и Решетников переглянулись.

– Что-то они тут намудрили, эти американцы, – задумчиво пробормотал Решетников.

– Не рой другому яму, – вяло сказал Вессенберг, который неслышно слез со стола, подошел и стоял, прислонившись к стене чуть поодаль. Вышел, видать, из своей медитации.

– Что? – переспросил Решетников.

– Индро Юльевич у нас любит говорить пословицами, – пояснил Андрей.

Эстонец хотел что-то ответить, но тут из отверстия выполз Миллерс.

– Там комната, – деловито сообщил он, поднимаясь с колен и отряхиваясь от лохматых ошметков пыли. – Я дальше смотреть не стал, но вроде бы какой-то пост управления, все работает, свет

горит… Несколько дверей, куда ведут – не проверял. Давайте за мной, Андрей Львович, вместе и разбе-

ремся.

– Видал, Кирилыч?! – с улыбкой кивнул Гумилев. – Командуют как хотят.

– Вы, Андрей Львович, зря шутите, – сказал Миллерс с некоторой обидой. – Это в другое время вы для меня начальник, а сейчас я за вас полностью отвечаю, как сотрудник службы безопасности. Чего с вами случится – век себе не прощу. А уж Санич вообще башку с меня снимет и страшно сказать, куда приделает.

– Да ладно, ладно. Лезу я, лезу, – не стал спорить Гумилев, мимолетно подумав: «Эх, где сейчас тот Санич?!» Повернулся к эстонцу: – Индро Юльевич, вы с нами или пока здесь останетесь?

– С вами, разумеется, – мрачно произнес Вессенберг. – Здесь мне делать нечего.

– Вот и верно, – согласился Гумилев. – Вот и правильно. Тогда давайте-ка за Миллерсом, а там и мы с Константином Кирилычем.

Эстонец, ничего не говоря, скрылся в отверстии следом за Миллерсом. Гумилев помахал рукой Решетникову и сказал:

– До встречи на той стороне.

Почему-то Андрей почувствовал некоторое облегчение, когда обнаружил, что его надули. Может, успокоило то, что до него надули еще тысячи и десятки тысяч людей, причем далеко не последних. Может, то, что нашелся хотя бы какой-то выход, а значит, ситуация могла наладиться. Конечно, Гумилева волновало, что происходит с его людьми, оставшимися в лапах у Роулинсона, но он надеялся, что с ними все в порядке. При всей своей зловещей сущности полковник не производил впечатления идиота. Впрочем, таких людей как раз нужно опасаться куда больше, чем тех, кто на идиота похож с первого взгляда…

Помещение, куда выбрался в итоге Гумилев, в самом деле скорее всего являлось резервным постом управления. Огромные пульты помигивали огоньками, где-то гудели мощные вентиляторы, под низким потолком горели красноватые тусклые лампы. Миллерс уже возился с приборами, разбираясь, что к чему. Вессенберг с безучастным видом стоял рядом.

В противоположной стене Гумилев увидел несколько бронированных дверей.

– Попробую открыть, – тут же доложил Миллерс, деловито щелкая тумблерами.

– А где кот? – вдруг вспомнил про своего хвостатого проводника Андрей.

В самом деле, если кота в комнате нет, куда-то же он подевался?

– Кот вон туда шмыгнул, – показал пальцем Миллерс. – Там вентиляция, но труба очень узкая. В самый раз для кота. Человеку не протиснуться никак.

Вылезший из дыры Решетников тут же отправился помогать Миллерсу. Вессенберг огляделся и сел в ближайшее кресло с колесиками, подкатив его к себе ногой. В этот момент дальняя из дверей неожиданно с грохотом и лязгом открылась, и на пороге показался бородатый человек в замызганном лабораторном халате и совершенно неуместном в сочетании с ним армейском кевларовом шлеме. В руках человек держал огромный автоматический двенадцатимиллиметровый дробовик АА-12, весьма жуткую в ближнем бою штуку.

– Руки вверх! – громко крикнул бородач. – Кто вы такие?!

Гумилев решил, что врать бесполезно, к тому же человек с дробовиком не походил на головорезов полковника Роулинсона. Зато весьма смахивал на сумасшедшего, которых, как известно, лучше не раздражать.

– Мы представители специальной миссии ООН, – мирно сказал Андрей, поднимая руки. – Сюда попали случайно, потому что базу захватили террористы. Вот, пытаемся найти выход.

– Террористы… – с сомнением пробормотал бородач, поглаживая круглый магазин дробовика. – Что, черт возьми, вообще там произошло?! Я здесь сижу уже два года… или три года?! Откуда взялись террористы? Какая еще миссия ООН?

– Может быть, вы уберете свою гаубицу и мы побеседуем в более приятной обстановке? – предложил Гумилев, с тревогой отметив, что Миллерс, кажется, уже прикидывает, не бросить ли в бородатого незнакомца стулом.

Он не ожидал, что человек в шлеме согласится, рассчитывая всего лишь выиграть время и отвлечь внимание бородача. Но тот неожиданно кивнул.

– М-да… В самом деле, коммуникативность в этом случае наладится, вы правы. – Бородач хмыкнул и повесил дробовик на плечо, словно простое охотничье ружье. – Меня зовут Штреллер, доктор Захария Штреллер.

– Андрей Гумилев. – Гумилев пошел навстречу доктору, вглядываясь в его лицо и протягивая на ходу руку. Штреллер явно был не в себе: глубоко запавшие глаза тревожно поблескивали, кончик острого хрящеватого носа подергивался, словно принюхиваясь. Длинная спутанная борода свисала до самого живота, напоминая портреты Льва Толстого. – А это господа Решетников, Миллерс и Вессенберг.

Руку Гумилева доктор пожал с осторожностью, хотя две явно нерусские фамилии его еще более успокоили.

– Специальная миссия ООН, надо же, – покачал головой Штреллер и снял шлем. Повертев в руке, бросил на пол, шлем с грохотом откатился куда-то в угол. – Стало быть, ООН еще существует?

– Разумеется, существует. Вы не имели никакой связи с внешним миром с тех самых пор, как базу законсервировали?!

– Прозвучал сигнал тревоги… – Доктор наморщил лоб, пытаясь восстановить события в деталях. – Я как раз пришел на дежурство, когда прозвучал этот сигнал… Двери автоматически закрылись, я сделал все, что должен был сделать по инструкции, и принялся ждать особых распоряжений. Их не последовало. Жду до сих пор.

– Но как вы продержались столько времени? – недоверчиво спросил Решетников, снова занявшийся возней с пультом управления.

– Здесь есть резервный продовольственный склад, генераторы по-прежнему работают, насосы качают воду из подземной реки… Что все же случилось? Ядерная война? Но датчики показывают, что уровень радиации наверху хоть и повышен, но все же не так высок, как должно было быть после атомной бомбардировки…

Гумилев вкратце рассказал доктору об эпидемии и о том, что происходило после нее на Закрытой Территории. Штреллер сокрушенно качал головой, изредка переспрашивал, словно не в силах поверить услышанному, нервно барабанил пальцами по прикладу дробовика.

Когда Андрей закончил повествование, доктор сказал:

– Почему-то я не удивляюсь. К этому все и шло, мир катился в пропасть.

– А как получилось, что вы оказались здесь совершенно один, мистер Штреллер? – уточнил Решетников.

– Изначально я был не один. Со мной был лейтенант Форсайт, но он застрелился спустя пару недель. Мне пришлось… э-э… утилизировать его труп.

Гумилев не стал интересоваться, как именно добрый доктор это сделал. Не съел, наверное, и ладно.

– Видите ли, лейтенант хотел выбраться наверх, у него там осталась семья… Но выбраться не мог, – пояснил Штреллер. – А вообще это уровень с особым доступом, здесь всегда находилось меньше сотрудников, чем на других. Простите, но почему вы спрашиваете? Разве вы не в курсе? Я полагал, что, как представители специальной миссии ООН, вы согласовали все нюансы с правительством Соединенных Штатов… – неожиданно

забеспокоился доктор.

– Я же говорил: базу захватили террористы, – напомнил Гумилев.

– Ах да… Запамятовал. И что же вы собираетесь делать, сэр?

– Мы собираемся открыть двери, – ответил за Гумилева Миллерс. – Но тут все запаролено к чертовой матери, поэтому пока ничего не выходит. Может быть, вы, доктор, нам поможете?

– Давайте сперва перекусим, – радушно предложил Штреллер, – а потом уже я постараюсь решить вашу проблему.

– В самом деле, – кивнул Гумилев, – отчего бы нам и не перекусить?

Андрей понимал, что сейчас нужно следовать пожеланиям малость съехавшего доктора. Он прожил в подземелье базы с самого начала эпидемии и явно многое знал. В конечном счете, лишние полчаса или час ничего уже не решали.

Запасы у Штреллера и в самом деле оказались богатые – саморазогревающиеся консервы, сухари, вполне чистая на вид и вкус вода из крана, даже запечатанный картонный ящик бурбона «Джим Бим». Обитал гостеприимный доктор в жилом боксе – небольшом помещении со стенами, облицованными пластиковыми панелями «под дерево», и четырьмя койками. За сдвижной дверцей имелся совмещенный санузел – унитаз, биде и душевая кабинка, на полке стоял музыкальный центр с коллекцией компакт-дисков, преимущественно классики и старых блюзов. Тут же висел плазменный экран, на котором безмолвно бегали туда-сюда киношные ковбои.

– Я смотрел вестерн, когда услышал, что в зале кто-то ходит, – скромно пояснил доктор, выключая DVD-плеер. – Будьте как дома, прошу вас.

– Андрей Львович, – с нескрываемым намеком произнес Миллерс, подбрасывая на ладони бутылку бурбона.

– Понемногу, – не стал лютовать Гумилев.

Все выпили из пластиковых стаканчиков, доктор Штреллер отказался.

– Видите, я даже не распечатал коробку, – с гордостью заметил он. – Я не пил и не пью.

Гумилев мысленно оценил услышанное: доктор был либо человеком железной воли, либо еще более чокнутым, чем казался. Два года просидеть в одиночестве, не представляя, что происходит наверху, и ни разу даже не напиться с горя!

Некоторое время все молча ели.

– Вы говорили, что постараетесь решить нашу проблему, мистер Штреллер, – напомнил Решетников, выскребая из

контейнера остатки овощного гарнира.

– Да, точно; вам ведь нужно выбраться отсюда… – Доктор едва не хлопнул себя по лбу. – Идемте, я все вам покажу. Тот пульт, с которым вы возились, – дублирующий, его еще нужно активировать, а ведь все делается значительно проще.

Доктор подхватил прислоненный к койке дробовик и поднялся.

– Э-э… сэр, а у вас есть здесь такие же штуки? – аккуратно осведомился Миллерс, кивая на оружие.

– На складе, – подтвердил Штреллер. – Впрочем, вы можете взять мою винтовку. Мне она ни к чему, я даже никогда не бывал в тире.

– Спасибо, сэр, – учтиво сказал Миллерс, забирая у доктора оружие и проверяя, полон ли магазин. – Только это не винтовка, а автоматический дробовик… А где склад?

– Соседняя дверь, там открыто.

– Секундочку, Андрей Львович, я быстро, – предупредил Миллерс и исчез.

Вернулся он с таким же дробовиком и двумя автоматическими пистолетами. Дробовик вручил Решетникову, пистолеты – Вессенбергу и Гумилеву. Эстонец повертел оружие в руках с некоторым сомнением, но потом щелкнул предохранителем и сообщил:

– Готовь сани летом, а телегу – зимой.

– Точно! – поддержал ксенобиолога заметно повеселевший Миллерс. – Это вы правильно заметили, Индро Юльевич.

– Ну, идемте же, – сказал доктор и, ссутулившись, вышел первым из своего жилища. А когда он открыл следующую дверь, Гумилев едва удержался, чтобы не ахнуть.

В большом зале с низким потолком стояли несколько прозрачных капсул. Это были вовсе не те «музейные» цилиндры, как в фальшивом хранилище инопланетян, а куда более сложные устройства. Внутри виднелись тела существ, явно не имевших к старушке-Земле никакого отношения. Одни напоминали клубок беспорядочно спутанных щупалец, другие – гигантских личинок с хорошо развитыми челюстями и слабыми тонкими ручками, третьи издали казались человекоподобными, но при ближайшем рассмотрении выглядели пугающе уродливыми…

Вессенберг медленно приблизился к ближайшей капсуле и с благоговением уставился на тело одного из гуманоидов, на котором виднелись сильные повреждения, полученные, видимо, при катастрофе летательного аппарата.

– Боже, это же гуманоид Корсо, – прошептал Вессенберг.

Существо было ростом примерно с восьмилетнего ребенка и

напоминало человека. Тельце гуманоида оказалось довольно тщедушным, руки и ноги – болезненно тонкими. На передних конечностях отсутствовал большой палец. При всем при этом существо обладало непропорционально огромной головой, которая по своей форме походила на электрическую лампочку. Подбородок едва намечен, челюсти неразвитые.

– И как этот дружок умудрялся удерживать свою голову «на плечах»? – поразился подошедший ближе Миллерс.

– Она полая внутри, легкая, – со знанием дела произнес Вессенберг.

Кожа у существа была серого цвета. Огромные, миндалевидной формы глаза, словно кошачьи, располагались на голове несколько под углом и почти сходились у крошечного носа. Но, в отличие от кошачьих, эти глаза были глубокого черного цвета, без каких-либо зрачков. Скорее, они выглядели как инкрустация гематитом. Нос же едва выступал на поверхности лица. Впалые щеки пришельца можно было разглядеть только сбоку. Ушей у существа не имелось, во всяком случае там, где они могли бы быть по земным меркам восприятия. Ни на лице, ни на теле не наблюдалось никакой растительности. Необыкновенно маленький рот больше походил на небольшую прорезь или углубление и, так же как и нос, очень слабо выделялся на нечеловеческом лице.

– Вот те раз… – еле слышно пробормотал Решетников. – А эти-то, похоже, настоящие…

– Здесь у нас хранятся тела и фрагменты тел существ, прибывших из других миров, – сухо, словно сто раз объяснявший это туристам экскурсовод, сообщил доктор Штреллер. – К сожалению, живым удалось добыть лишь одного, в шестьдесят седьмом году, но он умер от ран спустя полчаса. Как вы понимаете, земная медицина в данном случае была бессильна. Идемте в соседний зал, там у нас помещаются их летательные аппараты.

Оставив Вессенберга метаться от капсулы к капсуле, они прошли в следующий зал. Ничего общего с «кинематографической» (и Гумилев только сейчас в полной мере осознал ее фальшивость) тарелкой из «музея» тамошние аппараты не имели. Группа застыла, оглядывая огромное помещение. Миллерс даже разинул рот в совершеннейшем изумлении, чего за ним никогда не замечалось. Медленно, словно на экскурсии в музее, они пошли по периметру, всматриваясь в чуждые конструкции. Аппараты, собранные здесь, вызывали удивление и массу вопросов. Один походил на легендарный американский самолет F-117, скорее всего, с этого НЛО затем и «слизанный».

Другой, изрядно покореженный, вообще напоминал огромную каплю расплавленного металла, расположенную горизонтально. Третий состоял из двух шаров диаметром метра по три, соединенных тонкой штангой. В углу, за металлическим ограждением, лежали рассортированные части разрушившихся при падении объектов.

– Какое богатство, – восхитился Решетников, – жаль, не на ходу. А то сейчас бы…

– Увы, – строго прервал его фантазии Штреллер, – это невозможно. Хотя некоторые принципы передвижения мне удалось разгадать. Например, изучение внутренней части вот этого аппарата выявило наличие отделения, похожего на атомный двигатель. Но этот процесс не похож на высвобождение энергии в наших атомных бомбах. Существует следующая теория: пролетая через атмосферу, летательный аппарат поглощает водород и в процессе индукции генерирует реакцию атомного синтеза. Чтобы аппарат двигался, воздух вокруг него должен быть ионизированным…

– Простите, что перебиваю, – вежливо прервал Штреллера Гумилев, поняв, что нужно остановить этот словесный поток сейчас, иначе очумевший от отсутствия общения доктор закатит им многочасовую лекцию, – а вы здесь все это время?…

– Я, собственно, военно-космический специалист, – скромно улыбнулся доктор Штреллер, солидно покашливая. – Чтобы не сойти с ума, я каждый день работал, занимался исследованиями. И добился очень многого. Все результаты моей работы – вот здесь. Записи, графики, снимки…

Доктор любовно похлопал ладонью по ноутбуку, лежавшему на столе.

– Есть еще несколько носителей плюс данные, собранные моими коллегами. Если мы эвакуируемся с базы, я считаю, что все это нужно забрать. В противном случае я отказываюсь…

– Конечно, заберем. Конечно, – торопливо пообещал Гумилев.

Доктор с рассеянной улыбкой принялся снимать с полок какие-то пухлые папки, и его пришлось остановить.

– Простите, но давайте возьмем лишь то, что необходимо. Остальное мы сможем забрать, когда вернемся.

– Разве мы не уничтожим базу?! – удивился Штреллер.

– Зачем? Я же говорю: возьмем самое важное, а за остальным приедем позже.

– Но вы говорили, что база захвачена террористами, – напомнил на сей раз доктор. – Я не уверен, что следует оставлять им подобные вещи. Если они попадут не в те руки…

В зал вошел Вессенберг. Эстонец зачарованно вертел головой,

поблескивая очками. Пистолет он по-прежнему держал в руке.

– Это что-то неописуемое! – крикнул он, заметив Гумилева. – Я просто не ожидал такого увидеть!

– А вы уверены, что это не фальшивка? – осторожно спросил Миллерс.

– Абсолютно! Я уже сунулся в электронный микроскоп, с которым кто-то недавно работал…

– Это был я, – сказал доктор.

– Совершенно иная клеточная структура! Такое подделать невозможно, я гарантирую.

– Вы, видимо, ученый, мистер Вессенберг? – с уважением поинтересовался доктор, одергивая свой замызганный халат.

– Ксенобиолог, – солидно ответил эстонец.

– Помогите нам, Индро Юльевич, – попросил Гумилев. – А вы, доктор, отберите, пожалуйста, самое важное. Самое-самое.

– Вот носители. – Штреллер положил рядом с ноутбуком металлический чемоданчик. – Я думаю, этого достаточно. И я все-таки настоятельно советовал бы вам уничтожить базу. Если это достанется террористам…

– А что, базу так вот запросто можно уничтожить? – осведомился Решетников.

– Я ведь говорил, здесь резервный блок. Идемте.

Доктор подвел их к неприметному с виду пульту, закрытому непрозрачной крышкой. Набрал код на панели, откинул крышку.

– Вот это – система открывания дверей, – показал он.

Решетников и Гумилев переглянулись.

– То есть вы могли открыть двери и выйти? – недоверчиво спросил Андрей.

– Да, разумеется.

– В любое время?

– Господи ты боже мой… – уныло пробормотал доктор Штреллер, быстро пробежался пальцами по клавиатуре, нажал несколько кнопок, сняв с них защитные пластиковые колпачки. Где-то зашипела гидравлика. – Двери открыты.

Штреллер нажал другую кнопку.

– Теперь закрыты. Полагаю, не стоит пока оставлять их открытыми, мало ли что предпримут эти ваши террористы.

– Но почему вы не выбрались?! Столько времени… И несчастный лейтенант, который застрелился…

– Я выполнял инструкцию, – сухо сказал доктор. – Согласно инструкции я не имел права выйти наружу до получения информации. Когда появились вы, инструкция приказала долго жить, потому что стало ясно: база в прежнем ее виде уже не существует. А что до лейтенанта, то он все равно наверху сошел

бы с ума, подцепив вирус.

М-да, а доктор-то совсем плох, подумал Гумилев. С одной стороны, сидел здесь, имея возможность в любой момент выйти на поверхность вместе с товарищем, с другой – поверил первым попавшимся людям, что они представляют собой специальную миссию ООН, вручил им секретные данные… Это, конечно, хорошо, было бы куда хуже, начни сумасшедший палить в них из своего дробовика. Как бы то ни было, выход открыт, хотя где-то впереди еще люди Роулинсона. Ладно, это следующий шаг, станем решать проблемы по мере их поступления.

– Спасибо, доктор, – сказал тем временем Решетников, рассматривая пульт. – А что вы говорили насчет уничтожения базы?

– Сейчас я несколько сомневаюсь, есть ли у вас необходимые для этого полномочия… – промямлил Штреллер, запустив пальцы в бороду.

– Мы же не собираемся ее уничтожать, – мягко, словно ребенку, в который раз повторил Гумилев. – Мы просто уточняем.

– Ах да, конечно… Секунду.

Штреллер извлек из кармана халата сложный бороздчатый ключ и вставил в отверстие сбоку пульта. Откинулась еще одна крышка, продемонстрировав небольшое табло с клавиатурой и два маленьких прибора, похожих на дистанционное управление для обычного телевизора.

– Вот. Активируется непосредственно на пульте. Можно уничтожить всю базу, можно – только подземные ярусы или же отдельные сооружения на территории. Управлять этим можно как с пульта, так и с этих маленьких переносных устройств.

– Отлично, – сказал Гумилев, осторожно беря легкий пластиковый приборчик. – А что насчет связи? Здесь есть связь с постройками наверху?

– Здесь есть всё, – с довольной улыбкой произнес доктор, снова что-то нажал и сделал приглашающий жест: -

Говорите.

…Полковник Роулинсон, сидевший в башне КДП, едва не подскочил на месте, когда из покрытого пылью динамика на стене прогремел голос Гумилева:

– Полковник, вы меня слышите? Это Гумилев. Повторяю: полковник Роулинсон, вы слышите меня?

Роулинсон поискал микрофон; тот свисал со стены на пружинистом шнуре. Щелкнул кнопкой.

– Роулинсон слушает, tovarishch.

– О, я рад, что вы еще здесь, полковник. Видимо, пытаетесь

проникнуть внутрь хранилища и секретных лабораторий?

– Нет, – соврал Роулинсон, хотя именно этим его люди в данный момент и занимались. Совершенно безуспешно. Полковник не смел вернуться к Мастеру с пустыми руками, прекрасно понимая, чем это может для него закончиться.

– Врете, – угадал Гумилев. – Ну да ладно, не в этом дело. Видите ли, полковник, как это частенько бывает в азартных играх – а мы же с вами играем в азартную игру, да?! – ситуация переменилась на прямо противоположную. Вы где сейчас находитесь?

– На башне КДП, – на сей раз Роулинсон сказал правду, ему было интересно, что же затевает русский.

– Чудесно. Стало быть, вы можете видеть из окна два пустых ангара чуть левее. Видите?

– Вижу. – Полковник начал раздражаться. Что он задумал?!

– Хорошо.

Коробки ангаров неожиданно окутались клубами дыма и пыли, оседая внутрь себя. Через миг до башни КДП долетел чудовищный грохот; одно из треснувших стекол вылетело и осыпалось на пол. Полковник присел за столом и прикрыл руками голову. Несколько тревожных секунд он ожидал, что взорвется и КДП, но больше ничего не произошло. Осторожно выглянув из своего укрытия, Роулинсон обнаружил, что оба ангара превратились в груды мусора и обломков. В помещение вбежал капитан Долтри.

– Вы живы, сэр?! – закричал он. – Что это было?!

– Вон отсюда, капитан! – хрипло рявкнул Роулинсон, отряхиваясь.

Капитан тут же исчез так быстро, как и появился.

– Как вам небольшая демонстрация наших новых способностей, полковник? – послышалось из динамика.

В голосе русского сквозило неприкрытое ехидство.

– Что это было, черт побери?! Вы нашли систему уничтожения базы?!

– А вы догадливы, полковник. Да, мы нашли систему. Резервный пульт. Полагаю, даже если вы сейчас активно займетесь деактивацией этой системы, у вас все равно не найдется достаточно времени, чтобы успеть до очередного взрыва. А ведь я и сам пока не знаю, что именно взорву. Может быть, центр инженерной поддержки или еще один ангар. А может быть, электроподстанцию или вертолетную площадку. Или контрольно-диспетчерский пункт, где вы сейчас находитесь.

– Постойте, tovarishch, – сказал Роулинсон, вытирая пот со лба. – Раз уж вы со мной связались, следовательно, не исключаете

возможности договориться. Вы, видимо, хотите попросить меня, чтобы я выпустил вас из заточения?

– Нет, полковник, не хочу. Дело в том, что из заточения мы уже выбрались самостоятельно.

Роулинсон злобно скрипнул зубами, а русский продолжал:

– Меня интересует сразу несколько вещей. Во-первых, что с моими людьми и где они находятся? Во-вторых, на каких условиях вы согласитесь выпустить нас с базы? И в-третьих, чего хочет Мастер?

Полковник осознал, что до сих пор стоит в неприличной позе – пригнувшись, с микрофоном в руке. Сел, поправил повязку на шее, откашлялся и начал:

– Ваши люди в безопасном месте. Я не скажу, в каком именно, чтобы вы не взрывали здесь все подряд без риска уничтожить своих. Уверяю, с ними ничего плохого не произошло… пока не произошло. С базы я вас выпущу, если вы сделаете то, о чем мы договаривались изначально, – предоставите нам полученные данные. Они нужны Мастеру, потому что у Мастера далеко идущие планы. Вы видите в нем некую мрачную фигуру, а на деле он пытается возродить цивилизацию. Американскую цивилизацию.

Динамик молчал. Роулинсон не стал торопить русского – видимо, тот отключил микрофон и советовался со своими.

– Хорошо, – сказал наконец Гумилев. – По поводу данных хочу вас разочаровать – все эти секретные лаборатории и то, что в них хранилось, оказалось банальной фальшивкой. Фальшивкой, которая создана для запудривания мозгов налогоплательщикам и паяцам из Белого Дома.

– Я вам не верю, tovarishch. – Роулинсон даже помотал головой, словно русский мог его видеть.

– Он говорит правду, мистер… э-э… Роллинз? – Это был незнакомый голос безо всякого акцента, явно настоящий американец.

– Роулинсон, – нервно поправил полковник. – Вы еще кто?

– Доктор Захария Штреллер, сотрудник базы. То, что вы обнаружили, не более чем чучела и макеты. Фикция.

– Этого не может быть, доктор. Это глупость. Зачем?!

– Мистер Гумилев вам все объяснил.

– Но погодите расстраиваться, полковник, – это снова говорил Гумилев. – Мы тут кое-что нашли. Кое-что настоящее. И, если вы в самом деле заботитесь о возрождении цивилизации… американской цивилизации… то мы готовы этим

кое-чем настоящим с вами немного поделиться. С учетом наших нынешних возможностей мы могли бы вообще диктовать

свои условия…

– …Не могли бы, – мстительно перебил Роулинсон. – У меня ваши люди. А если вы возьметесь взрывать все подряд, то можете их угробить.

– Вероятно. Но с тем же успехом я могу угробить вертолет или станцию вашего подземного поезда, хотя и не знаю, где она находится… Впрочем, вот доктор Штреллер мне подсказывает, что он как раз прекрасно осведомлен. Поэтому, полковник, давайте сделаем друг другу кое-какие скидки и перестанем играть в солдатики.

– Я готов, – нехотя произнес Роулинсон.

В самом деле, русский играл более сильными картами. В конце концов, сюда всегда можно вернуться, а на первый раз привезти с собой нечто внушительное, что оценит Мастер. Опять же надо дождаться, пока русский со своей компанией вылезет наверх. Не оставит же он кого-то за пультом нажимать красные кнопки?

– Да, – словно читая мысли полковника, добавил Гумилев, – взрывать объекты на территории базы я могу при помощи переносных пультов. Их два, один – у меня, второй -

у одного из моих людей. Делайте надлежащие выводы, полковник, если вы вдруг уже прикинули, где посадить снайперов. И помните, что я способен взорвать и всю базу сразу. Тогда никто, включая меня и вас, отсюда не уйдет, не улетит и не

уедет.

– Я ведь уже сказал: я согласен на ваши условия. Выходите.

– Когда мы выйдем, я извещу вас, – заключил Гумилев. – Прикажите вашим людям подняться наверх – если кто-то попадется мне в коридорах, я нажму на кнопочку. И предупредите их, чтобы не вздумали палить, когда я выйду к вам на переговоры. Помните про второй пульт. Так что солдаты, которые меня увидят, должны сразу же отвести

к вам.

Пыльный динамик снова умер. Роулинсон отшвырнул микрофон, заплясавший на шнуре, и оглянулся, услышав шаги. В дверях снова маячил Долтри.

– Какого черта, капитан?!

– Русский, сэр. Один из тех, кого мы взяли в плен. Он очень хочет с вами поговорить.

– Мне некогда, – сердито бросил полковник. – Распорядитесь убрать людей из внутренних и подземных помещений базы. Русские, что закрылись у инопланетян, собираются выходить наверх, и ситуация такова, что нам придется принять их требования.

– Да, сэр, я распоряжусь… Но этот русский… Он был настойчив. Попросил напомнить вам, если вы откажетесь от беседы, о Мексике. И передать какую-то галиматью: «День 4 Ахау 3 Канкин. «Гленфиддиш». Скарабей».

Полковник Роулинсон хотел было выругаться в ответ на эту бессмыслицу, но понял, о чем речь, и остолбенел.

Глава вторая

«Друзья» встречаются вновь

Я думаю, что если ты говоришь, что сделаешь что-то, но не делаешь этого, то это и есть добросовестность.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Маккормик смотрел на лежащий перед ним металлический кругляшок. Кругляшок как кругляшок, размером с серебряный доллар, но вот беда – посередине кругляшка ярко мигала оранжевая лампочка, а сам он издавал противный, громкий, врезающийся в мозги звук, словно москит, пробравшийся в комнату и не дающий спать.

В фургончик вошел Ковальски с бутылкой ледяного пива в руке и замер с открытым ртом, собравшись было что-то сказать.

– «Крот», – коротко прокомментировал Маккормик.

– Я ни разу не видел, как эта штука работает… – промямлил Ковальски.

Кругляшок представлял собой мощный приемник, который получил сигнал от еще более мощного передатчика через военный спутник связи. Передатчик был у агента в группе Гумилева и включался в случае крайней опасности. К тому же он был одноразовым, передавал сигнал в течение десяти минут и безвозвратно отрубался. Поэтому Ковальски бросил бутылку, не обращая внимания на то, что пиво полилось под ноги, и кинулся к ноутбуку. Он быстро ввел код, соединился со штаб-квартирой и через пару минут уже знал, откуда именно поступил сигнал.

– База ВВС Неллис, – сказал Ковальски удовлетворенно. – Черт, Буч, я свое пиво разлил.

Кругляшок мигнул в последний раз, печально пискнул и затих.

– Почему я не удивляюсь?! – воскликнул Маккормик. – А я ведь говорил этим остолопам, что с русскими нужно что-то делать! Директор…

– Тс-с! – Ковальски поднес палец к губам.

– Да перестань ты! – продолжал бушевать Маккормик. Агент вскочил и принялся мерить шагами тесное пространство фургончика. – Не нужно было их никуда выпускать! Этот майор, он слишком много о себе возомнил! А генерал Хардисти?! Во имя

Христа и его мамаши, он-то куда смотрел?! Или дело генералов у нас теперь выдавать идиотские разрешения всем, кто попросит?

– Хватит орать, – недовольно сказал Ковальски. – Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю сыграть ва-банк, Пол. Взять вертолет и полететь на авиабазу.

– Ты с ума сошел. Мало нам неприятностей на наши задницы, так еще и попремся на Закрытую Территорию?! Я не хочу подхватить этот хренов вирус!

– Я все предусмотрел, – поднял палец Маккормик. – Русские оставили здесь несколько специальных костюмов, в которых можно чувствовать себя спокойно относительно вируса. К тому же они и пулю вроде бы неплохо держат.

– А транспорт?

– Тут неподалеку есть частный аэродром. Я реквизирую у них вертолет.

– Да они же засудят Бюро. И потом, военные… как ты возьмешь костюмы?

– Уговорю майора Магдоу.

– Слушай, ты сумасшедший, – заявил Ковальски. – И я тоже сумасшедший, потому что готов подписаться под твоей авантюрой. Но давай действовать поскорее, потому что мы не знаем, что там происходит.

– Скоро узнаем, – мрачно пообещал Маккормик и засунул в карман бесполезный уже кругляшок-передатчик. – А этот «крот» – он вовсе не такой крутой парень, как мы думали, раз попался.

– Мы еще не знаем, куда именно и как именно он попался, – возразил Ковальски.

Маккормик не нашелся, что на это ответить.

Реквизировать небольшой «Белл» у хмурого одноглазого хозяина аэродрома оказалось не таким уж сложным делом – значки и удостоверения агентов ФБР чего-то еще да стоили в Америке.

– Куда полетите? – осведомился он, заправляя машину горючим.

– Государственная тайна, – отрезал Ковальски.

Одноглазый равнодушно пожал плечами и сплюнул.

– Надеюсь, Бюро мне заплатит, если угробит технику, – заметил он.

…Когда «Белл» приземлился на площадке базы Магдоу, сам майор уже был тут как тут. Не дожидаясь, пока лопасти винтов остановятся, он подбежал, пригибаясь, к вертолету и крикнул:

– Вы опять тут?!

– Мы опять тут, – подтвердил Ковальски, выбираясь из

кабины. – Нам требуется ваша помощь, майор.

– Я не подчиняюсь ФБР, – сухо возразил Магдоу. – Более того, я бы советовал вам покинуть площадку. Гражданскому вертолету здесь делать нечего.

– Майор, прекратите шуметь, – примирительно сказал Маккормик. – Ваши русские попали в беду, судя по всему.

– Да, связи с группой нет, – признался Магдоу. – Но почему вы решили, что они именно попали в беду?

Агенты переглянулись.

– Дело в том, что там есть наш человек. Он подал сигнал SOS, право на который имел только в самом крайнем случае.

– А вы ушлые ребята, – с некоторым уважением произнес майор.

– Что есть, то есть, – не стал спорить Маккормик.

– И кто он, ваш человек? Я там со всеми знаком.

Агенты снова переглянулись.

– Сами не знаете, – правильно понял заминку майор.

Ковальски вздохнул.

– Хорошо, – продолжал Магдоу, – и какие у вас предложения? Судя по тому, что вы прибыли на этой мясорубке, а не приехали на своей красивой черной автомашине, вы собираетесь за периметр лететь. Не стоит напоминать, что это опасно и вас могут, к примеру, сбить?

– Не стоит, – покачал головой Маккормик.

– Что от меня-то требуется? – устало спросил майор.

Он выглядел далеко не лучшим образом, наверное, уже получил не один нагоняй от руководства, потому что разрешение разрешением, но связи-то с миссией нет…

– От вас требуются костюмы. Сами понимаете – за периметром вирус. А у русских были средства защиты.

– Ах, это… – Магдоу помассировал виски. – Да, думаю, три костюма там осталось.

– Три?

– Я ведь полечу с вами. Этот вопрос не обсуждается, господа. Иначе никаких костюмов вы не получите, пока сюда не явится ваше высокое начальство, да и то не факт.

Агенты переглянулись в третий раз.

– Хорошо, – сдался Маккормик. – В конце концов, вы военный, а мы летим не на прогулку. Лишний ствол нам очень даже не повредит.

– Кстати, о стволах, – напомнил напарнику Ковальски.

– Да, майор, о стволах. У нас только пистолеты и дробовики; не подкинете что-нибудь потяжелее из своего арсенала?

– Подкину, что с вами делать, – махнул рукой майор.

Подогнать гумилевские бронекостюмы по размеру оказалось делом несложным. Спустя примерно минут сорок оба агента и Магдоу погрузились в вертолет. За старшего майор оставил своего заместителя, капитана Левинсона, не вдаваясь в объяснения.

– Если вернемся, вам не избежать неприятностей, – предостерег Ковальски.

– Какая разница, – поморщился майор. – Я уже привык. И потом, еще нужно вернуться… На самом деле взять бы с собой еще несколько человек, у меня есть хорошие ребята, которые в огонь и в воду…

– Но у нас нет костюмов, – возразил Ковальски.

– То-то и оно, – развел руками Магдоу.

Через четверть часа летящий вертолет был обстрелян с земли из легкого оружия. Это был не «Сикорский», как у Гумилева, а обычная гражданская модель, и пули в некоторых местах насквозь пробили обшивку и плексигласовые окна. По счастью, никто не пострадал.

– А я предупреждал, – сказал майор, вглядываясь в проплывающий внизу безрадостный пейзаж. – Тут народец такой – могут и «Стингером» долбануть.

Маккормик ничего не ответил, но на всякий случай поднял «Белл» повыше, словно это могло спасти от обстрела из ПЗРК.? Ковальски вслед за майором посмотрел в окошко и поежился.

– А что вы делали, майор, когда все это началось? – неожиданно спросил он.

Магдоу задумался, подперев кулаком подбородок.

– А знаете, не помню, – с некоторым удивлением произнес он. – Совершенно не помню, что я делал… И потом, как разграничить, когда именно все началось? Когда мы узнали об этом из телевизионных новостей? Или когда наш полк послали перекрывать федеральную автотрассу?

– Люди часто не помнят, что делали, когда свершилось то или иное историческое событие, Пол, – вмешался Маккормик. – Или не хотят об этом рассказывать.

– Я видел телепередачу про ветерана Второй мировой, – добавил майор. – Ведущий спрашивал старичка, что тот делал, когда японцы напали на Перл-Харбор и раздербанили к чертовой матери почти весь наш тихоокеанский флот. Знаете, что ответил старичок?

– Что? – спросил Ковальски.

– «Я, – говорит, – пьяный валялся. Мы с парнями обыграли в бейсбол команду из соседнего городка, ну и отметили это дело. Очухался весь в блевотине, а папаша и говорит – вставай, сукин

сын, у нас война с узкоглазыми».

Маккормик громко расхохотался, а Ковальски покачал головой:

– Ерунда. Такое не выпустили бы в эфир.

– А сюжет и не выпустили. Просто у меня приятель работает на телеканале, он мне показал.

– Вот видишь, – заметил Маккормик напарнику. – Да ты сам-то помнишь, чем занимался?

– Конечно. Сидел дома, читал «Ветер в ивах»? [10].

– У тебя разве есть ребенок? – несказанно удивился Маккормик.

– При чем тут ребенок? Нет у меня никакого ребенка.

– А кому же тогда ты читал «Ветер в ивах»?!

– Я просто так его читал. Я очень люблю эту книгу.

– Интересно, что сказал бы психолог из Бюро, – покачав головой, пробормотал Маккормик и заложил крутой вираж.

Напарник обиженно посмотрел на него и отвернулся. Но долго молчать он не смог – видимо, нервное – и некоторое время спустя поинтересовался у Магдоу:

– Майор, а правда, что русские много пьют?

– Эти пили мало, – сказал Магдоу. – С другой стороны, я частенько вижу у нас в глубинке парней, которые всегда рады нализаться в лоскуты. Свиньи есть среди любого народа.

– Это точно, – философски кивнув, согласился федеральный агент.

Дальше они летели в тишине, если не считать монотонного гудения роторов, до тех пор, пока впереди не показались постройки базы Неллис, торчащие на берегу высохшего озера.

– Мне всегда было интересно, что они здесь на самом деле прячут. – Ковальски поправил лежащую на коленях М4. – В какой-то уфологической книжке я читал…

– Лучше бы ты еще раз перечитал «Ветер в ивах», – мрачным тоном перебил его напарник.

«Белл» немного снизился и сделал круг над авиабазой. Выглядела она покинутой, но на площадке стоял «Сикорский», принадлежавший гумилевской группе, хорошо знакомый и агентам, и тем более Магдоу. Возле вертолета виднелись человеческие фигурки в форме и с оружием; неожиданно они принялись стрелять в направлении «Белла».

– Твою мать! – изумленно воскликнул Маккормик и резко стал набирать высоту, уходя в сторону гор. – Они же палят в нас!

– Это еще что за ублюдки?! – возмутился Ковальски.

– Ну, кто-то же вынудил вашего агента дать сигнал SOS, – рассудительно сказал майор. – Видимо, эти самые ублюдки.

Возможно, уцелевший персонал базы. Или те, кто ее захватил. На Закрытой Территории полным-полно вооруженных людей.

– Будете вы нам рассказывать… – буркнул Ковальски, которому сделалось стыдно перед майором.

Пугаться выстрелов с земли не стоило, эти идиоты стреляли куда попало из своих автоматических винтовок, попасть в маленький юркий «Белл» у них практически не было шансов.

– Сядем вон там, – показал рукой Маккормик на небольшую площадку среди гор. – Недоумки на базе решат, что мы испугались и свалили прочь, а мы тихонько проберемся туда и посмотрим, в чем дело.

– Я бы не стал их так недооценивать, – сказал майор.

– У вас есть другие предложения, сэр? – ядовито осведомился агент.

– Боюсь, что нет.

– В таком случае мы садимся.

Пилотом Маккормик оказался классным и без проблем посадил вертолет на маленький пятачок. Потом залез в карман бронекостюма и достал плоскую металлическую флягу.

– Предлагаю хлебнуть перед началом операции.

– Что это? – подняв бровь, спросил Магдоу.

– Всего лишь чистый джин, майор. «Бомбей», голубой сапфир. Ни тоника, ни льда у меня нет, но эту марку я предпочитаю пить чистой.

– И этот человек попрекает меня «Ветром в ивах», – съязвил Ковальски, отвинтил крышечку и сделал глоток. Потом передал ее майору, тот покачал головой.

– Лишнее. Если оставите мне на потом, когда все закончится, не откажусь.

– Не уверен, – покачал головой Маккормик, забрал фляжку, глотнул и спрятал ее обратно.

– Не уверены, что останется, или не уверены, что все закончится?

– Да ни в чем я сейчас не уверен, – честно признался федеральный агент и открыл сдвижную дверь вертолета. Спрыгнул на землю, за ним спустился Ковальски. Майор вздохнул и последовал за фэбээровцами.

– А ведь они попали, – уныло сказал Ковальски, осматривая вертолет.

– Кто?!

– Эти уроды из своих винтовок. Пробили бак. У нас нет топлива. Отлетались.

Под «Беллом» расплывалась огромная лужа.

– Черт с ним, – махнул рукой Маккормик, – если что, возьмем

«Сикорский», он всех вытащит.

Ковальски огляделся. Справа от вертолета поднималась вертикально вверх скалистая стена, мечта альпиниста – скальная порода была гладкой, с геометрическими выступами и редкими жесткими кустиками, кое-где пробившимися

из крошечных щелей. С другой стороны площадки, словно нарочно, чтобы укрыть ее от чужих глаз, было нагромождение валунов, поросших мхом и пышным кустарником. Кустарник на вид был колючим и неприветливым, поэтому Ковальски не стал лезть туда, опасаясь повредить ска-

фандр.

– Ну что, не будем терять время? Пока эти уроды внизу не очухались и не удумали что-либо предпринять, – решительно скомандовал Магдоу и первый шагнул на едва заметную тропинку. Фэбээровцы двинули за ним, недовольно переглянувшись. В скафандрах было жарковато, и Магдоу почувствовал, что по виску стекает пот. «Черт меня дернул полезть в это пекло, во всех смыслах этого слова», – мысленно ругал себя майор, оскальзываясь на щебенке.

Маккормик и Ковальски, чувствуя себя ненамного лучше, спускались следом по узкой тропинке вниз по склону, как вдруг из-за вертикально торчащего обломка скалы появился человек с автоматом в руках.

– Что за черт?! – воскликнул он, одновременно нажимая на спусковой крючок.

В ответ агенты открыли огонь, и человек покатился вниз, стукаясь каской о камни. Вскоре он затих. Фэбээровцы осторожно поднялись на ноги и с ужасом увидели, что майор Магдоу лежит возле тропинки, широко раскинув руки.

– Что с ним, Буч?! – спросил Ковальски, тяжело дыша.

– Готов, – констатировал Маккормик. – Черт, прямо в лоб… Я думал, эти русские шлемы крепче.

– Это биозащитный скафандр. Он от другого предохраняет.

Ковальски стащил с майора шлем, но дальше проверять не стал – дыра во лбу не оставляла сомнений. Агент перекрестился и пробормотал:

– Упокой, Господи, его душу…

– Не время для молитв, Пол, – поторопил его Маккормик, тревожно озираясь. – Хорошо, если этот хрен был тут один. А если их несколько? А если он успел позвать своих?

– Хорошо, хорошо, – недовольно сказал Ковальски, поднимаясь с колен. – Мы что, так и бросим его здесь?

– А что такого? Место ничуть не хуже и не лучше других. – Маккормик поднял винтовку майора и повесил себе на плечо,

потом вынул из гнезд на костюме магазины. – Идем, Пол. Если они хотят войны, они получат войну.

…Русский сидел перед Роулинсоном, и полковник внимательно его рассматривал. Человек как человек, достаточно молодой, но с какой-то… излишней серьезностью, умудренностью, что ли, в лице. Русский спокойно выдержал пристальный взгляд Роулинсона, мягко улыбнулся. Складывалось впечатление, что не он в плену у полковника, а совсем наоборот.

– Вы кто? – спросил Роулинсон.

Хотел сделать это внушительно, весомо, но чертово горло снова подвело, и вышло сорванное карканье. Боль в изуродованной трахее отозвалась по всему телу, полковник невольно поморщился.

– Меня зовут Нестор Тарасов, но это вам ничего не скажет, мистер Роулинсон.

– Тогда какого черта вы играете со мной в шарады? «Гленфиддиш», «скарабей»… Что вы знаете о Мексике и об экспедиции Либеропулоса? А самое главное, откуда? Хотя я догадываюсь… Этот русский, Нефедов, он, наверное, выжил?

Полковнику приходилось говорить громким хриплым шепотом, явно приближался очередной приступ. Роулинсон старался, чтобы солдаты в такие минуты его не видели, а уж русскому и подавно негоже… С другой стороны, он прекрасно понимал, что если сам порой побаивается смотреть на себя в зеркало, то каково другим? Полковник даже не предполагал, что все приведет к такому вот. Когда он выбрался из неглубокой могилы, обламывая ногти и выплевывая землю вперемешку с засохшей кровью, то искренне обрадовался тому, что жив. Жив вопреки всему. С того момента он часто не мог понять, а жив ли он вообще и что с ним происходит.

– Да, Нефедов выжил, – спокойно сказал русский. – Но, что самое любопытное, вы тоже выжили – после досадного инцидента с покойным профессором Ломаксом, который вас… э-э…

– …Который меня зарезал, – закончил за русского Роулинсон. – Я привык называть все вещи своими именами, tovarishch.

Услыхав последнее слово, русский снова улыбнулся, мимолетно, словно припомнил пришедшуюся кстати старую шутку.

– Видите ли, – продолжал Тарасов, – я ученый, как вам, наверное, уже известно. Я специализируюсь в разных областях, в том числе и в медицине. Я хороший врач. Непростой, необычный. А вы… Вы тяжело больны. Чтобы определить это, не нужен диплом. А чтобы вылечить – никакой диплом не поможет.

Неожиданно русский поднялся и прошелся туда-сюда. Поправил на стене какой-то древний, никому не нужный график в рамочке.

– И как поживает Нефедов? – спросил полковник, стараясь держать себя в руках и не обращать внимания на выходки русского. – Надеюсь, он в добром здравии?

– Более чем, – закивал Тарасов, снова садясь в кресло. – И часто вспоминает, как вместе с вами раскапывал захоронение в Мексике. Скарабей, черный порошок… А вы помните, когда на нас напали местные? Вы еще переводили с юкатанского языка, сказав, что «хренов Мэл Гибсон снял на этом языке свой чертов «Апокалипсис», такое кино про древних индейцев». А потом удирали через сельву, и Лафонсо Ченнинг сказал Нефедову: «Если снова прикроешь мою задницу, как тогда, в Тикрите, с меня бутылка бурбона. Любишь бурбон?» Нефедов сказал, что предпочитает скотч, и Ченнинг ответил: «Тогда тебе Чарли проставится». А потом вы постоянно приставали к Нефедову с ехидными разговорами о том, сколько людей убил злобный Сталин и не пора ли русским покаяться за преступления коммунистов…

Полковник остановившимся взглядом следил за русским. Он знал чересчур много. Допустим, Нефедов что-то мог рассказать о той злополучной экспедиции, даже какие-то детали, но не в таких же количествах, не с такими подробностями… Здесь был какой-то подвох, Роулинсон чувствовал его, но не мог разгадать.

– Я понимаю, о чем вы думаете, Чарли, – просто сказал Тарасов, сложил руки на груди и нагнулся ближе к полковнику. Запаха разложения он словно не чувствовал. – Это *мне* вы должны скотч, Чарли.

Роулинсон молчал. Он просто не мог поверить в происходящее. Сидевший перед ним человек был моложе Игната Нефедова. Он совсем не был похож на Игната Нефедова. Он *вообще* никак не мог быть Игнатом Нефедовым.

– Какое пиво я пил? – превозмогая боль, спросил полковник.

– «Текате», – с готовностью ответил русский. – И жаловались, что оно имеет привкус мочи. А покойный Блэки советовал вам пить аутентичные напитки конкретных стран.

– Как погиб Леттич?

– Его застрелили, и он упал в костер.

– А незадолго перед этим…

– Незадолго перед этим он растянул связки. И я наложил ему повязку, гель с ибупрофеном.

Русский выжидающе смотрел на полковника, словно подначивал – ну, давай еще вопросы, давай, у меня на все

найдутся ответы. И Роулинсон сдался.

– Я не могу в это поверить, – честно сказал он, – но мне приходится. Ты не оставил мне шансов, tovarishch. Полагаю, объяснять ты не станешь? Я вижу, это не пластическая операция. Тут что-то посерьезнее.

– Это сложно и долго. Возможно, когда-нибудь… Хотя в объяснение будет весьма сложно поверить. Я, например, тоже очень удивился, когда увидел вас тут живым. Потому что закапывали мы с Ченнингом определенно труп.

– Боюсь, я ничего вам не смогу разъяснить.

– Зато я смог бы. Мне приходилось встречать беспредметников, Чарли, но сейчас опять же не время говорить о том, что означает этот термин. А вот помочь я вам могу. Вы, верно, сильно страдаете из-за той раны?

– Страдаю?! – Полковник горько усмехнулся. – Страдаю?! Это состояние нельзя назвать страданием. Иногда я чувствую себя совершенно здоровым, пока… Пока не взгляну в зеркало. Иногда я чувствую себя так, словно я умер. Я почти не ем. Я много пью, но алкоголь на меня действует крайне редко. Лекарства, которые я смог найти, мне не помогают, а наши врачи в Солт-Лейк-Сити разводят руками.

– Можно мне снять ваши бинты? – склонив голову набок, попросил Тарасов. Да, именно Тарасов – полковник решил называть этого человека его новым именем, потому что это был Нефедов, но в то же время совсем не Нефедов. Так недолго и свихнуться, поэтому пускай остается Тарасовым.

– Снимай, tovarishch.

Русский поднялся, обошел стол и принялся разматывать бинты с горла Роулинсона. До сих пор полковник доверял это лишь своим медикам, а потом и вовсе наловчился делать все сам. Слой отходил за слоем, неприятно потрескивая.

– Черт… – Тарасов поморщился, отбросив бинты в сторону. – Еще хуже, чем я думал. Как вы ухитряетесь есть?

– Я же сказал – я почти не ем. Только пью, – просипел Роулинсон, которому без бинтов говорить стало еще неудобнее, чем с бинтами.

Русский осматривал горло, трогая его тонкими холодными пальцами. Присвистнул, поморгал и велел:

– Закрой глаза, Чарли.

Полковник послушно закрыл глаза и почувствовал, как русский обхватывает его шею обеими руками, словно намереваясь задушить. Ладони плотно легли на безжизненную липкую кожу, затем от них распространилось тепло, странно покалывающее и успокаивающее. А потом вспыхнула боль, страшная боль,

подобной которой Роулинсон не испытывал с того момента, как ему в горло вонзил кинжал сошедший с ума профессор Ломакс. Боль усиливалась, полковник взвыл, забился в кресле, пытаясь вырваться; сквозь звенящую пелену он слышал, как русский громко крикнул кому-то:

– Назад! Вон отсюда!

Наверное, охрана, подумал полковник с пугающим его самого равнодушием. Сейчас они его пристрелят.

Но никто не стрелял. Боль схлынула точно так же, как и пришла, безжалостные руки на горле разжались, звон в ушах прекратился. Роулинсон схватился за горло, и тут же раздался окрик:

– Не трогать!

Полковник осторожно открыл один глаз.

Русский стоял возле него, у дверей, наставив на него автомат, торчал один из охранников, второй выглядывал из коридора. Но слова Тарасова относились вовсе не к ним.

– Не трогать! – строго повторил русский полковнику. – А вы, чем маячить тут, принесите аптечку! Бинты, дезинфицирующее средство…

– Выполняйте! – подтвердил приказ Роулинсон.

Солдаты переглянулись, тот, что заглядывал внутрь, поспешно исчез.

– Ты тоже пошел вон отсюда! – велел полковник.

– Вы уверены, сэр?! – с сомнением покосился охранник на русского.

– Я приказываю, идиот!

Солдат, пятясь, вышел из помещения КДП, и только сейчас Роулинсон обратил внимание, что горло почти не болит, лишь немного саднит, как при ангине. Говорил он тоже не так, как раньше, – громко, внятно, без хрипов…

– Не спеши радоваться, – догадавшись, о чем думает полковник, сказал русский. – Случай очень запущенный, мне тебя еще лечить и лечить, Чарли.

– Спасибо, tovarishch.

– Я же говорю – рано радуешься. К тому же я буду откровенен – все, что я делаю, я делаю не просто так, не бескорыстно.

– Чего ты хочешь?

– Погоди немного, сейчас явится твой человек с аптечкой, я сделаю все, что необходимо, и тогда уже поговорим предметно.

– Я и так догадываюсь. Попросишь, чтобы я отпустил всех ваших людей? Боюсь, это не совсем в моей компетенции.

– А еще ты думаешь, что ничего не мешает забрать меня с собой безо всяких условий и заставить лечить, так? Я прекрасно

изучил тебя еще по Мексике. Однако ты меня тоже знаешь неплохо. Я не добрый доктор Дулитл, к которому хоть сегодня приходи лечиться «и корова, и волчица, и жучок, и червячок»… Под пистолетным дулом я лечить не могу. Но, понимая, что ты тоже человек подневольный, я хочу предложить тебе сделку, которая устроит и меня, и тебя, и твоего хозяина.

– Если ты о Мастере, то он мне не хозяин, – возразил полковник, едва сдерживая желание ощупать горло. Так человек постоянно трогает языком лунку на месте удаленного зуба, хотя врачи-дантисты обычно велят не делать этого ни в коем случае. – Мы с ним скорее симбионты.

– Тем лучше, – улыбнулся Тарасов.

И в этой улыбке полковник наконец-то увидел именно ТОГО Нефедова, с которым вместе продирался через сельву, убегая от чокнутых аборигенов, пытавшихся уничтожить их за вскрытие древнего храма. Нефедова, который в чем-то изменился, но в чем-то остался прежним. И от этого он вовсе не стал менее опасным. Скорее, совсем наоборот.

Русский хотел тем временем добавить что-то еще, но тут появился медик. Он поставил на стол свою сумку и собирался ее открыть, но Тарасов цыкнул на бедолагу, и тот убрался восвояси.

– Где вы их только насобирали, – проворчал он, вскрывая хрустящую оболочку индивидуального перевязочного пакета. -

Деревенщина…

– Других нет, – вздохнул полковник. – Выбирать, знаешь ли, не приходилось. Еще у нас полно черных, мормонов…

– Как это до вас до сих пор не добрался Макриди?

Тарасов принялся бинтовать шею, смазав ее чем-то ледяным и пахучим.

– По идее, люди Макриди ничем не отличаются от наших. Тот же сброд. Макриди и сам-то до Катастрофы торговал подержанными тачками, а вовсе не командовал дивизией. Однако, tovarishch, ему очень везет. И мне кажется, здесь кроется какая-то хитрость. Но черт с ним, с Макриди. Что ты там хотел предложить.

– А предложить… – Русский прервался на мгновение, чтобы закрепить конец бинта, и повторил: – А предложить я хотел вот что…

…Ростислав Шибанов сделал пару глотков воды и покосился на забинтованное плечо. Кровь вроде бы остановилась, местный коновал сделал свое дело исправно. Болеть тоже не слишком болело – наверное, болевой порог у хоккеиста вообще был выше, чем у обычного человека. Постоянные травмы, стычки,

столкновения приучили тело не реагировать на ерунду. Однако на хоккейном корте в него ни разу не стреляли…

Он подошел к двери. Вынул из чехла фигурку Скорпиона, о котором совсем запамятовал. Нет, конечно, все это лишь совпадения. Случайное везение… Что может произойти сейчас? Стены обрушатся? Как там у Пушкина было: «Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа, и братья…» Что подадут братья?! Вылетело из головы, а ведь учил же, пятерку заработал в свое время!

– Джей, ты, часом, Пушкина не читал? Это такой русский поэт.

– Чувак, с какой стати мне читать русских поэтов? Я и американских-то толком не помню.

– Напрасно, – наставительно сказал Ростислав. – Это классика. К тому же Пушкин был частично эфиоп.

– Не, братан, эфиоп – это не то. Эфиопия – это реггей, растаманы, Джа и прочие карибские дела. Я по такой музыке не особо прохожу, откуда мне знать вашего Пушкина. А для кого он писал тексты? Неужто для Боба Марли?!

– Ты неисправим, Джей, – махнул рукой Шибанов и вновь повернулся к двери.

Нет, сломать ее невозможно. Бывшую гауптвахту, или что это было за помещение, строили без затей, но прочно. А может, это и не гауптвахта вовсе – есть она вообще в американской армии, то есть была ли?

Внезапно за дверью что-то зашебуршилось. Ростислав повернулся и прижал палец к губам, потом прислушался. Да, определенно кто-то возился с замком, звенел ключами. Перепились они там, что ли? Шибанов прижался ухом к железу двери, пытаясь уловить еще какие-то звуки и понять, сколько человек снаружи. Один? Нет, кажется, двое… Может, рискнуть?!

– Эй! – шепнул он, сунул Скорпиона в чехол и кивнул на дверь, показывая два пальца. Джей сразу же сообразил, на что намекает Ростислав, спрыгнул с койки и поднял одну из консервных банок, оставшихся неоткупоренными. Подбросил в ладони, чтобы легла поудобнее, и встал за дверным косяком.

Громко щелкнул открываемый замок, дверь отворилась, и на пороге появилась фигура в армейском защитном обмундировании. Джей-Ти с размаху врезал по шлему банкой и отскочил в сторону, тряся ушибленной рукой. Ростислав, словно пытаясь пробить защиту команды противника, бросился вперед, выставив здоровое плечо. Удар оказался сильным, но Шибанов удержался, а вот вошедший повалился навзничь обратно в коридор, и только теперь Ростислав увидел, что там стоит еще

один человек. С ним он ничего не успел сделать – в воздухе мелькнул приклад и обрушился на затылок хоккеиста. Последнее, что увидел Шибанов, была валявшаяся на бетоне сплющенная банка, из которой вытекал красный, как кровь, соус.

Глава третья

Досадные потери и полезные приобретения

Это не загрязнение наносит вред окружающей среде,
а те примеси, которые находятся в воздухе и воде.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Андрей Гумилев держал пульт осторожно, словно гранату. По сути, это и была граната, и даже гораздо более опасная, чем обычная осколочная. Второй пульт, резервный, он передал Решетникову.

Носители с данными тащил Вессенберг – он, похоже, никому не собирался доверять эту почетную обязанность. Гумилев прекрасно понимал ксенобиолога, но сам почему-то не чувствовал особенной радости. Фальшивый «музей» его удивил значительно больше, а после обмана правда оказалась уже не столь поразительной. Конечно, со всем этим нужно будет разобраться, но для начала-то необходимо выбраться с базы. В противном случае их находка так и останется тайной за семью печатями…

Несколько контейнеров по согласованию с доктором Штреллером они все же подняли на мини-лифте. Гумилев рассудил, что их можно отдать Роулинсону, тем более, по словам все того же доктора, там не было ничего экстраординарного. Самое ценное находилось у Вессенберга.

– Андрей Львович, – окликнул Миллерс, когда они вышли в коридор и направились к лестницам. – Может, давайте, я вперед пойду? Проверю, что происходит… Мало ли что этот тухлый полковник выдумал. Вдруг там засада?

– Да нет, Антон, не будет там засады. При всех своих недостатках полковник на идиота не похож. Мы ему наглядно продемонстрировали, что можем натворить.

– И все-таки не доверяю я ему… – буркнул Миллерс, нервно поглаживая цевье дробовика.

Спокойнее всех чувствовал себя доктор Захария Штреллер. То, с какой легкостью они покинули отсек, где доктор безвылазно сидел пару лет, окончательно убедило Гумилева в том, что бедолага спятил. Сейчас доктор, который остался в своем

перепачканном халате, но зато снова напялил каску, шел чуть впереди и еле слышно напевал мелодийку из старой комедии «В джазе только девушки». Маленький Андрей в свое время смотрел усеченную версию в кинотеатре, куда он с друзьями пробирался нелегально, потому что на этот фильм детям до шестнадцати лет вход был запрещен.

Гумилев немного беспокоился, что у профессора может не оказаться иммунитета против вируса и выход наверх для него станет фатальным. С другой стороны, вариантов не было – не оставлять же Штреллера внизу, да он и не согласился бы. Оставалось надеяться, что те, с кем он встретится наверху, иммунны и носителями не являются. Хотя…

– Послушайте, доктор! – обратился к Штреллеру Андрей, притормаживая того за плечо.

– Да? – откликнулся бородач.

– Как я уже говорил, наверху была эпидемия. Вы все это время ни с кем не контактировали, и я не могу быть уверен, что вы иммунны и не заразитесь. Я предлагаю вам надеть мой костюм. Там специальные фильтры, вы будете в безопасности.

Сумасшедший или же нет, но доктор покачал головой.

– А как же вы?

– У меня как раз иммунитет. Мы научились распознавать тех, кто не восприимчив к «Армагеддону».

– Андрей Львович! – возмущенно сказал Миллерс. – Во-первых, костюм защищает не только от вируса, но и от пуль! Во-вторых, давайте тогда уж я…

– Что – ты? – перебил безопасника Гумилев. – Ты-то восприимчив! Зачем мне чокнутый охранник, который на меня же и кинется в случае чего? Да и потом, не так уж он от пуль и защищает.

Миллерс потупился, сообразив, что сморозил глупость. Потом вскинулся:

– Нет, но вот же…

– Да, Индро Юльевич тоже иммунный, но у него, к сожалению, другой размер. Мистер Штреллер в его костюм попросту не влезет.

Вессенберг внимательно смотрел на них, кажется, не понимая, о чем идет речь.

– Кому-то нужен мой костюм? – осведомился он.

– Нет-нет. Мы уже все решили, – сказал Гумилев и, не обращая более внимания на сердитое пыхтение Миллерса, быстро разоблачился, оставшись в легком зеленом комбинезоне из прочной ткани. Слава богу, поношенные туфли профессора Андрею подошли, иначе пришлось бы передвигаться босиком. –

Отлично, – заметил он и помог доктору справиться с застежками шлема, запихать в который длинную бороду оказалось довольно сложно. Замигавший огонек показал, что фильтр

включился. Штреллер заулыбался и показал большой палец.

– Напрасно вы все же, Андрей Львович, – не удержался от последнего замечания Миллерс и недовольно затопал вслед за доктором.

– Если я правильно понимаю, то доктор – единственный, кто на сегодня больше всех знает о здешних секретах. А значит, он ценнее тебя или меня, Антон, – серьезно сказал Гумилев. Молчание Миллерса явно означало, что безопасник так не считает.

– Ты, в самом деле, поаккуратнее, Андрей Львович, – попросил Решетников. – Костюм в самом деле пулю более-менее держал, а твой полупердончик ничего не сдержит.

– Я на рожон не полезу, Кирилыч, – пообещал Гумилев, одергивая свой зеленый «полупердончик».

Поднимались они совсем не так, как спускались, – узенькими лестницами, проложенными прямо по выдолбленным в скале вертикальным тоннелям. Переходы между этажами блокировались мощными дверьми, но доктор открывал их при помощи своего магнитного ключа-карты. Он снова что-то мурлыкал себе под нос, а однажды даже исполнил несколько танцевальных па. Мистер Штреллер явно нуждался в услугах хорошего психиатра, и чем раньше, тем лучше. Психиатр, а точнее, психолог, у Гумилева под рукой теоретически имелся – Петр Петрович Артемьев. Другое дело, что до Артемьева еще надо было добраться.

В мрачных коридорах подземных ярусов было безлюдно. По крайней мере в этой части полковник Роулинсон достигнутые договоренности выполнял. Оставалось верить, что и наверху их не встретят в штыки. Побоятся взлететь на воздух, голубчики…

– Может, вам помочь, Индро Юльевич? – спросил Гумилев у эстонца, потому что металлический чемоданчик выглядел довольно тяжелым, а Вессенберг, прямо скажем, был отнюдь не атлетического сложения.

– Ерунда… – отозвался ксенобиолог. – Я сам донесу.

– Как хотите. Я без бронекостюма, в отличие от вас, мне полегче было бы.

– Сам донесу, – повторил Вессенберг, на сей раз несколько раздраженно.

«Черт с ним, – решил Андрей, – пусть тащит, раз ему так хочется…»

Как и ожидал Гумилев, выбрались из-под земли они также

вовсе не там, где спускались. Ангар, в котором находились главные ворота первого яруса, оказался южнее, а они вылезли внутри железобетонной будки, притулившейся к безрадостного вида постройкам непонятного назначения. Доктор Штреллер аккуратно закрыл за собой лязгнувшую дверь и сказал:

– Куда теперь? Где террористы?

– Полагаю, везде, – ответил Гумилев. – Давайте сделаем так: я отправлюсь на переговоры, а вы… Вы сидите пока здесь. Если вдруг что-то опять взорвется – не волнуйтесь, я могу устроить небольшую демонстрацию силы. А вот если не вернусь через полчаса, тогда пытайтесь выбраться с территории базы самостоятельно и уходите на север.

– Неразумно, – сказал Решетников, поправляя на плече дробовик. – Почему именно вы?

– Я подозреваю, что Роулинсон будет разговаривать только со мной, – возразил Гумилев, отдал Кирилычу свой пистолет и, более ничего не объясняя, осторожно покинул будку.

Прячась за выступами зданий – на случай, если его заметит какой-нибудь чересчур бдительный снайпер, – Гумилев добрался до ангара и только там увидел первого солдата. Вернее, даже трех солдат – они стояли у электрокара, грузно припавшего на спущенные колеса, и что-то обсуждали.

– Эй! – окликнул Андрей. Солдаты обернулись. – Я – Андрей Гумилев, отведите меня к полковнику.

– Руки, – неуверенно сказал один из солдат, поводя стволом штурмовой винтовки. – Руки подними.

Гумилев поднял руки, сжимая в правой пульт и держа палец на кнопке. Если доктор Штреллер ничего не путал, следующей на воздух должна была взлететь автомастерская.

– Мы получили указания насчет вас, – сказал другой солдат, опасливо посматривая на пульт. – Идемте, сэр. Руки можете опустить. Не дури, Джейк. Этот парень может взорвать всю базу, если ему что-нибудь не понравится, это же русский, они все сумасшедшие.

Джейк нехотя опустил свое оружие и мотнул головой:

– Вперед.

Немного расслабиться Андрей смог, только войдя в помещение на башне КДП. За столом сидел полковник Роулинсон, выглядевший непривычно свежим и бодрым, а у окна… У окна стоял Нестор Тарасов.

– Нестор?! – обрадовался Гумилев. – Что с нашими? Где они?

– Все в порядке. Сидят под замком, их охраняют, но никакого вреда не причинят. Я уже обо всем договорился с полковником.

Гумилев недоуменно уставился на Нестора. С какой стати медик группы договаривается с полковником? Какие у него могут быть козыри? Или Тарасов попросту не тот, за кого себя выдает?! История с таинственным исчезновением и не менее таинственным возвращением…

– О чем вы договорились? Я не давал вам таких полномочий.

– К сожалению, так вышло. Полномочия мне дала ситуация. Видите ли, мы с мистером Роулинсоном старые знакомые. Это выяснилось совсем недавно, и мне, так сказать, пришлось брать быка за рога. Уверяю, до самого нашего появления на базе я и не представлял, что полковник вообще жив. Расставались мы с ним при весьма печальных обстоятельствах.

– Кстати, вы можете сесть, – вставил Роулинсон, указывая на свободное кресло.

Гумилев сел, водя большим пальцем по гладкой круглой кнопке на пульте. Он заметил, что Роулинсон внимательно наблюдает за его движениями.

– Допустим. И о чем же вы договорились?

– Поскольку ситуация патовая, выход один – разойтись с миром. Разумеется, вы должны поделиться с полковником добычей, которую вынесли из секретного хранилища. Назовем это законной долей Республики Солт-Лейк-Сити, которую представляет полковник. Это ваше предложение, как сказал мне полковник, и, на мой взгляд, это разумно. Республика сможет легализоваться и спокойно войти в мировое сообщество после того, как разработает лекарство от вируса

«Армагеддон».

– Солт-Лейк-Сити разработает лекарство от вируса?! – удивленно поднял брови Гумилев. – Вообще-то я предполагал, что этим занимается специальная миссия ООН, а также моя корпорация в России.

– А это уже вопрос этики, Андрей Львович, – все так же спокойно и рассудительно произнес Нестор. – Какая разница, кто именно разработает лекарство, если оно способно спасти миллионы людей и вновь сделать обитаемой огромную территорию, где на текущий момент царит абсолютная анархия? Я знаком с последними исследованиями – со слов того же Синцова, к примеру. Кое-чем занимался сам еще в России и могу сказать, что я достаточно близок к решению проблемы. Вкупе с той частью секретных данных с базы бывших Соединенных Штатов, что вы передадите Солт-Лейк-Сити, новому государству этого будет вполне достаточно для мирового призна-

ния.

Гумилев побарабанил по столу пальцами свободной левой

руки. Разумеется, на первом месте для него стоял вопрос здоровья и безопасности людей. Прибыль, личная слава, даже престиж российской науки – это уже второстепенное. Но в данной ситуации ему очень многое не нравилось.

Не нравилось, что Нестор сделал все в его отсутствие.

Не нравилось, что в этом замешан полковник Роулинсон, человек с совершенно иными моральными принципами, чем у самого Гумилева.

Не нравилось, что лекарство в итоге приберет к рукам Мастер, у которого моральные принципы, если верить существующей информации, далеки даже от принципов Роулинсона.

Не нравилось, что сам он, Андрей Гумилев, с самого начала блефовал и не сможет взорвать базу со всеми, кто здесь находится…

Придется играть до конца.

– А если я не соглашусь? – поинтересовался он, стараясь выглядеть равнодушным.

– Вы не взорвете базу – здесь ваши люди, Андрей Львович, – сказал Тарасов именно то, о чем только что подумал Гумилев. – Вы блефуете. Но у вас в самом деле хорошие карты на руках, и нет смысла рисковать. Я же сказал – ситуация патовая, и разрешить ее можно и нужно ко всеобщему благу.

– Быстро же вы нашли себе хозяев, – с горечью промолвил Гумилев.

– Хозяева мне ни к чему, Андрей Львович, – обиженно возразил Нестор. – Я сам по себе, вот в чем дело. И вы не можете отрицать, что я разрешил ситуацию к лучшему. Ведь нет же? Если не согласны, нажмите кнопку. Ну же.

И Гумилев нажал кнопку. Где-то недалеко грохнул взрыв, башня КДП слегка дрогнула; стало слышно, как гремит по бетону металл, словно идет железный дождь. Наверное, это падала припаркованная у мастерской автотехника, разбросанная взрывом.

Тарасов прижался к стене, заметно побледнев. Полковник втянул голову в плечи и схватился было за кобуру, но тут же понял всю глупость своих действий.

– Зачем вы это сделали?! – злобно воскликнул он.

– Не мог отказать себе в маленьком удовольствии, – сказал Гумилев. – Не волнуйтесь, это была всего лишь автомастерская. Ни моих людей, ни ваших там быть не могло.

– Это было глупо, – покачал головой все еще бледный Тарасов. Выглянув в окно, он подтвердил: – Да, действительно автомастерская. Была… И что же означает ваш демарш? Вы не

согласны с нашим предложением?

– Отчего же. Согласен. Я ведь объяснил: не мог отказать себе в маленьком удовольствии напоследок. Что именно вам нужно из того, что мы вынесли с базы? Предупреждаю: мы и сами пока плохо представляем, что нам досталось.

– Это неважно, – сказал полковник. – Что бы там ни было, это в любом случае сенсация. Телепорт, аннигиляция, антигравитация, лекарство от рака, способ моментального приготовления гамбургеров – это в любом случае уникальный патент, деньги и признание. У нас есть ученые, которые разберутся. Любой секрет, который Штаты скрывали так долго, чего-то да стоит.

– Хорошо, полковник, – заключил Гумилев. – Мы отдаем вам несколько носителей с информацией и улетаем. Вернее, не носителей, а контейнеров. Входы на базу закрыты, в любой момент я могу запустить систему самоуничтожения. Помните об этом, если вдруг вздумаете послать туда своих специалистов.

– Я думаю, в этом нет нужды.

– Я тоже так думаю. Уверяю, обманывать вас мы не собираемся. Конечно, получается лотерея, и вы в самом деле можете вытянуть гипотетический секрет моментального приготовления гамбургеров.

– Черт с ним, – нетерпеливо сказал Роулинсон. – Гамбургеры так гамбургеры. Вам достанется все остальное, вы должны быть счастливы.

Гумилев прекрасно понимал ход мыслей полковника – разойтись в стороны с минимальными потерями, сохранив базу. Потом всегда можно будет сюда вернуться, тем более слова Гумилева про систему самоуничтожения, скорее всего, очередной блеф, и запустить ее издалека он не сможет. А затем, имея на руках даже одного мертвого инопланетянина, Солт-Лейк-Сити автоматически сделается влиятельным государством. Произойдет то, чего, собственно, и не должен был допустить Гумилев со своей миссией… Потому что добра это новоявленное государство никому не принесет.

Андрей молниеносно, как компьютер, просчитывал возможные варианты. Нет, предложенный Тарасовым был самым приемлемым. Действительно, группе Гумилева доставалось все остальное, вся база, возможность спокойно заниматься разработкой обнаруженного в секретных лабораториях. До тех пор, пока не вернутся люди Мастера. А они вернутся обязательно, потому что Солт-Лейк-Сити явно будет претендовать на всю Закрытую Территорию. А Североамериканский Альянс с радостью на это согласится, да и все мировое сообщество тоже.

Так что же делать? Уничтожить базу? Но они вынесли наверх десятую, если не сотую часть…

– Решено! – Гумилев хлопнул по столу ладонью так неожиданно, что полковник даже подскочил в кресле. – Мы даем вам часть, э-э, добычи, как я и предлагал. В виде бонуса господин Тарасов отправляется в Солт-Лейк-Сити, если ему угодно продолжать исследования вируса именно там. Правда, я не могу гарантировать, что он окажется первым и единственным.

– Это уже частности, – махнул рукой Нестор, и в глазах его проскочила хитринка.

«Он что-то знает, чего не знаю я», – понял Гумилев. Ладно, сейчас не время гадать. Нужно действовать по обстоятельствам. Это очень не нравилось Андрею, привыкшему планировать действия на много ходов вперед. Но вся история операции «Илиада» складывалась наперекосяк, едва ли не с момента прибытия в Твин-Фоллз. Значит, надо нести свой тяжкий крест, спасать людей и по возможности решать основную задачу. А эти… Эти пускай уезжают на своем подземном поезде.

– Договорились. Дело в том, что мои люди начнут волноваться, если я не вернусь к ним в условленный срок. А он скоро наступит. За мной пусть никто не идет, иначе вы знаете, что будет. Встретимся через… через полчаса возле нашего вертолета, если вас устраивает место.

– О’кей, – кивнул Роулинсон. – Место устраивает.

Гумилев поднялся. Встал из-за стола и полковник, протянул руку, на которую Андрей посмотрел с удивлением и поинтересовался:

– Вы это серьезно, что ли?

Роулинсон убрал протянутую ладонь и закашлялся. Тарасов наблюдал за этой поучительной сценой с улыбкой.

– Вы только Санича не ругайте, – попросил он. – Он про меня ничего не знал, когда проводил проверку. Я и сам про себя не все знаю, как мне порой кажется.

– Какой же вы добрый и загадочный, господин Тарасов, – ехидно произнес Гумилев и вышел, не оглядываясь.

За ним в самом деле никто не потащился, если и наблюдали, то на расстоянии, издалека. Боялись, конечно же, – вдруг еще что-нибудь взорвет. Поэтому Гумилев совершенно спокойно добрался до будочки, где его с нетерпением ждали. Времени даром соратники не теряли – привезли на небольшой тележке контейнеры, извлеченные из мини-лифта.

– Все в порядке, – сообщил Гумилев. – Мы даем им часть материалов, которые подняли. Они убираются восвояси. Что делать дальше, честное слово, не придумал пока. То ли

уничтожать базу, то ли попытаться поработать здесь, пока есть время… Но никто не знает, когда они вернутся. А они вернутся обязательно. Да, и еще: с ними Тарасов.

– Чего?! – вытаращил глаза Миллерс. – Тарасов с ними? В смысле, он что, предатель?!

– Пока и сам не понимаю, – честно признался Андрей. – Он сказал, что давно знает Роулинсона по каким-то совместным делам, и это, похоже, правда. Полковник его не то чтобы слушается, но принимает во внимание.

– Как же шеф прошляпил? – продолжал сокрушаться Миллерс.

– Ну, наш добрый доктор попросил меня не ругать Санича. Мол, тот ничего не знал и знать не мог об истинном прошлом Тарасова. Что, разумеется, не умаляет вины Олега, но сейчас мне не до того. Давайте понемногу выдвигаться, и будьте готовы к любым сюрпризам. Договоренности договоренностями, но всякое может случиться. Я уже устал от неожиданностей, честное слово.

Решетников наклонился и потряс за плечо Штреллера, который сидел и дремал, привалившись к стене.

– Алло! Мистер Штреллер! Проснитесь!

Доктор заморгал, зевнул и показал большой палец. Сумасшедший или нет, он выглядел самым спокойным из присутствующих.

– А где Вессенберг?! – Гумилев поискал взглядом эстонца.

– Только что сидел здесь… – в недоумении пробормотал Миллерс, оглядываясь по сторонам. – Вот на этом самом месте сидел… Вот же павиан волосатый…

– Что значит «только что»?! – рявкнул Гумилев. – Антон, ты сотрудник службы безопасности или баба базарная?! Что значит «только что»?!

– Но он в самом деле… Вот только-только…

– У меня не служба безопасности, а черт знает что… – Гумилев в сердцах врезал кулаком в стену и сильно ушиб руку, забыв, что он без костюма. И только теперь он заметил, что исчез не только эстонец-ксенобиолог.

Исчез чемоданчик с наиболее ценными материалами, которые они вынесли из подземного хранилища.

…Ростислав открыл глаза и увидел, как Джей-Ти стоит напротив двоих вооруженных людей в закрытых скафандрах и орет на них, потрясая кулаком:

– Вы что, совсем охренели?! Неужели не видно, что здесь сидят под замком мирные люди, которых какие-то уродские расисты запихнули в кутузку?! Но нет же, нужно ворваться сюда и

врезать человеку по башке прикладом! Сначала это делают придурки из команды тухлого полковника, теперь – вы… Это что же, на хрен, останется от головы у человека, а?!

– Расти… Он пришел в себя!

Только теперь Шибанов обнаружил, что его голова лежит на коленях у жены. Атика погладила Ростислава по волосам и сказала:

– Это военные. С тобой все в порядке?

– Шея болит… Ч-черт… – Ростислав поднялся и повел плечами. – Военные, говорите? Чувствуется опыт…

– Простите, – хмуро сказал один из людей в скафандрах. – Сначала ваш товарищ стукнул меня по шлему, а потом вы накинулись… Вот Буч и среагировал. Я – Пол Ковальски, специальный агент Федерального бюро расследований. А это – Шон Маккормик, тоже специальный агент ФБР. Мы не знали, что или кто нас ожидает за дверью. С нами был еще майор Армии США Магдоу, но он, к сожалению, погиб.

– Насколько мне известно, и ФБР, и Армия США находятся за границами Закрытой Территории, – с сомнением сказал Ростислав. – Откуда здесь могут взяться агенты ФБР? Сюда никто не летает и не ездит.

– Да жулики они! – встрял было Джей-Ти, но Шибанов аккуратно отстранил его.

– Мы здесь с… как бы понятнее выразиться… с не совсем официальной миссией, – нехотя объяснил Ковальски. – Скажем так, у нас специальное задание.

– Специальные агенты со специальным заданием, ага, – опять попытался влезть в разговор бывший рэпер, но Шибанов снова легонько оттолкнул товарища.

– На вас мы натолкнулись совершенно случайно. В коридоре сидел человек в форме, с оружием. Такие типы обстреляли наш вертолет на подлете к базе. Мы его нейтрализовали, обнаружили на поясе связку ключей, решили проверить, что или кого он охраняет.

– А кто вы-то такие? – подозрительно спросил молчавший до сих пор агент Маккормик.

– Мирные жители Закрытой Территории, – с ехидцей ответил Ростислав. – Вы, наверное, не в курсе, но есть и такие. Здесь не одни бандиты и зараженные.

– У вас на лице не написано, что вы не бандит, сэр, – парировал Маккормик. – По крайней мере, если человек сидит взаперти, это наводит на некие мысли.

– Разница в том, кто именно посадил человека под замок.

– Вы с ума сошли! – неожиданно выскочила из-за спины

Шибанова Мидори. – Я что, по-вашему, тоже бандитка?!

– Не исключено, – гнул свою линию Маккормик. – А уж черно… э-э… вот этот господин так и подавно напоминает мне бурные времена, когда я еще служил простым патрульным в Атланте.

– Постой, Буч, – остановил напарника Ковальски, пристально всматриваясь в лицо Мидори. – Вы… Вы, часом, не снимались в фильме про девочку, которая попадает в волшебную страну, чтобы спасти своего отца? Кажется, производство студии Диснея…

– Снималась, – Мидори даже покраснела от смущения и удовольствия.

– Да-да-да! – обрадованно воскликнул Ковальски. – Мидори Инамото!

– На самом деле моя фамилия Сандзо, – призналась Мидори, – но продюсеры почему-то решили, что Инамото будет лучше. Родители не стали спорить. В кино свои законы.

– Буч, я ее узнал! Видал, а?! Настоящая кинозвезда! Я три раза смотрел этот фильм, прикинь, и неожиданно встречаю ее здесь! – продолжал радоваться Ковальски.

– Ты еще автограф попроси, – буркнул Маккормик и отошел в сторону.

Девушка проводила его презрительным взглядом и сказала:

– Выпустите нас отсюда, пожалуйста.

– Да на здоровье, – ответил Ковальски. – Беда в том, что у нас маленький вертолет, мы не сможем вас забрать.

– Пол, ты спятил? Мы в любом случае не смогли бы их забрать! – снова вспылил Маккормик. – Они же могут быть заразными! Носителями вируса!

– Да не нужно нас никуда забирать, – сказал Шибанов, чувствуя, что теряет контроль над разговором. – Мы сами выберемся. Дайте нам оружие. Да, я забыл представиться – меня зовут Ростислав Шибанов. Если что, я русский. Бывший хоккеист. Это – Профессор Джей-Ти, звезда

рэпа.

Джей приосанился, но, не обнаружив никакой реакции со стороны фэбээровцев, разочарованно вздохнул. Впрочем, на фамилию Шибанова они тоже не среагировали.

– Это – моя супруга, Атика. Мы бродим по Территории с самого начала. Многое повидали, многому научились. Так что насчет оружия?

– База захвачена бандитами, – покачал головой Ковальски. – А нас всего трое… нет, уже двое. Вы можете нам помочь? Разумеется, о женщинах речь не идет, их мы отправим в

безопасное место.

– Я не уверен, что такие есть. Тут периодически что-то взрывается, – предостерег Маккормик. Джей-Ти поторопился объяснить товарищу:

– Пока ты валялся в отключке, чувак, они там снаружи опять чего-то подняли на воздух.

– Мы пойдем с вами, – безоговорочно заявила Мидори. – Знаете, мы за последние годы кое-чему научились, сэр, как уже сказал вам Расти. И, вполне вероятно, сработаем получше некоторых специальных агентов.

…Связанный охранник с кляпом во рту лежал в коридоре на полу и испуганно глазел на покидающих вверенную ему камеру пленников. Джей-Ти мимоходом врезал ему по ребрам ногой – просто так, для профилактики.

– Джей, зачем ты?! – укоризненно сказала Атика.

– Уж больно противная рожа. В Солт-Лейке я на них насмотрелся, да и вы тоже. Нечего жалеть всякую падаль.

«Ингрэм» охранника Ковальски отдал Шибанову, винтовку покойного майора – Джею-Ти. Посовещавшись, агенты ФБР отдали Атике и Мидори свои «беретты»; японка тут же демонстративно проверила обойму, а потом картинно покрутила пистолет на пальце, словно в ковбойских фильмах. Маккормик только покачал головой, а Ковальски восхищенно присвистнул.

– Ты видел?! – толкнул он локтем напарника.

– Пол, ты меня начинаешь пугать, – проворчал агент.

Нагнав осторожно пробиравшихся по коридору Джея-Ти и Ростислава, Маккормик негромко и доверительно сказал:

– На базе, как я уже сообщил, находятся бандиты. Вы вообще в курсе, где находитесь?

– Зона 51, чувак, – пренебрежительно бросил бывший рэпер. – Тут дохлые инопланетяшки, летающие блюдца и все такое. Было еще кино «День Независимости», там черный братан Уилл Смит раздолбал захватчиков из другой Галактики; так он вертелся как раз на здешней базе. И президент тут был, помнится. А что такое? Можно посмотреть консервированных инопланетяшек?!

– Нет. У нас другая задача – не позволить террористам и бандитам захватить секретные лаборатории. Это может иметь необратимые последствия.

– Не понял, чувак… Так это что, типа, правда?! Я думал, специально для киношников придумано, ну, и для журналов для дебилов… – разинул рот Джей-Ти.

– Правда, – подтвердил Ковальски. – Сами понимаете, что мы не имеем права говорить об этом первым встречным, но в

сложившихся обстоятельствах просто нет другого выхода.

– Конечно, лучше всего было бы высадить здесь дивизию морских пехотинцев, но у нас нет ни времени, ни возможностей, – добавил Маккормик. – И это большая удача, что мы наткнулись на вас. Собственно, нам нужно найти одного человека, у которого может быть при себе крайне важная информация. Мирового значения.

– Твою мать, – воскликнул Джей-Ти в восторге. – Как человек, который помер распятым на кресте и воскрес, словно Иисус, могу тебе авторитетно сказать, братан, что я ничего интереснее в жизни не слыхал! Мы спасаем мир? Я готов, только подмигни. Может, в этом цель моего существования и есть? Чувак, который меня вытащил с того света, ничего такого не говорил, но мало ли… Кстати, на нем был надет похожий скафандр, вот типа как у вас. Но он был русский, а вовсе не коп. Блин, а может, они все же оккупировали Америку, Расти?

Шибанов только таинственно улыбнулся, а Маккормик непонимающе уточнил у напарника:

– О чем это он?

– Не знаю… Но, должно быть, этот афроамериканец – очень религиозный человек, – предположил Ковальски и на всякий случай осенил себя крестным знамением.

На выходе из здания, в котором помещалась гауптвахта, они сняли еще одного часового. Разобраться с ним не составило труда – парень пытался за каким-то бесом отвинтить большущие настенные часы, положив автомат на стойку у входа. Правда, он успел заорать дурным голосом, но никто его не услышал. Связав и этого, уложили его за вышеупомянутую стойку и велели не дергаться. Парень туповато моргал, наверное, проклиная себя за мародерские наклонности.

– Вы хотя бы примерно представляете, сколько их здесь и кто они такие? – спросил Маккормик, имея в виду, разумеется, людей Роулинсона. Про группу Гумилева, насколько понимали агенты, никто из освобожденных ничего не знал, и это было им на руку.

– Человек двадцать – двадцать пять, не меньше. Возможно, мы всех просто не видели, – сказал Ростислав. – Это люди из Солт-Лейк-Сити, возглавляет их полковник Роулинсон, мне приходилось с ним сталкиваться не так давно. Практически правая рука тамошнего Мастера, насколько я понимаю.

– Ого! – покачал головой Ковальски. – Я-то думал, здесь только эти ученые…

– Что?! – переспросил Шибанов, резко обернувшись.

– У нас была информация, что на базе могут находиться

ученые, – поспешил исправить ошибку напарника Маккормик. – Ну, которые здесь работали. Но база заброшена, видимо, персонал успели эвакуировать. А люди Мастера решили поживиться чем-нибудь полезным. Им следует помешать.

– Это мы уже слышали, чувак! – нетерпеливо заявил Джей-Ти. Казалось, бывшему рэперу хочется рвать и метать. – Давайте решать, что делать дальше. Лично мне кажется, что как-то слишком тихо стало. Не видать ни одного урода, кроме тех, что нас стерегли, а раньше они тут так и бегали туда-сюда. Может, они свалили отсюда, на хрен, в свой поганый Солт-Лейк-Сити?

– Тогда бы они нас не оставили, – возразила Атика. – Роулинсон говорил, что Мастер ждет не дождется встречи.

– Когда мы подлетали, больше всего народу вертелось у контрольно-диспетчерской башни, – припомнил Ковальски. – Думаю, туда и нужно двигаться.

Ростислав Шибанов шел вслед за агентами ФБР, но на душе у него было неспокойно. Само по себе появление двух федералов ничего не значило – объект и в самом деле секретный, мало ли, какое задание могли им дать. Но вот так, вдвоем, выступить против целой шайки хорошо вооруженных людей, пусть и не особых профессионалов в военном искусстве? Нет, здесь что-то нечисто. С другой стороны, их освободили из заточения, дали оружие. Пусть все идет как идет, решил Ростислав, а если запахнет жареным, всегда можно будет припереть фэбээровцев к стене и спросить об истинных намерениях. Тем более если им требуется помощь. Конечно, люди, которые имеют хоть какое-нибудь отношение к любому правительству, хорошо обучены врать. Но ложь от правды в их словах отделить тоже не так уж сложно.

Выглянув из-за угла, шедший в авангарде Маккормик отшатнулся и сделал остальным знак остановиться.

– Они возле КДП, как ты и предполагал, Пол, – сообщил он. – Там же посадочная площадка, на ней «Сикорский». Такое впечатление, что они чего-то ждут.

– Что ж, давайте и мы подождем, – предложил Шибанов. – Возможно, они сядут в вертолет и улетят.

– Ой ли… – с сомнением покачал головой Ковальски.

…– Что будем делать? – спросил Гумилев, оглядывая притихших членов отряда. – Время истекает, Роулинсон ждет свою часть материалов. Искать Вессенберга некогда.

– Ну так и отдайте ему пару контейнеров с разным барахлом, Андрей Львович, – тихо предложил Миллерс с виноватым видом. – А пару заберем мы.

– Переговоры с террористами не доводят до добра, – наставительно произнес доктор Штреллер. Никто не обратил на него внимания.

– Хорошо, выходим.

– Чертов павиан… – проворчал Миллерс. – Я ведь знал, что из-за него не миновать нам неприятностей.

– Неприятностей у нас уже накопилось столько, что на всех хватит, – отрезал Гумилев. – Нас ждут на взлетной полосе. Я иду первым, остальные – за мной, Антон замыкающим.

Командую, словно у меня тут минимум взвод, с горечью подумал Андрей, выходя из будки. А всего-то растяпа безопасник, сумасшедший ученый и Кирилыч, который, кажется, немного сдал из-за всех передряг… Что же делать, в самом деле? Вернуться с Роулинсоном в хранилище, там же полно всего… Что ж, как вариант сгодится, а там уже будет зависеть от самого полковника. Плохо, что рядом с ним теперь Тарасов. Этот ренегат знает Гумилева получше, чем Роулинсон, и может навредить… Эх, Санич, Санич, куда же ты смотрел? Да и Кирилыч со своим Вессенбергом не лучше… Тоже мне, заместитель по тарелкам… Взял и смылся в самый ответственный момент…

Люди Роулинсона в самом деле ждали на взлетной полосе. «Сикорский» стоял поодаль, печально опустив лопасти винта. Самого полковника и Нестора не было видно – еще бы, начальство не опаздывает, начальство задерживается. На всякий случай Гумилев поднял руку с пультом, демонстрируя его солдатам Солт-Лейк-Сити. Надо полагать, им уже втемяшили, что не стоит стрелять в человека, который может взорвать всю базу Неллис.

Ага, а вот и полковник.

Роулинсон шел к месту встречи в сопровождении капитана Долтри и Нестора Тарасова. Шел не спеша, всем своим видом показывая, что он тут главный. Интересно, подумал Гумилев, что с ним случилось? Уже не так напоминает труп, почти на живого человека похож…

– Идемте, что ж делать, – сказал Гумилев.

…– Кого-то ждут, что ли… – предположил Ковальски, наблюдая за действиями людей Мастера.

– Это полковник Роулинсон, с бинтами на шее, – сказал Шибанов. – Рядом с ним – капитан Долтри, его помощник. Третьего не знаю.

– А мне он кажется знакомым, – нерешительно заметил Джей-Ти, тоже осторожно выглянув из укрытия. – И скафандр как у вас… Черт, да не русский ли это, который меня с креста снял?!

Маккормик покосился на чернокожего рэпера с опаской – что это ему причудилось в Тарасове? Джей хотел что-то добавить, но их отвлек Ковальски:

– А вон еще группа! Буч, это они! Видишь?!

Видел не только Буч, видели все. Три человека опять же в скафандрах, как у фэбээровцев, еще один, впереди, – в зеленом комбинезоне. Вооружены. Катят небольшую тележку с какими-то ящиками.

– Вон Гумилефф. Посмотрим, что они будут делать, – сказал Маккормик.

Но люди, встретившись на взлетной полосе, ничего особенного не делали. Они долго и нудно переговаривались, размахивая руками, потом полковник Роулинсон что-то приказал своему капитану, и тот побежал к ангарам, вернувшись с парой автоматчиков, сопровождавших небольшую группу одетых в те же скафандры. Группа Гумилева, точно. Вроде бы все на месте.

– Черт их разберет в скафах, кто из них кто… – сердито проворчал Ковальски.

– Вон тот чувак точно снимал меня с креста, – продолжал настаивать негр. – Вы как хотите, но в него я стрелять не стану. Да и в других тоже не стану, если они с ним.

– Строго говоря, если тех парней разделить условно на плохих и хороших, то хорошие как раз вон те, в скафандрах, – сказал Маккормик.

Джей-Ти покачал головой и хмыкнул.

– Я пойду отлить, – сообщил он и удалился куда-то за угол.

Люди на взлетной полосе продолжали переговоры. Судя по всему, они пока так и не пришли к некоему общему решению.

– Смотрите, кого я поймал! – послышался голос рэпера. Он тащил, крепко ухватив за плечо, упиравшегося человека в скафандре без шлема, с длинными растрепанными волосами. На носу поблескивали золотые очки. В руках человек сжимал металлический чемоданчик, довольно большой и с виду весьма тяжелый.

– Хай, мистер Вессенберг! – радушно сказал Маккормик. – Какая встреча! Пол, посматривай за нашими друзьями, а я поговорю с мистером Вессенбергом.

– Вы что, знаете этого волосатого перца?! – удивился Джей-Ти.

– Что вы здесь делаете? – осведомился Маккормик. – Ваши все вон там, а вы, никак, решили удрать? А что у вас в руках?

– Личные вещи, – мрачно буркнул Вессенберг.

Глаза его бегали, видимо, эстонец лихорадочно просчитывал ситуацию. Уж на кого, но на агентов ФБР он никак не ожидал

наткнуться.

– Что-то я сомневаюсь, что у него там зубная щетка и чистые подштанники, – сказал негр.

– Я тоже, – согласился с ним Маккормик. Вессенберг еще крепче прижал чемоданчик к груди. Федеральный агент решительно потянулся к нему, и в этот момент эстонец завопил:

– Назад! Назад!

Неизвестно откуда у него в руке оказалась граната, а выдернутое кольцо со звоном заплясало по бетону. Стандартная армейская М61, радиус уверенного поражения осколками – пятнадцать метров, то есть шансов выжить у присутствующих крайне мало, если учитывать еще и рикошет от стены…

– Отпусти его! – коротко велел негру Маккормик.

Джей-Ти осторожно выпустил плечо Вессенберга и сделал несколько мягких шагов в сторону.

– Послушайте, – миролюбиво начал Маккормик, вспоминая все, чему его учили на курсах переговорщиков. – Я федеральный агент Маккормик, представитель правительства Соединенных Штатов… то есть Североамериканского Альянса… Мы не собираемся причинить вам вред. Давайте успокоимся и поговорим обо всем…

– Назад! – перебил агента Вессенберг.

Он попятился и на втором шаге уперся спиной в стену. Испуганно дернулся от неожиданности и выронил гранату.

Маккормик реагировал моментально, но еще быстрее среагировал Шибанов. Бывший хоккеист продемонстрировал, что имел бы успех и на футбольном поле, изо всех сил поддав гранату ногой. Отлетев за сваленные грудой метрах в двадцати металлические контейнеры, М61 взорвалась, изрешетив железо осколками и не причинив никому вреда.

Дальнейшие события происходили с калейдоскопической быстротой. На взлетной полосе загрохотали выстрелы. Джей-Ти сбил с ног эстонца, навалившись на него всем телом и, видимо, полагая, что у него могут быть при себе еще гранаты. В «Сикорский» ударил залп из подствольника, угодив прямо в открытую дверь; вертолет тяжело подпрыгнул на бетонке и тут же окутался дымом и пламенем. В чаду и суматохе все принялись разбегаться в стороны, причем группа Гумилева выбрала в качестве укрытия именно здание, за которым скрывались агенты ФБР и компания. Полковник Роулинсон со своими отступил в противоположную сторону, решив, видимо, что убраться отсюда будет разумнее, нежели ввязываться в бой. Тележку с ящиками они уволокли с собой. На бетонке осталось несколько убитых – судя по неестественным позам, именно убитых, а не раненых.

Выждав немного, Ковальски в азарте выпустил несколько очередей над головами бегущих к зданию русских. Маккормик метнулся к нему, чтобы остановить, но кто-то, бежавший впереди остальных, закричал:

– Три-два-два! Три-два-два! Прекратить огонь!

Маккормик оттолкнул напарника, который и без того уже опустил оружие, и тоже заорал:

– Не стрелять! Это свои!

Тяжело дыша, девушка в скафандре опустилась на одно колено и повторила:

– Три-два-два… Вот уж кого я не ожидала здесь увидеть…

«Три-два-два» было условным стуком – именно так стучал глубоко законспирированный «крот», работавший в группе Андрея Гумилева на ФБР, когда ночью приходил в их хай-тек фургончик и рассказывал о произведенном перепрограммировании робота «Итер».

Под прицелом нескольких стволов русские остановились. Те, кто был вооружен, не пытались сопротивляться и послушно сложили свои пушки по приказу Ковальски.

– Здравствуйте, господа, – сказал Андрей Гумилев. – Надеюсь, сейчас мы с вами на одной стороне?

Глава четвертая

Спуск в темноту

У меня не аналитический склад ума. Вы в курсе, что я не трачу свое время, чтобы подумать о себе и о том, зачем я делаю то, что я делаю.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Когда после прогремевшего взрыва началась суматошная перестрелка, Гумилев даже не удивился. Он почему-то ожидал, что все пойдет наперекосяк, ведь у них даже не было на руках козырей, кроме пультов управления дистанционным уничтожением объектов базы. А потом что-то рвануло, кто-то из людей Роулинсона случайно нажал на спуск, и началось.

Потеряли они только Артемьева. Бородатый психолог стоял ближе всех к вертолету, и кусок обшивки снес ему голову. Скафандр не помог… Раненых было несколько, в том числе Санич, который с перебитой ногой добежал до укрытия и даже дотащил Лобачевского. Сейчас он пытался при помощи Вессенберга разобраться со своей наполовину искусственной конечностью и определить масштаб повреждений; выглядел в целом бодро. Лобачевский же, который словил две пули в спину, чувствовал себя значительно хуже и только что потерял сознание. Им занимались Иванова и немного пришедший в себя доктор Штреллер, используя взятый у Ковальски медпакет.

Оплакивать потери было не время, хоть полковник со своими и скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, почему в неизвестном? Скорее всего, он уже едет на своем секретном подземном поезде, тогда как они плотно застряли на базе.

– Три-два-два… – задумчиво повторил Гумилев. – И что это значит?

– Вы находитесь под юрисдикцией Североамериканского Альянса, – сказал Маккормик. – Все попытки противодействовать федеральным агентам будут расцениваться как…

– Да ладно вам, Маккормик. Или как там вас называют – Буч? – Гумилев устало вздохнул и обнаружил, что пульт управления уничтожением объектов до сих пор у него в руке. Видимо, американцы не восприняли его как оружие.

– Буч я только для друзей. А с вами мы находимся в

несколько иных отношениях, – проворчал Маккормик. – Кто это с вами?

Агент кивнул на Штреллера.

– С нами доктор Штреллер, местный сотрудник. Помог нам освободиться. А с вами?

– Ростислав Шибанов, – сказал по-русски крупный парень, протягивая руку.

– Знакомое лицо… Вот только не могу вспомнить, – замялся Андрей.

– Я хоккеист.

– Точно! – закивал Андрей. – Точно, точно. Хотя лицо знакомо мне по рекламе. Ну, впрочем, оно и неудивительно… А девушки?

– Это моя жена, Атика. А это – Джей-Ти и Мидори, наши друзья. Мы сидели в местной тюрьме по милости старого приятеля, полковника Роулинсона. Агенты Маккормик и Ковальски нас любезно освободили.

– Раскроив тебе череп! – ехидно ухмыльнулся Джей-Ти.

– Очень рад, что встретил своих, – искренне улыбнулся Шибанов.

– Своих, – покрутил головой чернокожий. – Кругом эти русские. Я же говорил, что они захватили Америку. Похоже, ребята, вы опоздали.

Последнее было адресовано агентам ФБР.?Ковальски скривился, но ничего не сказал.

– Ну вот, теперь мы… будем считать, что знаем друг друга, по крайней мере как кого зовут, – начал Гумилев, – я думаю, на данном этапе у нас одна и та же задача, и, видимо, решать ее мы будем вместе. Что у нас есть? У нас… – Гумилев обернулся и посмотрел в сторону взлетной площадки, – у нас нет вертолета… Выбираться с базы не на чем. Предвидя вопросы – Роулинсон со своей бандой уехал на подземном поезде, который оказался вовсе не легендой. Впрочем, вы, наверное, о нем знаете больше, чем я.

– А я – еще больше, – вставил доктор Штреллер, который, оказывается, все слышал, хоть и возился с ранеными.

– Предлагаете объединиться и выбираться вместе? – с сомнением прищурился Маккормик. – А что делать с нарушением секретности на базе? И с данными, которые вы, а вернее, господин Вессенберг собирается отсюда вынести?

– Давайте вначале выберемся, а там уж решим, – предложил Гумилев. – К тому же Роулинсон тоже вывез секретные материалы, ну и… вас всего трое, и вы не сможете нас контролировать.

– Почему трое? – недоуменно спросил Решетников.

Гумилев кивнул на склонившуюся над Лобачевским Оксану.

– «Три-два-два» – это же пароль?

Оксана искоса посмотрела на Андрея, но ничего не сказала.

– Надо же, а я грешил на Вессенберга, на Тарасова… Хотя с Тарасовым по-прежнему не все ясно, да и вы, Индро Юльевич, меня изрядно заставили понервничать. Вы хоть понимаете, что Артемьев погиб из-за вас?!

Эстонец индифферентно пожал плечами.

– Так получилось. Я не хотел. Зато я спас бесценные знания.

– Ничего вы пока не спасли, – довольно грубо заметил Решетников, который, кажется, больше остальных тяготился своим нынешним положением военнопленного. – А вот Артемьева угробили. Договорились бы с полковником, не сбеги вы со всей добычей…

– Я спасал бесценные знания, – обиженно и угрюмо повторил Вессенберг. – Я действовал в интересах науки.

– Что ж, хорошо хоть, обошлось без признания, что вы работаете на разведку Эстонии, – невесело усмехнулся Гумилев.

Вессенберг не посчитал нужным ответить.

– А вот с тобой я просчитался, – сказал Санич, пристально глядя на Иванову. Та выдержала взгляд своего начальника. – Чего не хватало, Оксана? Денег?

– Теперь уже все равно, – вмешался Гумилев. – Раньше надо было думать, Олег. Когда проводили проверки, формировали группу… Тебе, Кирилыч, тоже минус. Но сейчас не время и не место устраивать расследования, хотя я догадываюсь, что тот же «Итер» в свое время взбунтовался не по собственной воле… Не так ли, Иванова?

Оксана продолжала молчать. Пришедший в себя Лобачевский злобно оттолкнул ее руку.

– Вам придется подчиниться, – резюмировал Маккормик. -

Вы, по сути, преступники.

– А мы?! – поинтересовался Шибанов, стоявший рядом с агентом.

– С вами сложнее. Если вы и впредь будете оказывать содействие представителям правительства, то мы закроем глаза на то, что вы проникли на секретный объект. Разумеется, вам придется подписать ряд документов…

– А вот это вы зря, парни, – перебил агента ФБР Джей-Ти и без лишних слов стукнул его по затылку прикладом автомата.

Спустя секунду расстановка сил полностью изменилась.

– Сюда, – произнес доктор Штреллер, указывая на совершенно неприметное строение.

Это была даже не будка наподобие той, куда выводил секретный ход из хранилища внеземных артефактов и технологий, а просто сарайчик. Обычный сарайчик из гофрированных металлических листов, в таком обычно хранят какие-нибудь метлы или швабры.

Гумилев даже подумал, не чокнулся ли бедный доктор окончательно после всего увиденного наверху и перенесенного стресса, но Штреллер деловито подошел к домику и откинул кусок толстой резины, прикрывающий что-то наподобие дверного звонка. Он нажал квадратную кнопку, дверь открылась.

В сарае и в самом деле грудой были свалены уборочные инструменты: лопаты, грабли, пластиковые ведра…

– Сюда, – снова сказал доктор, указывая теперь на свободное от хлама пространство. Все послушно вошли внутрь и кое-как разместились, давая побольше места фэбээровцам с носилками. Джей-Ти недовольным тоном произнес:

– Что-то непохоже на секретный поезд, а, профессор?

– Я не профессор, – с достоинством возразил Штреллер, вынул свою магнитную карту и сунул в неприметную щель на одном из столбов, поддерживающих шиферную крышу. Пол тут же поехал вниз.

Металлические гладкие стены уходили вверх, а они все опускались и опускались, пока не остановились с легким толчком. Автоматически открылась дверь, и отряд оказался на сверхсекретной

станции линии Лос-Аламос – Неллис с пересадкой в Юте.

…Четверть часа назад Андрей Гумилев несказанно удивился, когда чернокожий по имени Джей-Ти стукнул по голове агента ФБР Маккормика. Маккормик, до этого печального момента пребывавший в полной уверенности, что контролирует ситуацию, негромко всхлипнул и повалился на бетон. Коллега, агент Ковальски, среагировал правильно – стрелять ни в кого не стал, а резво подхватил Маккормика, чтобы тот не расквасил свою фэбээровскую рожу.

– Ненавижу федералов, – искренне сообщил Джей-Ти. – Я так и знал, что все этим кончится: «Вы проникли на секретный объект», «Вам придется подписать бумаги»… А потом нас посадят в кутузку до скончания веков, чтобы мы не разболтали чего-нибудь журналистам. Или вообще прикончат на хрен, в кино обычно так и поступают.

Решетников тем временем скрутил не оказавшую сопротивления Иванову. Андрей даже не представлял, что с ней делать. Шпионка, из-за нее погиб как минимум один член группы

– Дербенев, которого убил и пытался сожрать, как биомассу, сошедший с ума «энергетически автономный тактический робот», он же «Итер». Нет, не так: не сошедший с ума, а целенаправленно перепрограммированный Ивановой.

Тащить предателя с собой, подвергая опасности всю группу, казалось неправильным. С другой стороны, что теперь эта группа? Куча никак не связанных между собой людей, где от каждого можно было ожидать чего угодно. Да и неправильно было бросать ее без суда и следствия, поэтому в результате Иванова была невредима и находилась под пристальным вниманием майора Грищенко, а федеральные агенты даже приносили пользу, неся тяжелораненого Володю Лобачевского. В конце концов, и фэбээровцев можно просто отпустить на все четыре стороны. Не убивать же…

Гумилев успел коротко переговорить с Шибановым, который явно считался лидером своей маленькой группы. Бывший хоккеист заметно успокоился, когда понял, что против «своих» ему действовать не придется. О целях экспедиции Гумилева он расспросил осторожно, явно не желая получать лишнюю информацию, и поинтересовался, поможет ли Гумилев им выбраться за периметр. Андрей честно пообещал сделать все возможное, хотя пока и сам с трудом представлял, как это можно организовать. Самим бы выйти…

Тем не менее на Шибанова и его людей Гумилев мог полностью рассчитывать, несмотря на всю эксцентричность компании. Негр напоминал героя «черных» комедий про гангстеров, а девушка-японка то и дело улыбалась улыбкой маленькой хитрой людоедки, не выпуская из рук оружие. Ее Гумилев, кстати, тоже вспомнил – юная актриса, надежда Голливуда. А вот красавицу жену Ростислава Шибанова Андрей не знал, хоть сам Ростислав и поведал ему, что она была известной фотомоделью. Этот бизнес был от Гумилева чересчур далек.

***

Как и следовало ожидать, станция подземного поезда во многом напоминала станцию метро, только чрезвычайно унылую. Выложенный темной гранитной плиткой перрон, покрытые шершавой бетонной «шубой» покатые стены, туннель, уходящий в темноту, под потолком – ряд ламп, явно работающих сейчас не на

полную штатную мощность. Все сделано довольно по-спартански – пара металлических лавочек с дырчатыми сиденьями, прикрученных к полу, на стене – аптечка и противопожарный щит. Ничего общего с любимым Гумилевым московским метрополитеном, скорее, его мини-версия, которую он видел в Новоафонской пещере, в Абхазии.

Гумилев неожиданно вспомнил, что «Подземной железной дорогой» в свое время называлась тайная система организации побегов негров-рабов из южных рабовладельческих штатов США на свободный Север. Название произошло из-за применения в конспиративных целях железнодорожных терминов: маршруты побегов называли «линиями», конспиративные явки, где беглецы могли в безопасности остановиться в пути, – «станциями», проводников, переправлявших свой «багаж» в северные штаты, а зачастую и в Канаду, – кондукторами. Расстояние между двумя «станциями» составляло примерно один день пути. А во время войны во Вьетнаме «Подземной железной дорогой» условно называли пути побега в Канаду американцев, уклонявшихся от призыва

в армию.

Тем временем Решетников направился к не замеченной Гумилевым двери в стене, а доктор Штреллер подошел к краю перрона и принялся тревожно всматриваться в темноту туннеля. Его примеру последовал Грищенко, вначале посадив конвоируемую Иванову на лавочку – куда она, в самом деле, отсюда денется, как с той подводной лодки из поговорки.

Агенты ФБР поставили носилки с раненым Лобачевским на плиточный пол и перевели дух. Ростислав Шибанов и компания расположились у стены, о чем-то переговариваясь.

– Что там такое, доктор? – окликнул Андрей Штреллера. – Только не свалитесь, ради бога, не хватало нам еще одного переломанного…

Штреллер послушно вернулся и проговорил, поднеся указательный палец к губам:

– Тоннели… Про них рассказывали всякое.

– Что именно?

– Всякое, – значительно повторил доктор, погрозил пальцем и, отойдя в сторонку, сел на лавку рядом с Ивановой.

Шпионка покосилась на него и слегка отодвинулась.

– Что он имел в виду, Андрей Львович? – спросил Миллерс озабоченно.

– Да черт его знает. Парень, похоже, немного тронулся. Ты бы просидел в подземелье два года.

– Вообще-то у него была возможность выйти…

– Может, он такой дисциплинированный. Исполнял инструкцию.

– Ну-ну, – скептически произнес Миллерс, не спуская глаз с фэбээровцев. Дай волю – пристрелил бы, наверное.

– Никого там нету, по-моему, – сказал Грищенко, продолжая вглядываться в туннель. – Темно, правда… Про московское метро тоже истории рассказывали, помню. В газете даже писали. Крысы-мутанты. Призраки. На «Авиамоторной» когда-то еще при СССР эскалатор обвалился, так по ночам там привидения людей без рук видели, все в крови. Их в колеса вроде как затягивало, а колеса же зубчатые.

– Слушай, майор, тебя только не хватало со старушечьими россказнями! – возмутился Гумилев, которого невольно пробрал озноб. Показалось даже, что в черноте туннеля что-то пошевелилось. Грищенко усмехнулся и отошел в сторонку, к доктору Штреллеру.

Решетников тем временем открыл дверь и позвал Миллерса:

– Антон! Тут, по-моему, генератор или что-то подобное!

Миллерс побежал к Решетникову. Оба скрылись внутри небольшого помещения, находившегося за дверью. Гумилев не выдержал и тоже направился туда.

– Что тут у вас? – спросил он, увидев, как Решетников и Миллерс возятся у пульта.

– Распределитель управления питанием, – с вымученной улыбкой сказал Решетников.

– И что это значит?

– Да то, что мы сейчас вырубим сеть и полковник Роулинсон на своем паровозике из Ромашково застрянет в туннеле.

– Серьезно?! – поднял брови Гумилев.

– Серьезнее не бывает. – Решетников всмотрелся в разноцветную схему на мониторе и ткнул пальцем в сенсорный экран. Оранжевая извилистая линия погасла. – Вот как-то так…

– Поезд застрял в туннеле?

– Угу… Стоит как миленький. Насколько я понимаю, миль десять отсюда. Может, немного меньше – датчики не работают, где-то обрыв, судя по всему, так что точное местонахождение поезда я не могу указать. Но скорость была маленькая, видать, боялись, что рельсы просели или обвал.

– Следовательно, мы их можем догнать, – задумчиво сказал Гумилев. – Если они и пойдут вперед, то не сразу, подождут немного – вдруг включится аварийное питание, например. Могут послать небольшой отряд на ближайшую станцию, проверить, что случилось. Где у нас ближайшая станция? Мистер Штреллер, доктор! Где ближайшая станция подземки?

– А здесь и есть, – меланхолично произнес доктор, заглядывая в техническое помещение; видимо, он слышал разговор. – Им проще будет вернуться, чем идти вперед.

– Отлично! Тогда мы идем по рельсам вслед за ними, имея в виду, что можем на них наткнуться. Там есть токоведущий рельс?

– Есть, но я же его отрубил. Так что можно не бояться. Но на всякий случай, конечно, лучше не наступать. Он оранжевого цвета, – пояснил Решетников.

После перестрелки и гибели нескольких членов группы Кирилыч словно постарел лет на десять. В этом, наверное, и было его коренное отличие от Гумилева. Андрей старался отложить переживания на потом, когда все закончится, чтобы не занимать клетки мозга, не отвлекаться. Начнешь скорбеть по одним – можешь потерять других. Нет, Андрей ничуть не сомневался в опыте и выдержке Решетникова. Просто Кирилыч был совсем

другим человеком. Другой формации, другого поколения.

– Как думаешь, кого оставить, чтобы потом запустить линию? Вот блок связи, из кабины машиниста можно запросить включение.

– А с ними связаться не пробовал?

– Пробовал – не работает на выход. Возможно, передатчик попросту выключен. Так кого оставим за главного?

– Намекаешь на себя? – прищурился Гумилев.

– Да нет, вот Антон тоже сумел бы… Да и любой другой сумеет, там объяснить несложно. Решай, Андрей Львович. Как скажешь, так и будет.

Гумилев задумался. Почему-то первой мыслью было оставить здесь своего «заместителя» Вессенберга, чтобы сидел тихо в комнатке, не мешал и ждал, пока с ним свяжутся из кабины электровоза и прикажут включить питание. Но нет, Вессенберг был все же не боец, да и серьезно проштрафился, попытавшись исчезнуть с чемоданом. А оставлять следовало человека, на которого в случае чего можно положиться. Бог ведает, что здесь может произойти в их отсутствие.

Миллерса? Грищенко? Может, Кирилыча, в самом деле?

Или кого-то из шибановской команды? Вроде бы люди надежные, доверять им вполне можно…

– Мы ведь вернемся. Запустим поезд и сразу вернемся, – еле слышно пробормотал Андрей.

– Я и говорю: давай останусь.

– Нет, – сказал Гумилев. – Пускай останутся девушки и Лобачевский. Да, и Штреллер, разумеется.

– А за пультом-то кто? – не понял Решетников.

– Они и будут. Объясни им быстренько, что тут и как

включается, в какие кнопки можно тыкать, а в какие – ни в коем случае, да и тронемся.

– Слушай, они ведь все-таки не наши, – усомнился Решетников.

– И что? Видел, какие у нас имеются «наши»? – криво усмехнулся Гумилев, имея в виду то ли Иванову, то ли Тарасова, то ли обоих сразу. – В туннелях, возможно, стрелять придется. Вот и пускай девушки сидят здесь, в тепле и при свете. Если мы вернемся, стало быть, все отлично. Если нет – сумеют отсюда выбраться, раз уж столько продержались на Закрытой Территории.

– А этих двух гавриков из ФБР? С собой, что ли, возьмем?

– Не убивать же их, в самом деле. Связать? А толку? Пусть идут впереди, дорогу разведывают. Что-то насторожил меня наш подземный доктор… Еще и Грищенко со своими окровавленными призраками… А фэбээровцы с нами в одной лодке, даже при всей их хитровыкрученности.

– Если бы не они, мы бы уже за Периметром садились, – играя желваками, сказал Решетников.

– Поздно. И, если угодно, они наша гарантия. Мы здесь столько наворотили, что в любом случае придется улаживать сто вопросов с правительством Североамериканского Альянса. И два агента ФБР, которым мы помогли, придутся весьма кстати. Да еще разоблаченная шпионка на руках… Короче, Кирилыч, я думаю, так будет лучше всего. А потому пойду я переговорю с шибановскими ребятами, и двинем. Идемте, доктор. – Андрей взял за локоть Штреллера, который так и торчал в дверном проеме.

Решетников покивал и принялся возиться с пультом.

На перроне ничего не изменилось. Санич сидел на полу, дремал, что ли… Миллерс надзирал за фэбээровцами, Иванова, демонстративно отвернувшись, сидела на лавочке, Лобачевский, кажется, был без сознания, в медикаментозном сне. Плохо, что нарушена герметичность его бронекостюма… Биозащита должна была сработать и затянуть пулевое отверстие практически молниеносно, но вирус мог успеть проникнуть внутрь, ведь нет уверенности, что Шибанов или кто-то из его спутников не являются носителями… Ладно, все равно ничего не поделать. Пусть пока спит, а там поглядим.

Друзья Шибанова внимательно смотрели на появившегося из подсобки Гумилева. К ним Андрей и направился.

– Мы идем в туннель, – сказал он. – Решетников остановил поезд полковника, они там сейчас маются в неведении, но рано или поздно догадаются послать кого-то назад, на станцию.

– Послушайте, Андрей Львович, – устало произнес Шибанов, щелкая туда-сюда предохранителем пистолета. – Я себя ощущаю клоуном. Сначала эти типы из ФБР навешали мне на уши лапши, уж простите за выражение. Теперь вы нас куда-то тащите… Давайте мы вернемся наверх. Как выбраться с базы, мы найдем – там полно брошенной техники, уж что-нибудь движущееся всегда сумеем собрать. Тем более никто не знает – вдруг мы носители вируса? Вы об этом, конечно же, тоже думали, правда?

– Думал, – согласился Гумилев. – Но у меня осталось слишком мало людей. А задание не выполнено.

– А почему вы не спросите, нужно ли мне ваше задание? Нужно ли оно моей жене? Джею? Мидори? У нас с вами общего-то осталось лишь то, что мы оба из России. Поверьте, с Роулинсоном и тем более Мастером у меня свои счеты, но я предпочел бы спокойно уехать отсюда. На Закрытой Территории полно места. В конце концов, мы можем неплохо устроиться на базе и подождать, пока вы вернетесь на щите. Заодно сможем защитить Зону 51 от поползновений парней из Солт-Лейк-Сити…

– У меня слишком мало людей, Ростислав, – снова сказал Гумилев. – А материалы, которые забрал с собой полковник, все-таки не должны попасть к Мастеру.

– Примерно то же самое мне говорили вон те милейшие ребята из ФБР. Только… не обижайтесь, Андрей Львович, но вы же собственными руками отдали полковнику те контейнеры. Знаете, если бы я в свое время не читал о вас в газетах, мог бы подумать, что вы такой же авантюрист, как и Роулинсон. Простите, но я привык все называть своими именами за эти два года, проведенные в аду.

– Ну хорошо, тогда и я буду все называть своими именами. Предлагаю поступить так: девушки пусть остаются здесь и запустят силовую установку, когда мы подадим сигнал…

– Э, нет, Андрей Львович. Мидори и Атика пойдут с нами, – замотал головой Шибанов. – Это не обсуждается.

– Вот как, – усмехнулся Гумилев, отметив про себя, что Ростислав уже не оспаривал тот факт, что ему самому придется идти с Гумилевым. – А если я…

– Ты не понял, брат, – вмешался в разговор подошедший Джей-Ти, устрашающе вращая глазами. – Это наши женщины. Мы за них…

– Погоди, – остановил рэпера Шибанов. – Гумилев прекрасно все понимает. И у него есть две возможности: принять наше предложение – или отказаться. Тогда мы просто уйдем.

Андрей поднял руку, чтобы привычно поскрести подбородок – он всегда так делал в минуты задумчивости. Этот хоккеист,

конечно же, был прав. И Андрей чувствовал, что Шибанов не отступится. Если попытаться настоять на своем, возможно, случится конфликт, а конфликты – это то, чего сейчас меньше всего хотелось.

Поэтому Андрей коротко кивнул и бросил:

– Добро. Будь по-вашему.

Грищенко и Решетников, напряженно вслушивающиеся в разговор, с облегчением опустили автоматы. Слегка расслабился и негр, добродушно оскалив белоснежные зубы.

Шибанов и Джей-Ти отошли в сторону.

– Здесь еще какая-то дверь! – крикнул Миллерс, который, оказывается, не только успевал присматривать за агентами ФБР, но и решил проверить пустую будку охраны, темнеющую в конце платформы.

Сами обезоруженные агенты о чем-то совещались, присев на корточки возле носилок с Лобачевским.

– Ну так посмотри, чего там! – отозвался Решетников.

Санич, устроившись прямо на полу и привалившись спиной к стене, уже не дремал, а возился со своим поврежденным титановым коленным суставом, пытаясь вернуть ему подвижность.

Гумилев направился к нему.

– Ну как дела? – спросил он преувеличенно бодрым голосом.

– Хреново дела, Андрей Львович, – виновато развел руками Санич. – Пуля перебила шарнир. Если зафиксировать ногу в выпрямленном положении, скотчем там или бинтами, то идти смогу, но еле-еле… Короче, отвоевался я, похоже.

– Это уж не тебе решать, – твердо произнес Гумилев.

– Двое «трехсотых»? [11] – это перебор, – покачал головой Санич. – Вся группа погибнет…

– Андрей Львович, есть две проблемы, – сказал Решетников, подойдя вплотную к Гумилеву.

– Всего две? – невесело усмехнулся Гумилев.

– Во-первых, кого мы все-таки оставим в диспетчерской, чтобы включить питание? – начал Решетников, не обращая внимания на иронию Гумилева.

– А во-вторых?

– Оружие. Точнее, патроны. У нас их осталось слишком мало. Кто знает, что ждет группу в тоннеле? Полоумный доктор намекал на что-то такое…

– Первая проблема – считайте, что и не проблема вовсе, – вдруг улыбнулся Санич. Кряхтя, он поднялся, стараясь не опираться на искалеченную ногу. – Я останусь. Делов-то! Жратвы тут навалом, опасности никакой. Забаррикадируюсь в

диспетчерской, попробую отремонтировать сустав, вдруг чего-то да получится… В электропоезде есть устройство связи со станцией, вы же видели пульт. Как только подадите сигнал, я включу питание.

А потом, когда все закончится, вы пришлете за мной вертушку.

Андрей сосредоточенно кивнул и молча пожал начальнику службы безопасности руку. Говорить он ничего не стал. Решетников скривился, но тоже промолчал.

Если с первой проблемой вопрос был решен, то как быть со второй, не знал никто. Гумилев велел всем собраться возле Санича, объявил о решении Олега остаться и попросил произвести подсчет боеприпасов. Люди принялись доставать патроны, гранаты, защелкали отсоединяемые магазины штурмовых винтовок.

Миллерс, возившийся в будке охраны, подошел последним. Он некоторое время наблюдал за тем, как идут подсчеты, а потом уверенно бухнул:

– Ни к чему это все…

– То есть? – не понял Решетников.

– Там дверь… – Миллерс мотнул головой в сторону будки. – На ней надпись… «Резервный склад вооружения». Скорее всего, это для группы охраны станции. Мне кажется, сможем открыть.

«Пока нам везет, – подумал Гумилев, следом за остальными устремляясь к будке. – Но бесплатный сыр бывает понятно где. И вообще, все слишком похоже на ловушку. Такую огромную подземную ловушку, в которой все эти люди, и я в том числе, окончим свои дни… Черт, какая дрянь лезет в голову!»

Дверь, железная, крашенная унылой оливковой краской, которую почему-то так любят в армиях всего мира, была заперта на два замка – электромагнитный и кодовый.

– «Кажется, сможем открыть…» И как мы это сможем открыть?! – уныло спросил Вессенберг и сам себе ответил: – Только взрывчаткой.

– Док! – обратился Джей-Ти к Штреллеру. – Дайте-ка вашу пушку… А вы все отойдите!

Дождавшись, когда присутствующие отступят от двери, рэпер вскинул крупнокалиберный дробовик и несколько раз выстрелил чуть ниже панельки кодового замка. Грохот выстрелов ударил по ушам, тугое эхо запрыгало по станции, во все стороны брызнули осколки металла.

Распахнув дверь ударом тяжелого башмака, Джей-Ти довольно осклабился:

– Добро пожаловать!

– Лихо, – не мог не оценить Миллерс.

– Любую электронную цацку можно или взломать, или сломать, – пояснил Джей-Ти. – В данном случае ты бы провозился куда больше, взламывая коды.

Гумилев первым вошел в помещение и увидел в тусклом свете дежурного освещения штабеля ящиков и пластиковые контейнеры с маркировкой «U.?S.?Army».

«Пока нам везет», – снова подумал он, а мимо уже ломились возбужденные люди. Трещали доски, щелкали фиксаторы, на пол летели сорванные пломбы.

– Ого, вот это возьму я! – громогласно объявил Джей-Ти, потрясая ручным пулеметом LSAT.

– Странные патроны, – рассматривая пулеметную ленту, заметил Грищенко.

– Пластиковые гильзы, чувак! – со значением произнес Джей-Ти. – Хай-тек, понял? Я видел такой у парней в гетто, они грабили банки, прикиньте! Вбегают вот с такой штукой прямо в кассовый зал, и потом…

Шибанов громко кашлянул, остановив восторженный поток слов.

– Ладно, ладно. Никаких банковских грабителей. В журнале прочитал. Я выписывал несколько журналов про пушки и все такое, – с улыбкой сознался негр.

– Андрей Львович, – позвал Гумилева Решетников. – Тут три комплекта М202.

– Это что за зверь? – отвлекся от тяжелых мыслей Гумилев.

– Реактивный огнемет. Кино «Коммандос» со Шварценеггером в годы юности смотрели? Помните такой четырехствольный тубус, из которого девица подбила полицейский фургон?

– Смутно. Это хорошее оружие?

– Если бы в кино было как на самом деле, все люди, что ехали в фургоне, включая Железного Арни, поджарились бы! – довольно улыбнулся Решетников.

– Берем, – кивнул Гумилев и обратился к остальным: – Бронежилеты, каски, гранаты, фонари – все берем.

Мидори, сбросив на пол пластиковый контейнер, вытащила из него два револьвера, снабженных какими-то устройствами. В тонких девичьих руках оружие выглядело устрашающе большим.

– Отличный выбор, сестренка! – одобрил Джей-Ти. – Восьмизарядный «смит-энд-вессон», модель 327, с присоединенным коллиматорным прицелом. Мечта каждого подонка в Эл-Эй? [12]!

– Вы так хорошо разбираетесь в оружии? – удивился Вессенберг, только что зашедший в караулку.

Джей-Ти оглянулся на занятого примеркой амуниции Шибанова и сказал заговорщицким тоном, хлопнув эстонца по плечу:

– Я же все-таки вырос в гетто, чува-ак!

В тревожном свете оранжевых ламп аварийного освещения отполированные колесами электропоездов рельсы казались раскаленными. Сплав, из которого они были изготовлены, не окислился и не корродировал за годы вынужденного простоя.

Полукруглый потолок тоннеля терялся во мраке, по бетонным стенам змеились толстые кабели в металлической оплетке. Изредка попадались обесточенные датчики движения и видеокамеры, укрепленные на кронштейнах и слепо таращившиеся объективами на отряд. Пахло сыростью, еле заметный ветерок холодил кожу.

– Мрачноватое местечко, – озираясь по сторонам, пробормотал Джей-Ти. – Похоже на подземелье Бэтмена.

– Главное, чтобы сейчас какой-нибудь Мистер Фриз? [13] с ледометом не вылез, – ответил Шибанов, шаря лучом фонаря по серым стенам.

Отряд растянулся по тоннелю. Люди инстинктивно старались держаться левой стороны, чтобы быть подальше от маркированного оранжевой полосой контактного рельса, хотя тот сейчас ничем не угрожал им. В авангарде двигались Грищенко и Иванова, с момента своего разоблачения не сказавшая никому ни единого слова. Вооруженные армейскими штурмовыми винтовками M4 A1, облаченные поверх биоскафандров в новенькие бронежилеты Interceptor OTV и каски ACH, они казались заправскими спецназовцами, сошедшими с экрана голливудского боевика.

Следом шла группа Шибанова. Андрей Гумилев отметил, что эти ребята держатся спокойнее и увереннее других. Здесь никто судорожно не тискал оружие, а Джей-Ти так и вовсе взвалил пулемет *LSAT на плечо, словно это была клюшка для гольфа. Но в его походке, как в движениях остальных, явственно читалась готовность в любой момент вступить в бой. Все же два года,*

проведенные на Закрытой Территории, давали о себе знать.

Федеральные агенты, молчаливо тащившие носилки с раненым Лобачевским и прямоугольные пусковые контейнеры реактивных огнеметов, двигались в середине отряда. Видимо, они полностью смирились со своей участью и сознавали, что с «гумилевцами» им даже во многом спокойнее и безопаснее. Рядом с ними ковылял Вессенберг.

Доктор Штреллер с равнодушным лицом шагал поодаль,

держа свой дробовик стволом вниз. Гумилев давно решил, что ученый все-таки не в себе и на экстремальную ситуацию может среагировать неадекватно. Кажется, Решетников думал так же и на всякий случай контролировал Штреллера.

Замыкал шествие Миллерс, державший под прицелом агентов. Еще на складе он подобрал для себя жутковатую двуствольную бандуру – двенадцатимиллиметровый дробовик XM-26 LSS, установленный под стволом штурмовой винтовки M4A1. Порожденный милитаристской фантазией неизвестного конструктора-оружейника двуствольный комплекс годился как для ближнего боя, так и для стрельбы на дальние дистанции.

Сам Андрей конкретного места в походном ордере так и не выбрал. Он то выдвигался вперед, чтобы проверить разведчиков,

то перебрасывался парой слов с Решетниковым. Скорее всего, это был наиболее правильный вариант – так он успевал понемногу контактировать со всеми.

За пятнадцать минут они прошли почти милю. Ничего не происходило, никакие призраки или подземные чудовища не тревожили отряд. Но Гумилев был уверен – это все именно что «пока».

Мысли, предчувствия отступили на второй план. Сейчас главное было – добраться до поезда, захватить похищенные Роулинсоном контейнеры и сорвать безумный план полковника. О том, что будет дальше, Андрей старался не думать. Куда кривая вывезет. Он прислушался к тихому разговору, который вели Шибанов, рэпер и девушки.

– Расти, братан, а что там за плита висела под потолком у входа в тоннель? – спросил Джей-Ти.

– Наверное, она должна перекрывать вход, – пожала плечами Мидори, встряв вперед Ростислава.

– Перекрывать – от кого? – Атика тревожно оглянулась. – Выходит, в тоннеле есть какая-то опасность?

– Может быть, просто на всякий случай? – предположила Мидори и развила свою мысль: – Ну, тоннель же длинный, сотни миль. Вдруг где-то случится какое-нибудь наводнение… или…

– Или террористы залезут? – закончил за нее Джей-Ти.

– Ага.

– В московском метро такие плиты есть на каждой станции, называются створами, – успокоил всех Шибанов. – Если начнется ядерная война, створы наглухо, герметично перекрывают тоннели. И станция превращается в бомбоубежище с автономной системой жизнеобеспечения. Наверное, здесь так же.

«Наверное, – согласился про себя Гумилев, слышавший весь этот разговор. – Вот только вся база Неллис сама по себе –

отличное многоуровневое бомбоубежище. Зачем еще и станцию подземки отсекать от единственного – и абсолютно безопасного – пути к спасению? Может быть, девчонка права и в тоннеле существует что-то, чего следует бояться? Опять же, на станции хранился целый арсенал – для чего? Против кого?»

– Я что-то вижу! – раздался вдруг встревоженный голос Грищенко. – Лежит сбоку от рельсов, у стены. Что-то большое…

Отряд остановился. Грищенко и Иванова двинулись вперед – на разведку. Остальные развернулись в цепь, перегородив тоннель. Шибанов и Атика клацнули затворами, Джей-Ти отошел в сторону, присел на одно колено и вскинул пулемет, готовясь в случае чего прикрыть группу.

– Нравится мне этот парень, – прогудел Решетников, обращаясь к Гумилеву. – Вроде придурок придурком, а действует как заправский коммандос или «зеленый берет».

– Ну так! Гангстер! – с деланым восхищением отозвался Андрей.

– Гангстеры, Андрей Львович, – это обычные бандиты, как и у нас. Только в кино у них красивые перестрелки. А на деле – из-за угла пристрелить, машину взорвать, киллера нанять, на худой конец, со снайперкой. Какие там «зеленые береты»… Видимо, парня просто жизнь научила.

Джей-Ти покосился на русских, хотя и не мог понять, о чем они говорят.

– Это «двухсотый», труп, – донесся из темноты голос Грищенко. И сразу же за этой фразой прозвучала другая, изумленная: – Это не человек!

Глава пятая

Ужас подземных тоннелей

Я думаю, мы согласны, что прошлое прошло.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

– Черт бы тебя побрал! Вот же дрянь… – испуганно выругалась Иванова.

Это были первые слова, которые она произнесла после своего разоблачения.

– Что там? Что?! – рявкнул Решетников.

– Идите сюда, – крикнул Грищенко уже более спокойным голосом. – Я такого никогда не видел…

Несколько секунд спустя группа сгрудилась вокруг находки. Гумилев, едва взглянув на труп, почувствовал, как по спине скользнула ледяная струйка. Мидори сморщилась от омерзения, Атика отвернулась. Джей-Ти с чувством выругался, помолчал и выругался снова, видимо, решив, что одного залпа брани тут недостаточно.

Неизвестное существо, издали действительно напоминающее человека, лежало на спине, запрокинув голову. Росту в нем было никак не меньше двух с половиной метров. Серая, лишенная волос кожа напоминала слоновью, огромная грудная клетка выпирала, как барабан. Мускулистые ноги заканчивались широкими ступнями, из узловатых пальцев росли загнутые когти.

Но самым жутким были руки мертвого монстра. Точнее, даже не сами руки, а их количество.

Рук оказалось четыре! Бугрящиеся мышцами, многосуставчатые, они казались конечностями исполинского краба, обтянутыми по прихоти неведомого демиурга все той же толстой, пупырчатой серой кожей.

– Таких тварей в кино обычно делают при помощи компьютерной графики, – сказала Мидори, которая в мирное время снималась в фильмах ужасов.

– Даже я с перепою выгляжу лучше, – оценил рэпер. – По крайней мере несет от меня поменьше.

От трупа в самом деле ощутимо воняло тухлятиной. На животе существа темнела огромная рваная рана, покрытая черной коркой запекшейся крови. Миллерс, присев, натянул перчатку,

ухватил запрокинутую голову монстра за спутанные волосы и приподнял, вызвав новую волну ругательств. На людей смотрела совершенно звериная морда с оскаленными клыками. Громадные челюсти были приоткрыты, между желтых зубов виднелся распухший фиолетовый язык. Застывшие крохотные глазки, спрятанные под низким лбом, злобно посверкивали в свете фонарей.

– Индро Юльевич, – Гумилев обернулся к Вессенбергу, – кажется, это по вашей части? Вы же вроде еще и криптозоолог.

– По моей, по моей, – обрадованно закивал эстонец. -

Позвольте…

Он единственный из всего отряда при виде жуткого трупа не потерял присутствия духа, а наоборот, загорелся самым что ни на есть научным интересом. Оттеснив Миллерса, Вессенберг присел на корточки, зажал фонарь зубами и принялся осматривать находку, тут же перепачкавшись в какой-то мерзкой слизи. Впрочем, криптозоолог на это внимания не обратил. Он заметно преобразился – деловитые точные движения, сосредоточенный вид. Глядя на него, Гумилев почувствовал себя не в старом заброшенном туннеле, а в сверкающей хромом и стеклом операционной. Все участники похода брезгливо отступили подальше от воняющего монстра и слегка расслабились, почувствовав, что Вессенберг со своими научными изысканиями задержит их на какое-то время. Вессенберг, действительно, совершенно не собирался торо-

питься.

– Помогите мне перевернуть его набок, – попросил он.

Все переглянулись; крякнув, Грищенко нагнулся и ухватился за скрюченную верхнюю лапу, к нему присоединился Шибанов. Даже втроем они едва смогли сдвинуть с места огромную тушу.

– Сколько времени вам понадобится на осмотр? – поинтересовался Решетников.

– М-м-м… – Эстонец поднял голову. – Для предварительного исследования – часа два. Хорошо бы взять пробы и провести вскрытие!

– Пять минут, – отрезал Гумилев. – И без возражений. Если вам так уж интересно, положите образец в контейнер… Потом, если будет возможность, исследуете. Кхм, когда будет возможность, – поправился Андрей.

Вессенберг сердито засопел, но спорить не стал. Он не хуже других понимал, что чем скорее они настигнут Роулинсона, тем больше шансов выпутаться из этой передряги живыми и выполнить задание. А там в принципе можно и вернуться, чтобы распотрошить чудище, никуда не торопясь.

– Доктор, вы мне не поможете? – обратился Вессенберг к Захарии Штреллеру. – Эй, вы в порядке?

На Штреллера было страшно смотреть. Ученый побледнел, как покойник. Правой рукой тиская ствол дробовика, левой он беспрестанно крестился и бормотал себе под нос слова молитвы.

– Успокойтесь! – Гумилев ободряюще похлопал Штреллера по плечу. – Это существо мертво. Вы уже встречались с такими? Откуда оно? Это инопланетная форма жизни?

– Тьма пришла… – тихо произнес Штреллер. – Тьма… Порождения ее уничтожат род людской… Это все они! Они!!

– Кто «они»? – не понял Гумилев. – О ком вы?

– Они, алчущие запретного! Дьявол надоумил их! Дьявол! – Доктор отскочил в сторону и направил ствол на мертвое тело. – Всех убьют! Всех пожрут!

– По-моему, он окончательно сошел с ума, – сказал Вессенбергу Гумилев. Он повернулся к Решетникову и тихо приказал: – Кирилыч, отбери у доктора оружие, пока он не пострелял нас всех.

– Давно пора, – с готовностью кивнул полковник.

– Господь всемогущий! – продолжал тем временем кричать Штреллер. – Дай мне сил! Если пойду я и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня…? [14]

Подошедший сзади Решетников ловко вывернул дробовик из рук ученого.

– Хватит, уже! Успокойтесь!

– Дьявол… – тоскливо разглядывая опустевшие ладони, сразу скис Штреллер. – Дьявольское наущение…

– Вы слышите меня? – попытался растормошить его Гумилев. – Что это за существо?

Но Штреллер демонстративно обиделся, сложил руки на груди и отошел в сторону.

Потекли тоскливые минуты ожидания. Вессенберг обмерил труп, осмотрел его, постоянно бормоча что-то в диктофон, и взялся за нож, намереваясь вскрыть грудную клетку.

– Осталось две минуты! – напомнил профессору Гумилев.

– Майор! – позвал Решетников. – Пока профессор не искромсал нашего покойника, что можете сказать?

Грищенко, закинув автомат за спину, нехотя присел возле трупа, посветил фонарем, потрогал края раны, вскинул руку, намереваясь, видимо, понюхать пальцы, но вовремя вспомнил про скафандр и коротко ругнулся.

– Ну, я могу начинать вскрытие? – раздраженно спросил Вессенберг.

– Валяйте, – кивнул Грищенко, выпрямляясь. Он подошел к Решетникову и Гумилеву, виновато усмехнулся. – Я, конечно, не судмедэксперт…

– Давай, давай, – подбодрил его Решетников.

– Судя по окоченелости, смерть наступила часа два – два с половиной назад в результате проникающего ранения брюшной полости, задевшего жизненно важные органы. Должна быть большая кровопотеря, но крови я почему-то не обнаружил. Судя по рваным, а не резаным краям раны, нападавшие были вооружены твердыми, острыми предметами – например, заточенными кусками арматуры.

– Нападавшие? Их было несколько? – уточнил Гумилев.

– Один человек не сумел бы причинить такому гиганту страшные увечья, – уверенно сказал Грищенко.

– А если это был не человек? – иронично улыбнулся прислушивающийся к разговору Штреллер. В этот момент он выглядел совершенно нормальным.

– Вам что-то известно? – повернулся к нему Решетников. – Вы встречались с подобными существами?

– Они – порождения зла! – сверкнул глазами Штреллер, мгновенно перестав казаться нормальным. – Тьма родила их! Они – часть ее. Из тьмы выходя, во тьму и возвращаются. И нас всех тоже поглотит тьма!

Грищенко невесело присвистнул. Гумилев скривился. Похоже, доктор Захария Штреллер все-таки нуждался в немедленной психиатрической помощи.

– Поразительно! – послышался возглас Вессенберга.

– Что там? – Гумилев оставил Штреллера и шагнул к эстонцу, вокруг которого сгрудились ребята Шибанова.

– Андрей Львович… – Вессенберг отбросил окровавленный армейский нож «Бокер орка». – У него двойной скелет… Внешний – из костей, а внутренний – титановый. На одном из ребер маркировка: «База Неллис, Зона 51, собственность правительства США». Он искусственный!

В наступившей оглушающей тишине отчетливо прозвучал смешок Штреллера.

– И еще… – упавшим голосом закончил Вессенберг. – Двойной скелет не помог. Кто-то выел у него все внутренние органы…

Теперь отряд двигался с повышенной осторожностью, что было неудивительно: зрелище дохлого чудовища, которое кто-то убил и частично сожрал, не располагало к беспечности. Шибанов, внимательно следя за лучами фонарей разведчиков, изредка

поглядывал на Атику. Девушка держалась молодцом, но после сообщения Вессенберга о выеденном изнутри искусственном монстре заметно побледнела. А вот Мидори продолжала шагать как ни в чем не бывало, похоже, эту девчонку жутковатое зрелище ничуть не тронуло. Джей-Ти подступил с расспросами к Штреллеру – мол, что за тварь, откуда, для чего?

– Док, вы тут что, суперсолдат выводили? Сдается мне, этого четырехрукого можно нашпиговать свинцом по самые яйца, но он ни фига не остановится!

– Порождения тьмы нужны, чтобы сдерживать ее исчадий! – заунывным голосом ответил Штреллер. – Господь всемогущ. Мы нарушили его заповеди, мы предались дьяволу, и теперь кара Его обрушилась на нас.

Поняв, что от свихнувшегося ученого ничего не добиться, рэпер стал приставать к Решетникову:

– Офицер, вы-то точно знаете, что за зверушку мы нашли.

– Похоже, это штурмовой киборг первой волны, управляемый дистанционно, – задумчиво пробормотал полковник. – Вессенберг обнаружил у него в позвоночнике какие-то микросхемы.

– Что значит – первой волны? – вмешался в разговор Шибанов.

– Первой волны атаки, – пояснил Решетников. – Такие существа идеально подходят для захвата хорошо защищенных объектов: командных пунктов, узлов связи, бункеров. Ваш приятель прав – его не остановят несколько прямых попаданий в корпус. Жизненно важные органы этого монстра надежно упрятаны за двумя скелетами, да к тому же наверняка имеют дублирующие системы. По крайней мере сердец у него было два. В ближнем бою, в рукопашной схватке это страшный противник…

– И тем не менее кто-то одолел его около трех часов назад, – буркнул Гумилев. – Одолел – и наполовину сожрал.

Шибанов недовольно зыркнул на олигарха.

– При всем уважении, вы бы… – речь Шибанова прервала короткая очередь из М4. Стрелял Грищенко. Практически сразу же заработал и автомат Ивановой. Они били в темноту, и пули высекали искры из бетонного свода тоннеля. От адского грохота хотелось закрыть уши руками.

– Быстро – рассыпаться! – крикнул Решетников. – Огонь по команде!

Но тут стрельба неожиданно стихла.

– Здесь что-то было, – неуверенно крикнул Грищенко. – В воздухе. Но мы не попали… Или попали, но оно все равно смылось.

Гумилев широким шагом двинулся к разведчикам. Подумав,

Ростислав присоединился к нему.

– Что значит «оно»? – спросил Гумилев, шаря фонарем по потолку и высвечивая выбоины, оставленные пулями.

– Там что-то летало, – Грищенко ткнул пальцем вверх. – Черное такое… Как тряпка.

Догадка сверкнула в голове Шибанова. Он прошел вперед метров на десять и посветил на свод тоннеля.

– Вон она, ваша тряпка, посмотрите, – позвал он Грищенко и Гумилева. – А вон еще пара болтается.

– У страха глаза велики, – улыбнулся Гумилев, разглядывая свисавшие с кабелей кожистые груши.

– Летучие мыши, – облегченно выдохнул Грищенко и засмеялся. – Помню, мы пацанами их ловили на платок.

– Это как? – живо заинтересовался негр.

– Это берешь платок белый, расстилаешь на травке ночью, мышь на него и бросается. Зачем – хрен ее знает. Но главное – ее сцапать, пока она когти не отцепила и не удрала.

– А потом чего? Ели их?

– Ага, с жареным лучком и картошечкой, – подмигнул майор.

– Сколько еще топать до этого поезда… – сварливо проворчал один из федеральных агентов, поднимая носилки.

– Миль пять-шесть, – ответил ему из-за спины Миллерс. – Может, десять-двенадцать. Вы парни крепкие, выдержите. Поди, в Куантико? [15] и не такому учили.

– Индро Юльевич, как состояние Лобачевского? – спросил тем временем Решетников у Вессенберга.

Эстонец во время вынужденной задержки посчитал у раненого пульс, оттянул веко и посветил фонариком, проверяя реакцию зрачка.

– Стабильно тяжелое. Пока действуют препараты, опасаться нечего, но, чтобы поддерживать его в состоянии медикаментозной комы, нужны новые инъекции. Словом, и здесь время работает против нас.

– Значит, пойдем быстрее, – подытожил за всех Андрей Гумилев.

…Минут двадцать отряд двигался в полной тишине, нарушаемой лишь хрустом гравия под ботинками. За это время Ростислав вспомнил старую аксиому о том, что по шпалам идти очень неудобно, потому что они кладутся так, что шагать на каждую – коротко, а через одну – длинно.

Еще он насчитал шесть технологических проходов, уводящих в неведомые подземелья, два огромных зарешеченных устья вентиляционных шахт, несколько запертых железных дверей – и

никаких признаков живых существ. Четырехрукий монстр и летучие мыши были, похоже, единственными обитателями тоннеля.

При этом Шибанов чувствовал тревогу. Все, что произошло с ними за последнее время, было слишком невероятным, чтобы закончиться хэппи-эндом. Повинуясь интуитивному порыву, Ростислав незаметно вытащил из чехла фигурку Скорпиона и стиснул ее в кулаке. Однако металлический защитник никак не отреагировал на это. Не было ни вибрации, ни волны холода. Стало быть, все в порядке и отряду ничто не угрожает. Атика, пристроившаяся сбоку, покосилась на мужа, но ничего не сказала.

Зато развлекал всех неугомонный Джей-Ти.

– Никогда не думал, что буду вот так с русскими шастать в подземельях. Ну, ладно еще Расти, он толковый чувак. Видал я иных ниггеров, которые ему в подметки не годятся, хотя их считали крутыми. Но сейчас я словно в кино типа «Красный рассвет» – типа кругом оккупанты, а я им помогаю.

Втолковывал он это почему-то Вессенбергу, который на слова рэпера внимания не обращал и шел себе, обнимая металлический чемоданчик.

Никто ниоткуда не выскакивал, ни на кого не бросался.

«Да и откуда тут взяться живности? – начал рассуждать Шибанов со скуки. – Чем ей питаться? Кругом бетон, металл, камень… Летучие мыши, крысы? Они не бесконечные…» Далее его мысли перекинулись на ближайшее будущее: «Идти нам еще от силы минут сорок. Потом будет поезд, наверняка перестрелка – Роулинсон не из тех, кто сдается без боя, если только они не ушли по тоннелю вперед. Тогда нас будет ждать засада, рано или поздно… А вот что дальше? Дальше… Дальше… Эх, прикорнуть бы сейчас прямо на рельсах… Минуток шестьсот, от души…»

Споткнувшись о шпалу, Ростислав едва не упал. Он чувствовал неодолимое желание лечь. Сонная одурь заволокла мозг, глаза слипались, руки еле удерживали тяжелый автомат.

«Что это со мной? – лениво подумал Шибанов. – Устал? Отрава? Газ?»

Паука, внезапно выскочившего из темной дыры очередного технологического хода, он заметил краем глаза.

Паук и паук. Черный, волосатый. Около метра в диаметре брюшка…

Около метра?!

Пронзительный визг Мидори вырвал Ростислава из дурного полусна. Так визжать умеют только кинозвезды – может, их где-то специально этому учат?!

Шибанов успел оттолкнуть Атику, вскинул М4 и в упор

расстрелял омерзительное создание. Рядом с ним Мидори, не переставая визжать, тоже палила в отвратную тварь. Паук, получив не менее пары дюжин пуль в толстое, покрытое длинными волосами туловище, задергался, но не подох, а достаточно шустро кинулся прочь.

Шибанов вскинул голову, огляделся и тут же вновь поднял автомат, ловя в прорезь прицела еще одну огромную членистоногую тварь, притаившуюся на уклоне стены тоннеля.

– Огонь! – заорал Миллерс, тоже приметивший монстров, и дважды выпалил из дробовика. – Огонь! Огонь!

Пауки напали на отряд внезапно. Дурманный морок, навалившийся на Ростислава, не обошел стороной и остальных. Люди слишком поздно заметили опасность. Не менее трех десятков огромных пауков, напоминающих амазонских птицеядов, укрупненных до размеров отъевшегося лабрадора, разорвали походный строй. Щелкая зазубренными челюстями, с которых капал прозрачный яд, они передвигались быстрыми короткими прыжками.

Тоннель наполнился грохотом выстрелов. Миллерс вертелся волчком, в упор расстреливая волосатых тварей. Решетников и Гумилев, встав спиной к спине, поливали пространство вокруг себя. Джей-Ти, уперев приклад пулемета в бедро, лупил длинными очередями в черный зев прохода, не давая другим паукам прийти на помощь собратьям. Мидори, вскинув руки с револьверами, походила на персонажа какого-то фантастического боевика.

Штреллер от схватки самоустранился, да у него и оружия-то не имелось. Усевшись на рельс, он закрыл глаза, превратившись в жутковатое бородатое подобие спящего Будды. Что интересно, пауки тоже не обращали на доктора ровным счетом никакого внимания.

Лазерные лучи целеуказателей «смит-энд-вессонов» метались по головогрудям, спинам, лапам пауков. Гулко звучали выстрелы, крупнокалиберные пули впивались в тварей, отпугивая и раня их, но вовсе не разнося на куски, как хотелось бы ожидать.

Из тоннеля прибежали Грищенко и Иванова. Они вступили в бой, атаковав группу пауков, пытавшихся отсечь Шибанова и его спутников от основной части отряда.

– Раненого! – крикнул им Ростислав, сделав паузу между очередями. – Прикройте раненого, мы сами справимся!

Носилки с Лобачевским в самом деле оказались практически без защиты. Фэбээровцы, едва первая волна пауков выкатилась из дыры, оставили их и бросились бежать обратно по тоннелю. Вессенберг попытался пробиться к раненому, но его окружило

сразу пять тварей, и ксенобиологу пришлось отступить к покатой стене тоннеля.

Таким образом, брошенный всеми Лобачевский мог и уже должен был по идее сделаться легкой добычей арахнидов, но когда Грищенко и Иванова добежали до него, оказалось, что ни один паук даже не подошел к носилкам.

Ростислав дернул рэпера за рукав.

– Валим отсюда!

– Сейчас, только угощу этих тварей напоследок!

Джей-Ти повесил дымящийся пулемет на шею, вытащил из кармана одну за другой пару гранат и по очереди бросил их в дыру прохода.

– Все, валим!!!

Два взрыва слились в один. Завизжали, рикошетя о стены, осколки. Клубы дыма, смешанного с пылью, выметнулись в тоннель.

– Надеюсь, это отобьет им охоту нападать на людей, – процедил сквозь зубы рэпер.

Бой закончился как-то внезапно. Еще секунду назад пауки были повсюду – и вдруг их не стало, только валялись на рельсах редкие омерзительные трупы со скрюченными волосатыми лапами. Многие подергивались, еле слышно урчали и скрежетали, то ли подыхая, то ли обмениваясь предсмертной информацией об опасных двуногих, влезших в тоннель.

– Потери? – вопросительно крикнул Гумилев, перезаряжая свой М4.

– Фэбээровцы сбежали, – тут же откликнулся Миллерс. – Я ранен. Тварь зацепила челюстями ногу.

– Держись, Антох, – ободряюще сказал Грищенко.

– Да я-то держусь… Только как бы вирус…

Если ты сразу не обезумел, стало быть, в тоннеле вируса нет или ты сопротивляешься. Иванова, сделай ему перевязку.

– Женой своей покомандуй, – огрызнулась Оксана, но послушно вытащила из кармашка разгрузки индивидуальный пакет.

– Не надо, – покачал головой Миллерс и отстранился. – Я сам. Там пустяки, царапина. Цапнул. Вот только яд… Они ж, суки, ядовитые?

– Пауки всякие бывают, – успокоил его Вессенберг. – Как и люди.

Притормозивший отряд собирался вокруг раненых, оглядывался, кто-то громко хлебал воду из фляжек.

– Что будем делать с фэбээровцами? – хищно поинтересовался Решетников. – Они могут дойти до станции. Там

Санич.

– Возвращаться все мы не можем. – Гумилев с чувством пнул дохлого паука и оглядел собравшихся вокруг него людей. – Придется разделиться… Хотя Санич отобьется. Оружия-то у них нет. Если они вообще не проскочат мимо, нужен он им…

– Тихо! – вдруг вскрикнул все так же сидящий на рельсе Штреллер. – Вы слышите? Они идут! Идут! Исчадия тьмы! Судный день… И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником – твердыни ее. И будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой. Там угнездится летучий змей. Будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою; там и коршуны будут собираться один к другому? [16]. И будет едом ужасом: всякий, проходящий мимо, изумится и посвищет, смотря на все язвы его. Как ниспровергнуты Содом и Гоморра и соседние города их, говорит Господь, так и там ни один человек не будет жить, и сын человеческий не остановится в нем? [17].

– Да замолчите вы! – досадливо рявкнул Решетников. – Хватит проповедовать!

Штреллер злобно посмотрел на Решетникова, но заткнулся, принявшись водить пальцем туда-сюда по рельсу.

– Ненавижу кликуш, – пожаловался Кириллыч неизвестно кому. – Поубивал бы…

– Я в самом деле что-то слышу. – Атика взяла Шибанова за руку. – Как будто волна накатывается на галечный пляж…

Все замерли. Из тоннеля приближался непонятный шум. Он становился все громче, и одновременно с ним стала наползать знакомая сонная одурь.

– Это пауки! – первым сообразил Грищенко.

– Мать твою! – Джей-Ти начал торопливо менять ленту в пулемете. – Как же я ненавижу пауков!

– Можно подумать, остальные их любят, – ворчливо произнес Решетников и тут же заорал: – Не спать, не спать! Индро Юльевич, идите в центр!

Вессенберг, о чем-то вполголоса говоривший со Штреллером, вскинул голову.

– Стойте! – крикнул он. – Не надо…

Его прервал дикий вопль, донесшийся из тоннеля. Он перекрыл все звуки, и в нем было столько ужаса, столько нечеловеческой тоски, что даже Джей-Ти скривился, будто и сам почувствовал эту боль.

– Огнемет! – указал на тубусы Решетников. – Грищенко,

Иванова, Миллерс!

Безопасники подхватили и разобрали прямоугольные пусковые контейнеры, изготавливая их к стрельбе.

– Да послушайте же! – взмолился Вессенберг, мечась от Гумилева к Решетникову и обратно. – Не надо! Будет только хуже!

– А-а-а-а!! – вновь донеслось из тоннеля.

– Свет! – скомандовал Решетников. – Больше света!

Шибанов, Атика, Мидори и Гумилев направили свои фонари в тоннель, разгоняя липкую темноту. Жуткий шелест усилился. Потом послышался топот, и в полосах света возникла человеческая фигура в защитном скафандре, но без шлема.

Луч фонаря выхватил оскаленный рот, выпученные глаза, бледные щеки.

– Не стреляйте в меня-а-а!! – завизжал человек. – Бегите!

– Это Ковальски, – меланхолично произнес Грищенко, вскидывая тубус реактивного огнемета на плечо. – Второго, видать, уже съели. Я готов.

– Я тоже, – подтвердил Миллерс.

– И я. – Иванова присела на одно колено и оглянулась.

– Приготовились! – скомандовал Решетников.

– Вон они! – пронзительно закричала Мидори, указывая рубиновым лучом целеуказателя в тоннель. – Волна!

Это и вправду была волна – несколько сотен гигантских пауков ползли по земле, по стенам, по потолку. Они приближались стремительно, настигая бегущего Ковальски.

– Падай, чува-ак! – Джей-Ти передернул затвор LSAT.

– Мы их не остановим! – растерянно пробормотал Вессенберг. – Не надо стрелять! Штреллер сказал…

– Помолчите, профессор! – оборвал его Гумилев. – Вы что, не видите…

– А-а-а-а!! – вновь истошно закричал Ковальски, чувствуя, что паучья орда настигает его. – Я не хочу…

Один из арахнидов резко прыгнул вперед и зацепился лапами за плечи агента ФБР.?Потрясенные люди увидели, как над бритым черепом Ковальски появилась мерзкая, бугристая голова паука. Кривые челюсти разомкнулись – и впились в темя, легко пронзив кости.

Фэбээровец захлебнулся криком и упал. Несколько тварей принялись сноровисто раздирать тело на части. Остальные пауки накрыли их и покатились дальше сплошной волной.

– Огонь! – заорали одновременно Гумилев, Решетников и Шибанов.

Огненные стрелы расчертили тьму, реактивные струи затрепетали в воздухе. Ракеты ушли навстречу орде арахнидов и

взорвались в самой гуще пауков, залив весь тоннель ослепительным пламенем.

Раскаленный воздух, смешанный с дымом, закрутился в спираль, поглощая тварей. Омерзительный запах гари ударил Шибанову в ноздри. Огненный смерч пронесся под потолком тоннеля, опалив лицо.

– На землю! – крикнул Ростислав и упал, увлекая за собой Атику.

Первый залп напрочь выжег авангард паучьей орды, но из глубины тоннеля ползли все новые и новые твари. Вновь взревели ракеты, а затем еще и еще! Пространство перед отрядом заволокло густым, едким дымом.

– Все, что ли? – растерянно спросил Вессенберг, но тут мгла зашевелилась, и уже не сотни, но десятки пауков бросились на людей, стремясь во что бы то ни стало добраться до вожделенной добычи.

Отшвырнув опустевшие тубусы, Грищенко, Иванова и Миллерс взялись за автоматы. Загрохотал пулемет Джей-Ти, затрещал «штайр» Атики. Шибанов поднял М4 и жал на спуск до тех пор, пока последний арахнид не замер без дви-

жения.

– Мы справились, чува-аки! – восторженно выкрикнул Джей-Ти. – Что, уроды, съели?! Мать вашу, съели? Не по зубам вам ниггер, а?

– Успокойся, Джей. – Мидори пихнула рэпера локтем. – Если бы не русские, тобой бы уже обедали…

– Теперь-то вы наконец послушаете меня? – Вессенберг подскочил к Гумилеву, заглянул в лицо. – Этот вид похож на увеличенную копию паука-терафозы. Терафозы – активные охотники, они нападают только на движущиеся объекты, понимаете? Если бы мы просто стояли…

– После драки кулаками не машут, – устало сказал тот, наблюдая, как черный дым растягивает по тоннелю. – Да и ставить такие эксперименты на себе большого желания нет. Надо идти. Кирилыч, командуй!

– Лобачевского понесут Вессенберг и Штреллер, – объявил Решетников. – Шибанов, выдели человека в передовую группу. Миллерс, пойдешь замыкающим вместе со мной. Все,

вперед.

– А ты, по ходу, счастливчик, чувак! – проходя мимо носилок со спящим Лобачевским, сказал ему Джей-Ти.

Они двинулись дальше, но теперь скорость продвижения отряда существенно снизилась. Люди были измотаны и

подавлены. Тошнотворный запах горелой органики, стоящий в тоннеле, действовал на нервы. Кроме того, практически сразу Штреллер, а за ним и Вессенберг начали жаловаться, что им тяжело и нужен привал.

– О привале забудьте! – жестко сказал эстонцу Гумилев. – Неужели вам не ясно, что здесь нельзя останавливаться? Кстати, ваш коллега не сказал, какие еще сюрпризы могут ожидать нас в здешних подземельях?

– Какой он мне коллега! – с ненавистью посмотрев в спину Штреллера, проворчал Вессенберг. – Псих чертов!

– Доктор, – обратился к Штреллеру Гумилев. – Вы меня слышите?

– Запретный плод сладок! – объявил тот, не оборачиваясь. – Вкусивший его навек отравлен. Мы вкусили – и теперь расплачиваемся. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца.

– А ну-ка, позволь мне, – Решетников резко остановился, вытянул вперед руку. – Поставьте носилки!

Штреллер с Вессенбергом послушно опустили Лобачевского на гравий. Полковник приблизился и вдруг влепил бородатому доктору сильную оплеуху.

– Смотреть в глаза! – громко заорал Решетников. – Отвечать быстро, четко! Откуда тут эти твари? Ну?!

– Исчадия тьмы… – забормотал Штреллер.

Вторая оплеуха бросила его на землю.

– Не надо… – вполне осмысленно сказал доктор. Из разбитого носа на бороду закапала кровь. – Я… Я болен…

– Отвечай на вопрос! – Решетников навис над Штреллером, сжав кулаки. – Какие еще существа тут водятся? Откуда они?

– Я… скажу, скажу… – закивал доктор. Он с трудом поднялся, запрокинул голову, чтобы унять кровь.

– Я жду! – напомнил о себе Решетников.

– Да, да… На борту инопланетных кораблей были… Формы жизни… Биологический материал… ферменты, гормоны… клеточные соединения с уникальными свойствами. Я не биолог, поймите! Это все дьявол! Это он наущал тех, кто принимал решения! Генералы…

– Да-а, чува-ак, – обратился к Шибанову Джей-Ти. – Если ваше Кей-Джи-Би всегда так работает, я понимаю, почему ты сбежал в Штаты.

– Можно подумать, ваши работают иначе, – огрызнулся Ростислав.

– Я знаю, что имелось четыре программы… Штурмовые киборги, универсальные охранники, диверсанты и еще что-то, связанное с выживанием… – бормотал Штреллер.

Гумилев поморщился – методы Решетникова его не устраивали, но для церемоний точно времени не имелось.

– Универсальные охранники – это пауки?

– Нет! Нет! То есть да-а… – слабо кивнул Штреллер. – Им вживляли железы, вырабатывающие гормон роста, и постоянно облучали, чтобы добиться устойчивой мутации. А потом, в восемьдесят пятом, кажется, эксперимент вышел из-под контроля…

– Мозги у вас вышли из-под контроля, причем у всех, – буркнул Вессенберг. – Нет, чтобы передать объекты нормальным ученым…

– Я не виноват! – тут же заверещал Штреллер. – Я вообще думал – это слухи, байки, ложная информация! А когда увидел этого… четырехрукое порождение тьмы…

Неожиданно, задрав бороду, доктор дико сверкнул глазами и простер руки над головой опешившего Решетникова. Голос его окреп и загремел:

– Тьму выпустили мы из многовекового заточения! Тьма явилась и ныне правит, пожирая людей, словно рыкающий лев безвинных агнцев. Дьявол пришел в мир! Свершилось великое пророчество святого Иоанна!

Гумилев подошел к Решетникову и положил руку на плечо:

– Такое ощущение, что он свихнулся сразу, как только его выпустили из заточения. Видимо, поперло все, о чем он думал эти два года…

– Да уж… – Решетников рассерженно сплюнул под ноги. – Грищенко! Подмени его. Двигаемся дальше.

– Расти, не нравятся мне эти истории про диверсантов, – сказал Шибанову Джей-Ти, тревожно всматриваясь во мрак. – Сейчас как выскочат какие-нибудь многолапые черепашки-ниндзя, мать твою, да как начнут кромсать нас на кусочки…

– У нас в России говорят: «Не зови беду по имени», – усмехнулся Шибанов. – А еще говорят: «Бог не выдаст – свинья не съест». Тебе, что ли, бояться каких-то черепашек, Джей?

– Ты, конечно, прав, чувак, но все равно… – Рэпер тоскливо огляделся. – Стремно-то как, а? Даже на кресте мне не было настолько стремно…

Тоннель начал плавно поворачивать. Если бы они сидели внутри движущегося вагона, то вряд ли бы это заметили, а сейчас все было видно отчетливо: мягкий поворот, рельсы, уходящие в

невидимое.

На стене были нарисованы через трафарет большие красные цифры «012». Отряд миновал несколько запертых дверей (они попадались систематически, но ни у кого не возникало даже мысли сходить и посмотреть, что же там за ними), каких-то ниш с металлическими ящиками, набитыми аппаратурой, и вышел к развилке. Рельсы здесь раздваивались. Из нового тоннеля, в который убегала дополнительная пара, тянуло холодом.

– Это зачем? – удивился Джей-Ти. – И куда нам дальше? Я все чаще начинаю думать, что следовало остаться наверху. У нашего долбанутого проповедника там полно жратвы, бухла и даже фильмы на дисках имеются.

– Скорее всего, здесь начинается объездной путь, – объяснил Решетников. – Чтобы встречные поезда могли разъезжаться. Эта дорога… – он махнул в сторону бокового тоннеля, -

делает дугу и вновь соединяется с основной где-нибудь там, впереди. По крайней мере в гражданском метро все устроено именно так.

– Привал пять минут! – скомандовал Гумилев, понимая, что отряду нужно обдумать происходящее, и первым уселся на рельсы.

Повторять дважды не пришлось никому. Люди расселись прямо на рельсах, затрещали оболочки вскрываемых армейских сухпайков.

– Правильно я не пошел в армию, – прокомментировал Джей-Ти, громко чавкая. – Жратва у них дерьмовая.

– Антон, – окликнул Гумилев Миллерса. – Как твоя нога?

– Терпимо, Андрей Львович. – Бывший десантник отложил пакет с сухим пайком, закатал рваную штанину скафандра. – Чешется, правда, зараза. И распухла. Но антидот действует, у меня даже температура не поднялась. Меня другое беспокоит…

– Что?

– Вирус. Считайте, я уже заражен. Сколько мне осталось?

– Ты не думай об этом, – подбодрил Миллерса Гумилев. – Вирус обычно действовал почти моментально. В любом случае ты продержался довольно долго – даже если он мутировал или выдохся… Давай, поешь. Мы успеем. Все будет хорошо.

– Ваши бы слова – да Богу в уши… – вздохнул Миллерс, шурша оберткой НЗ. – Тьфу ты, – скривился он через секунду. – И здесь невезуха. Рис по-креольски с овощами – я что, веган?

– А у меня… – сидящая поодаль Мидори наморщила лоб, читая этикетку. – Та-ак… «Говяжья вырезка, крендельки с сыром, мягкий сыр, пшеничный хлеб, соус барбекю, лимонад, острый соус, чай с лимоном». Джей, а у тебя что?

– Собачье дерьмо! – разочаровано выпятил губу рэпер. – «Курятина с тайским соусом, отварной рис, мягкий сыр с перцем халапеньо, овощные крекеры, изюмно-ореховая смесь, кофе с ванильно-фруктовым ароматом, острый соус, сахар, сухое молоко, чай в пакетике». Ненавижу курятину!

– Меняемся. – Атика протянула ему свой паек. – Тут «Пирожок с бобами и рисом, кекс, печенье с фруктовой начинкой, сухофрукты, арахисовое масло, крекеры, острый соус и пикантный соус»? [18].

– Вот это настоящая еда для черных парней! – одобрил Джей-Ти. – Арахисовое масло, да я бы им гадил, если бы мог!

Некоторое время все были заняты поглощением пищи. По тоннелю плыл сладковатый запах карбида, с помощью которого разогревались пайки.

***

– Андрей Львович! – вдруг сказал Грищенко, откладывая пластиковую ложку. – Рельсы поют!

– Что?

– Рельсы! Вот эти, новые. Что-то едет!

Отряд мгновенно рассыпался вдоль путей. Все залегли, защелкали затворы автоматов, лучи фонарей высветили рельсы, уходящие во второй тоннель. Шибанов прикидывал, достаточно ли расстояние от стенки тоннеля до рельсов, не затащит ли под колеса аэродинамическая струя… А что делать-то? Бежать в развилку? Так непонятно же, откуда именно едет!

Послышался приближающийся гул, шум колес, и из темноты выкатилось приземистое сооружение, похожее на небольшой броневик, установленный на железнодорожную тележку. Вместо башенки конструкцию венчал аппарат, напоминающий уличный светофор.

– Это что за хрень? – громогласно спросил Джей-Ти.

Ему никто не ответил.

Тележка докатилась до развилки и остановилась. С тихим гудением «светофор» поднялся вверх, развернулся. Вспыхнул мощный прожектор.

– Андрей Львович, – приподняв голову, позвал Гумилева Решетников. – Похоже, это какая-то следящая система. Или…

Договорить он не успел – из «светофора» выдвинулся черный граненый блок, укрытый небольшим козырьком. Отчетливо

щелкнула опустившаяся заглушка.

– Это SGR-1, – упавшим голосом сообщила Иванова. – Боевой робот!

– Робот? – удивился Гумилев. – Тогда он не опасен. Эту штуку создали явно до Армагеддона. Согласно международным договорам, решение об открытии огня подобными аппаратами принимает оператор. Но на базе нет людей – персонал погиб. Сейчас компьютер робота определяет цели и посылает запрос на дальнейшие действия. Ответа, как вы понимаете, он не дождется. Можно подниматься. Кстати, неплохо было бы попытаться использовать тележку как средство передвижения. У нее явно автономное питание…

Произнося последнюю фразу, Андрей встал, закинул автомат за спину и шагнул к роботу. Луч прожектора немедленно высветил его высокую фигуру. Внутри «светофора» что-то прошелестело, на одной из консолей вспыхнул алый огонек…

– Ложись! – не своим голосом заорал Шибанов.

Он ничего не понимал в международных договорах, но обострившееся за два года скитаний по Закрытой Территории чутье подсказало ему – сейчас будет жарко.

Пулемет, спрятанный внутри граненого блока робота, оглушительно загрохотал. На рельсы посыпались, звеня, стреляные гильзы. Первая очередь прошла над головой Гумилева, гулко ударив в стену тоннеля.

– Ложись!! Это предупредительная была! – снова крикнул Ростислав.

Гумилев застыл на месте, словно не веря в то, что машина, не управляемая человеком, может причинить ему вред. Чья-то серая тень метнулась вдоль тоннеля. Джей-Ти начал стрелять, однако попасть в SGR-1 ему мешала закругляющаяся стена тоннеля.

Робот дал вторую очередь, и она, без сомнений, стала бы роковой для Андрея, но серая тень обернулась Антоном Миллерсом и прикрыла собой Гумилева.

Крупнокалиберные пули ударили в грудь десантника, швырнули его на Андрея, и они оба рухнули на рельсы. Подоспевшие Грищенко и Иванова с двух сторон расстреляли глазки «светофора», ослепив робота, а Решетников довершил дело выстрелом из подствольного гранатомета. Единственная имевшаяся в распоряжении отряда граната ударила в основание защищенного бронечехлом пулемета и повредила механизм наводки. Съехав на сторону, пулемет продолжил стрельбу и целых семь минут бестолково долбил в бетонную стену, выбив в ней здоровенную дыру.

– Антон! Антон!! – тряс Миллерса Гумилев. Бронежилет,

надетый поверх скафандра, вроде бы выдержал удары пуль, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что вся грудь Миллерса представляет собой сплошное кровавое месиво.

– Я все равно не жилец… Вирус… – прошептал Миллерс.

Изо рта Миллерса хлынула кровь, он захрипел, выгнулся -

и умер.

– Да что это за хрень такая?! – Джей-Ти подскочил к бронетележке и врезал ногой по колесу. Ушиб ногу, запрыгал по шпалам, отчаянно чертыхаясь.

Иванова подобрала горячую гильзу и посмотрела маркировку.

– Так и есть, – глухо сказала она. – Боевой робот SGR-1, разработан корпорацией «Самсунг». Такие стояли на границе между Северной и Южной Кореей. Оснащен видеокамерами, датчиками движения, лазерными дальномерами и активными приборами ночного видения на основе инфракрасных тепловизоров. Вся эта аппаратура позволяет обнаруживать нарушителей границы на расстоянии до двух миль…

– Типа «Итера», который ты перепрограммировала, – сплюнул Решетников. Лицо его было совершенно белым.

Иванова отшвырнула гильзу в сторону, она ударилась о стену и зарылась в гравий.

– Мать твою, и это дерьмо убивает людей? – удивился Джей-Ти. -

А я думал, «Самсунг» – это только телики и телефоны…

– Робот SGR-1 комплектуется пулеметом «Дэу-К3» калибра 7.62, – бесстрастно продолжила Иванова. – Копия бельгийского FN Minimi.

– Вижу, до хрена ты всего знаешь, – сердито произнес Джей-Ти.

– Андрей Львович, отпустите. – Грищенко попытался разжать руки Гумилева, все еще сжимавшие мертвое тело Миллерса. – Отпустите его.

– Что? – Гумилев словно очнулся, обвел отряд тяжелым взглядом. – Антона надо похоронить.

– Здесь – негде, – сказал Шибанов. – Возьмем с собой. Если сможем разобрать эту гробину!

Ослепленного, расстрелявшего все патроны робота разбирали минут двадцать. Своротив боевую часть, тот самый «светофор», Грищенко с Решетниковым и Вессенбергом повредили органы управления, и аппарат обесточился.

– Теперь это просто тележка. – Джей-Ти снова сплюнул.

– Катафалк, – подал голос Штреллер.

Ему никто не ответил.

Тело Миллерса водрузили на броню, рядом укрепили

носилки с Лобачевским и покатили по рельсам к развилке. Скорбное шествие возглавляли Грищенко и Иванова, Шибанов с Вессенбергом и Гумилевым катили тележку, Джей-Ти, Решетников и девушки прикрывали отряд с тыла. Штреллер маячил в стороне, привычно бормоча себе под нос: «И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой!» На доктора никто не обращал внимания.

– Почему он начал стрелять? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Гумилев. – Я изучал материалы по подобным системам, когда нашей корпорации предложили разработать для них искусственный интеллект. Они предназначены в первую очередь для обнаружения целей. Решение об открытии огня всегда принимает человек. Этого робота кто-то перепрограммировал! Но кто?

– Дьявол, явившийся из бездны, – хихикнул Штреллер.

– Боюсь, тут не обошлось без нашего забинтованного друга, – буркнул Джей-Ти.

– Стойте, – поднял вдруг руку Решетников. – Носилки!

– Что не так? – не понял Гумилев.

– Нельзя живого человека везти вперед ногами. Примета плохая. А Лобачевский жив…

– К черту приметы! – разозлился Андрей. – Тут все – одна сплошная плохая примета. Вперед!

Глава шестая

Сквозь страх

Я не могу слышать вас, потому что не вижу.
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Тоннель начал ощутимо уходить вниз. Идти стало трудно, а тележку теперь пришлось не катить, а придерживать, чтобы она не уехала вперед, в тревожную тьму подземелья. Поезду хорошо, поезд ехал тут, притормаживая… Интересно, подумал Шибанов, зачем так? Может, сверху залегает скальная порода, и ее проще было обойти снизу, чем продолбить? Теперь уже не разобраться…

Тишина, схлынувшее напряжение после битвы с пауками и столкновения с роботом-пулеметом, мрак и полная неизвестность впереди вымотали людей. Вессенберг еле стоял на ногах, Мидори с трудом плелась, ухватившись за ремень Джей-Ти. Атика не жаловалась, но Шибанов давно забрал у нее рюкзак и разгрузочный жилет, набитый запасными обоймами к «Штайру» и медикаментами.

Безопасники из группы Гумилева чувствовали себя увереннее других – сказывалась подготовка, – но и сам Андрей Львович держался так, словно был опытным спецназовцем.

Один раз, когда Ростислав оказался рядом с Гумилевым, тот внимательно посмотрел ему в глаза, но ничего не сказал. Однако спустя несколько минут он все же решился начать разговор.

– Скажите, Шибанов… – Гумилев замялся. – Нет, не то… Давайте начистоту: у вас есть предмет, так?

Ростислав дернул уголком рта, но ничего не ответил.

– Я не буду допытываться, что это за фигурка и какими свойствами обладает, – махнул рукой Гумилев. – Намекните только: она помогает вам? Нам сейчас очень желательна помощь. Боюсь, еще одного местного сюрприза мы можем и не пережить…

Шибанов хотел ответить – мол, да, конечно, помогает, но вовремя прикусил язык. Дело в том, что Скорпион будто бы умер, если только этот глагол можно применить в отношении металлического предмета. Фигурка не помогала, не мешала… Это было странно. Но заставить Скорпиона что-то делать Ростислав не мог. Не умел.

– Сумасшедший доктор говорил что-то о диверсантах,

которых пытались вывести в лабораториях базы, – сменил он тему. – Нам надо усилить бдительность.

– Спасибо за совет, – серьезно кивнул Гумилев. – Но вы не ответили на вопрос.

– И не отвечу. Если вы в курсе относительно фигурок, то должны понимать, что это очень личное.

– Вы даже не представляете, Ростислав, насколько я в курсе, – очень серьезно сказал Гумилев. – Но я так понимаю, что ваш предмет бесполезен…

– Он молчит, – неожиданно для себя процедил сквозь зубы Шибанов. – Молчит, хотя мог бы помочь. Вот, смотрите…

И вытащив Скорпиона из чехла, Ростислав продемонстрировал его Гумилеву на раскрытой ладони. В свете фонаря предмет выглядел странно, даже пугающе – фигурка словно бы ожила, по металлическим лапкам скорпиона скользили блики, клешни сжимались и разжимались, трепетало жало на хвосте…

– Это добрый предмет, – уверенно сказал Гумилев.

– Вы откуда знаете? – Шибанов убрал Скорпиона. – Вообще-то в мифологии это существо относится скорее к темным силам.

– Это добрый предмет, – повторил Гумилев. – Я чувствую.

– Товарищ полковник! – позвал Решетникова Грищенко. – Тут на стене что-то типа семафора.

– Впереди станция, – внимательно рассмотрев укрепленный на кронштейне блок с двумя светодиодными глазками, сказал Решетников. – Машинист поезда получает сигнал – свободен путь или занят. На всякий случай приготовимся к бою. Мало ли что…

Олег Санич расположился в диспетчерской с максимальным комфортом. Пятилитровая пластиковая бутыль с водой, несколько упаковок печенья, консервы, галеты – хватит, чтобы не голодать несколько дней. Рядом на стол он положил гранаты, заряженную штурмовую винтовку и ручной гранатомет ММ-1 револьверного типа. В замкнутых помещениях это было страшное оружие. Обладающий им человек мог сдержать целый взвод, если не роту.

Усевшись на вертящийся стул, Санич вытянул искалеченную ногу, утвердив ее на тумбочке. Прямо перед ним находилась распахнутая дверь, ведущая на платформу. Через дверной проем он мог обозревать всю станцию. Вначале Олег хотел запереть дверь, но тогда неизвестный враг смог бы подобраться совсем близко, оставаясь незамеченным.

– Ловушка, – вслух произнес Санич. – Не-ет, господа хорошие, нам такой хоккей не нужен.

Начальник службы безопасности корпорации Гумилева бодрился, но на душе у него скребли кошки. Полученное повреждение коленного сустава привело к тому, что шеф ушел в трудный и опасный поход с другими людьми. Санич знал – он никогда себе не простит, если с Андреем что-то случится.

В древней Японии самурай, не сумевший сберечь в бою своего господина, совершал сеппуку. Олег в свое время внимательно

изучил бусидо и в жизни старался придерживаться простых и суровых правил этого кодекса. Поэтому по правую руку от себя, рядом с потухшим дисплеем, он положил тяжелый пистолет «кунан» калибра 357 под патрон «магнум».

«Если с шефом что-то случится… – покосившись на пистолет, подумал Санич. – Но прежде я обязан включить питание. Да уж, хуже нет, чем ждать и догонять».

Секунды тянулись невыносимо медленно. Они складывались в еще более тоскливые минуты. Закрытые матовыми панелями лампы дневного света под потолком диспетчерской тихонько гудели, и в царившей на станции тишине это гудение сводило Олега с ума.

Пустая станция, темный тоннель… А ведь совсем рядом находится гигантская база: коридоры, залы, лаборатории, ангары. Олег вспомнил о грудах мертвых тел, найденных группой в подземельях базы, и перед глазами встали оскаленные лица мумифицированных трупов. Взвинченный мозг немедленно провел аналогии, и из глубин памяти всплыли кадры виденных когда-то фильмов ужасов про оживших мертвецов.

– Бред! – Олег рассмеялся.

Смех подействовал отрезвляюще. Санич вспомнил один из неписаных законов спецуры: «Еда успокаивает. Сытый боец адекватно воспринимает реальность».

Вскрыв банку консервированной ветчины, Санич соорудил себе трехэтажный бутерброд, отсалютовал им своему отражению в темной поверхности дисплея и принялся за еду.

Он не успел съесть и половину, когда из тоннельного мрака выкатился заунывный, полный невыразимой муки стон. Отложив бутерброд, Санич схватил штурмовую винтовку М4, упер раздвижной приклад в плечо и прицелился в темный зев, готовясь в любую секунду открыть огонь.

Стон повторился. Олег закусил губу, постарался выровнять дыхание. Тьма колыхнулась, словно живая, и сквозь нее проступил неясный силуэт. Кто-то – или что-то? – медленно полз по рельсам, с трудом передвигая лапы…

Или руки?

«Стрелять сразу?» – подумал Санич и удивился этой мысли.

Он был профессионалом, много лет проработал в системе и в подобных ситуациях действовал на рефлексах.

Существо медленно выползало из тоннеля. Олег медлил, нервно поглаживая указательным пальцем спусковой крючок.

– У-у-у-у… – простонало существо и без сил опустилось на землю, не дотянув до светового пятна от крайнего фонаря каких-нибудь полметра.

– Зараза! – выругался Санич, опуская ствол М4. – Эй!! Вы кто? Вам нужна помощь?

Он кричал громко, но его явно не слышали. Существо то ли потеряло сознание, то ли не понимало человеческую речь, то ли вовсе умерло.

– Надо идти, – сказал себе Олег, отложил автомат и двумя руками снял изувеченную ногу с тумбочки. – Надо идти, прах тебя побери…

Он поднялся, неловко двигая перемотанной скотчем ногой, заковылял к двери. На пороге оглянулся, подумал, вернулся и прибавил к висящей на шее М4 еще и тяжелый гранатомет, прокомментировав свое решение фразой:

– Береженого бог бережет!

Шаги Санича гулко раскатывались по станции. Доковыляв до края платформы, он посмотрел на неподвижно лежащее метрах в пяти существо и снова окликнул его:

– Эй! Вы слышите меня? Что с вами?

Серое пятно пошевелилось. Олег теперь ясно видел, что это человек. Одежда на нем превратилась в лохмотья, на плечах и спине темнели пятна крови.

– Мать твою…

– У-у-у…

Приподнявшись, человек повернул к Саничу чудовищно изуродованное лицо, но Олег все же узнал его. Перед ним был агент ФБР Буч Маккормик, один из ушедших вместе с Гумилевым в тоннель людей…

***

Промежуточная станция располагалась в огромной каверне естественного происхождения. Рельсы шли вдоль выровненной стены и метров через сто исчезали в тоннеле. Справа возвышался перрон, за ним виднелась сложенная из бетонных блоков стена с железной дверью, снабженной штурвальным запором. По обе

стороны от двери располагались амбразуры для ведения огня. Пещера простиралась вправо, и своды ее, украшенные сталактитами, терялись во мраке. Лучи фонарей не добивали до дальней стены.

– Тоннель впереди перекрыт выдвижной балкой. Это что-то типа автоматического шлагбаума, – сказал Грищенко, ходивший на разведку.

– Мы не сможем провезти через него тележку, – всматриваясь в сумрак, покачал головой Решетников. – Как убрать эту штуку?

– Скорее всего, убирает ее пульт управления, который находится на станции.

– Логично, – полковник оглядел группу и скомандовал: – Иванова! Грищенко! Проверить помещение. Шибанов, Джей-Ти – прикройте их.

– Вы Ивановой так доверяете? – тихо спросил Гумилев, когда Оксана ушла вслед за майором.

– А что с ней делать? Мы сейчас все в одной лодке.

Андрей задумчиво кивнул. В самом деле, поспешное бегство федеральных агентов явно не провоцировало Иванову бросить группу и уйти в темноту.

Четверка бойцов отправилась к перрону. Атика подошла к опершейся на тележку Мидори, хотела что-то сказать, но японка посмотрела на нее такими усталыми глазами, что девушка предпочла промолчать.

Гумилев внимательно следил за разведчиками. Постоянное чувство опасности, ставшее уже привычным за время странствий по тоннелю, сейчас словно вспыхнуло с новой силой. Стиснув рукоять автомата, Андрей скрипел зубами.

Он откуда-то знал – ничего не закончилось. Это проклятое подземелье еще не насытилось, оно жаждет крови. И вот-вот получит ее.

Бледная тень возникла у края перрона словно бы из ниоткуда. Андрей зашипел, прицелился. Он не разглядел, кто заступил дорогу разведгруппе, но сразу сообразил, что это враг.

Отчаянный женский крик, долетевший до оставшихся людей, заставил всех вздрогнуть. Сразу следом за ним загрохотал пулемет Джей-Ти, залаяли автоматы Шибанова и Грищенко. Крик перешел в вой.

– Не стреляй! – Решетников ударил ладонью по стволу гумилевского М4. – Зацепишь.

Пальба стихла. Группа возвращалась. Трое тащили одного.

– Иванова! – крикнул Вессенберг. – Ранена?

Женщина уже не выла – хрипела и странно, жутко булькала, словно пыталась напиться, но сжатое горло выталкивало воду.

– Хуже, – ответил из темноты Грищенко. – Обезболивающее, быстро!

Вессенберг достал индивидуальную аптечку, дрожащими пальцами выковырял из ячейки шприц-тюбик.

Дотащив раненую до тележки, Шибанов и Грищенко опустили ее на гравий.

– Что с ней? – попытался выяснить профессор, но набежавший Джей-Ти толкнул его в плечо и рявкнул:

– Коли! Быстрее!

Гумилев подошел ближе, склонился над Ивановой – и тут же отшатнулся.

У Оксаны не было лица. Совсем. Вместо него Андрей увидел пузырящееся кровавое месиво, из которого проступали сахарно-белые челюстные кости черепа. Вытекший шарик глаза висел на ниточке нерва, кожа на висках растрескалась и сползала к ушам неопрятными лохмотьями.

Вессенберг воткнул шприц-тюбик в бедро женщины. Иванова вдруг начала отчаянно колотить ногами по рельсам, вскинула руки, точно хотела схватить кого-то.

– Агония, – прошептал профессор.

– К-кислота… – заикаясь, сказал Шибанов. – Они плюются кислотой…

– Кто – «они»? – нахмурился Решетников.

– Призраки. Бледные призраки. Мы видели троих. Иванова шла первой и сразу получила заряд в лицо. Джей, кажется, срезал одного…

– Я точно попал, чувак! – подтвердил рэпер, отрываясь от фляжки. Вода стекала по его небритому подбородку. – Все брюхо ему разворотил, мать твою!

Иванова перестала дергаться, обмякла, вытянулась. Мидори вдруг громко, навзрыд, заплакала.

– Не надо скулить, сестра, – грубо утешил ее Джей-Ти. – Тут и без тебя сыро.

– Вот и карающий меч, – пробормотал Решетников.

– Какой еще меч?! – недоуменно спросил Гумилев.

– Который на гербе у нас, – отрубил Решетников и отошел прочь.

Санич стоял у края платформы и смотрел сверху вниз на умирающего Буча. С поврежденной ногой он даже не мог спуститься и облегчить страдания раненого уколом проме-

дола.

Фэбээровец стонал, не переставая, и все пытался отползти как можно дальше от темной впадины тоннеля, словно даже в

полубессознательном состоянии боялся чего-то, что может появиться оттуда.

Все его тело покрывали рваные раны, распухший лоб пересекал глубокий порез, одна щека была разодрана, и сквозь дыру виднелись окровавленные зубы.

– Убей меня! – вдруг очень внятно и четко выкрикнул Буч и закашлялся, брызгая кровью на рельсы.

Санич попятился, инстинктивно выставив толстый ствол ММ-1. Стрелять с такого расстояния из гранатомета было настоящим самоубийством – Олега посекло бы осколками. Собственно, он и не собирался, просто последняя просьба фэбээровца застала Санича врасплох.

Непонятный шум, похожий на звуки морского прибоя, выкатился из тоннеля и затопил станцию. Олег побледнел. То, что до смерти изувечило Буча, теперь надвигалось на него, и Санич почувствовал, как у него взмокла спина, а руки сделались ледяными, словно он находился на сильном морозе без перчаток.

Нет ничего страшнее неизвестности, это аксиома. Но куда больший ужас у человека вызывает неизвестность, уже забравшая чью-то жизнь. Замершее на рельсах тело несчастного Буча красноречиво намекало Саничу о той участи, которая его ожидает.

Шум усилился. Олегу показалось, что он различает в нем отдельные щелкающие звуки. Выругавшись, Санич бросился назад по платформе, далеко выбрасывая вперед негнущуюся ногу и в такт шагам размахивая тяжелым гранатометом. Доковыляв до распахнутой двери диспетчерской, он обернулся и непроизвольно вскрикнул, увидев, как из тоннеля выплеснулась темная волна, сплошь состоящая из членистых лап, мохнатых тел и кривых челюстей.

Ввалившись в комнату, Санич захлопнул дверь, сделанную из легкого металла, и заклинил ручку замка одним из валявшихся рядом стульев. Переведя дух, он с тревогой посмотрел на небольшое окно в двери, закрытое матовым армированным стеклом. Это окно было самым слабым звеном его обороны. Если то, что выползло из тоннеля, – Олег все никак не мог сформулировать для себя, что это, – так вот, если оно сумеет разбить толстое, но отнюдь не бронированное стекло…

– Надеюсь, Гумилев жив… – неуверенно сказал Санич и рухнул в кресло у пульта. – Скоро они дойдут до поезда и дадут сигнал. Я включу…

Дверь затряслась, на нее посыпались беспорядочные удары. За стеклом мелькнула неясная тень, потом еще одна, и вдруг что-то сильно ударило в окно.

– Зараза! – с чувством произнес Санич, глядя на паутину трещин, разбежавшихся по стеклу. Отложив гранатомет, он взялся за М4. Замысел Олега был прост – когда то, что хочет добраться до него, разобьет окно, выстрелами из штурмовой винтовки очистить проем от остатков стекла, а потом выпалить в окно из ММ-1. И если понадобится, сделать это несколько раз.

– Только попробуй сунуться сюда… – шептал он, следя за тем, как в стекло долбят и долбят то ли палками, то ли лапами. – Только попробуй…

Тело Ивановой погрузили на тележку рядом с Миллерсом и Лобачевским.

– Скоро мест не останется, – тихо пробормотал Грищенко.

– Не каркай! – оборвал его Решетников и повернулся к сидящему Штреллеру, раскачивающемуся из стороны в сторону. – Эта сволочь могла бы и предупредить, что в тоннелях еще полно всякой нечисти.

– Мы могли догадаться и сами. – Шибанов отстегнул магазин М4 и принялся набивать его патронами. – Створы на станции, системы слежения, самоходный робот-убийца… Да и доктор вел себя более чем подозрительно, а мы не обратили внимания.

– Кончилось время креста! – вдруг громко и отчетливо произнес Штреллер. – Иная сила будет властвовать над миром!

– Как не погнулись – о горе! – как не покинули мест кресты на Казанском соборе и на Исаакии крест? [19]… – мрачно продекламировал Решетников.

– Тени, кресты и могилы скрылись в загадочной мгле, свет воскресающей силы властно царит на земле? [20], – добавил Шибанов.

Полковник удивленно посмотрел на него.

– Что? Не ожидали, что хоккеист знает стихи Николая Гумилева? – Шибанов вставил последний патрон в магазин и со щелчком вогнал плоскую коробку в автомат. – Тогда алаверды – услышать такое от офицера безопасности для меня тоже было откровением.

Решетников засопел, потом неожиданно улыбнулся.

– Обидеть друг друга у нас не получилось.

– Это точно. А скажите… Давно хотел спросить, но все как-то… Ваш начальник, он родственник тому Гумилеву или просто однофамилец?

– Родственник, – кивнул Решетников. – То ли внук, то ли правнук…

Он понизил голос, оглянулся, бросил косой взгляд на Гумилева, который, прильнув к биноклю, разглядывал

противоположный край пещеры, и неожиданно быстро спросил:

– Кстати, Ростислав, что вы знаете о предметах?

– О каких… – начал было Шибанов и тут же сообразил, о чем спрашивает его Решетников. – Что знаю? Да ничего практически не знаю. Мой Скорпион, он… он как бы предупреждает меня об опасности. Иногда подсказывает, чего не надо делать. Вы сказали «о предметах»… Их что, много?

– Гораздо больше, чем вы можете себе представить, – загадочно ответил Решетников. – И они – лишь часть непонятной нам пока системы, в которую входят аномальные зоны, разбросанные по всей земле, линзы переходов, позволяющие перемещаться в пространстве и во времени…

– И кто все это создал?

– Мы не знаем, – вздохнул полковник. – Мало того, возможно, все это существует отдельно одно от другого, и предметы не связаны с теми же линзами. Просто есть существа… Когда вы сказали, что встретили «бледных призраков», я сперва решил, что это они и есть. Прозрачные…

– Прозрачные? Почему вы их так называете?

– Ну… – Решетников замялся. – Они реально имеют прозрачную кожу. Никогда не прибегают к насилию, это важный момент! Тем не менее прозрачные всегда появляются там, где люди используют силу предметов. Знаете, кстати, как их называли оккультисты Третьего рейха?

– Ну вот это профессиональному хоккеисту точно не может быть известно, – криво улыбнулся Шибанов.

– Высшие Неизвестные! – торжественно провозгласил Решетников. – Их считали истинными властелинами мира. Теория полой Земли предполагала…

– Кирилыч, – прервал его тираду подошедший Гумилев. – Что у тебя тут за лекция? Надо двигаться. Время работает против нас.

– Времени нет! – визгливо заорал неожиданно подкравшийся Штреллер. – Пространства нет! Ничего нет! Только смерть, смерть!

– Вот же козел! – как-то очень по-детски выругался Решетников и замахнулся на безумного доктора прикладом. – Заткнись, сволочь!

– Это мутанты, – вдруг вполне осмысленно произнес Штреллер, сделав несколько шагов назад. – Они почти разумны – за основу брались мужские и женские особи орангутангов. Клеточная структура слюнных желез и слизистой оболочки во рту изменена искусственно. Кислота, которой они плюются, по составу напоминает царскую водку. К сожалению, во время формирования этого аппарата перерождение затронуло

щитовидную железу и костный мозг позвоночника. Начались мутации. Они привели к закреплению некоторых изменений в подопытных организмах. Колония этих существ под строгим контролем жила в изолированных пещерах. Их кормили, исследовали, им оказывали медицинскую помощь. А потом, когда все началось, была отправлена специальная команда, чтобы уничтожить мутантов.

Штреллер замолчал, затравленно вращая глазами.

– Я так понимаю, никто из этой команды не вернулся? – спросил Решетников.

– Их забрал дьявол! – знакомым, взвизгивающим тенором выкрикнул доктор. – Забрал прямо в ад! В ад!! Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут!

– Просветления случаются у него все реже. – Гумилев с грустью посмотрел на Штреллера. – Но для специалиста по космическим системам он поразительно хорошо осведомлен о секретных экспериментах, проводимых в Зоне 51.

– Вполне может быть, что этот доктор Захария Штреллер вовсе не тот, за кого себя выдает. – Решетников тоже внимательно посмотрел на безумца. – Я бы его связал от греха.

– А я бы греха на душу не взял, – отрезал Гумилев. – Мало ли что. Удирать придется, и как он тогда, связанный?

– Вот именно – мало ли, – проворчал Решетников, но спорить не стал. – А насчет Ивановой… Она, конечно, заслужила наказание, но не такое. Так что про карающий меч я слегка загнул. Ну, судили бы ее, сколько там нынче дают за такие дела?

– Теперь уже некого судить, Кирилыч. Замяли, как говорится. Родным, если выберемся, выплатим все, что следует по нашим внутренним правилам, ничего озвучивать не станем – погибла в ходе выполнения задания.

– Правильно, Андрей Львович. Это справедливо, – кивнул полковник.

Оставив у тележки с раненым Лобачевским Вессенберга и Мидори – девушка наотрез отказалась идти на рандеву с плюющимися кислотой мутантами, – отряд двумя группами выдвинулся к станции.

Буквально в нескольких метрах тоннель расширялся вправо, открывая вход в огромную пещеру с подземным озером. Сразу же за входом пол пещеры резко обрывался вниз, а потолок поднимался вверх, образуя огромный зал, наполненный водяной

пылью. Само озеро оказалось удивительно большим, над дальним его краем со свода пещеры спускались известняковые сталактиты, похожие на окаменевший водопад. Куда-то под этот каменный водопад и уходила водная спокойная гладь. Свет фонарей не позволял осветить весь зал. Но все же было заметно, что потолок здесь очень неровен и неустойчив. Прямо над головами, грозя упасть, нависали огромные глыбы. Кое-где они уже упали и лежали, частично засыпанные песком, так что почти все пространство между рельсами и берегом подземного озера оказалось завалено камнями. Над грудами валунов то там, то здесь возвышались исполинские глыбы. Они серьезно осложняли продвижение – терялся визуальный

контакт.

От озера веяло мертвой прохладой. В таких водоемах редко кто живет – разве что слепые рыбы да жуки, кое-какие микроорганизмы, рачки… Гумилев сразу вспомнил толкиеновского «Властелина Колец», одну из любимых в юности книг. Тот момент, когда отряд Хранителей находился у Врат Мории и из озера вылез Глубинный Страж. Андрей остановился и прислушался – не булькнет ли кто-нибудь в ледяной воде? Никто не булькал, и скользкие щупальца не лезли из глубины на берег. Покачав головой, Гумилев пошел дальше.

Шибанов, вместе с Атикой и Джей-Ти двигавшийся вдоль берега, едва успел подумать, что бледные мутанты вполне могли бы устроить засаду на подступах к станции, чтобы покончить с вторгшимися в их владения людьми одним махом, как в воздухе что-то прошелестело. Раздался мокрый шлепок, и на глыбе песчаника рядом с головой Ростислава возникло пенящееся от химической реакции пятно.

– Осторожно! – крикнул Шибанов, предупреждая остальных и шаря прижатым к стволу М4 фонарем по камням. – Они здесь!

Бум! Бум! Бум!

Тот, кто пытался выбить армированное стекло в двери, явно не отличался высоким интеллектом, зато был очень настойчив. Санич, не спуская глаз с выгнувшегося мутного прямоугольника, покрытого трещинами, на ощупь нашел на столе бутыль с водой, открутил плоскую крышечку и сделал пару глотков.

«Стекло уже почти выбито, – отметил про себя Санич. – Скоро все и случится. Где же сигнал? Неужели они еще не дошли?»

Олег вспомнил, как в свою бытность курсантом училища погранвойск он получил три наряда вне очереди за то, что уснул на тумбочке. Майор Грабовец, перед строем объявляя о

наказании, не мог удержаться от ехидства:

– Стоя у нас спят кони, верблюды – и курсант Санич.

Кличка «Верблюд» с той поры прилепилась к Олегу намертво. Он не обижался, полагая, что обида вызовет у острословов еще более яркую реакцию и желание подтрунивать над ним. Да и животное, в общем-то, неплохое – сильное, выносливое, умное. Не опоссум какой-нибудь, прости господи.

Не то чтобы Олег Санич имел что-то против опоссумов. Он вообще хорошо относился к братьям нашим меньшим. И лишь одно-единственное существо, обитавшее на земле, вызывало у него отвращение, смешанное с иррациональным страхом.

Одно-единственное.

Олег Санич с детства ненавидел и боялся пауков.

Плюющиеся смертельно опасной жидкостью твари засели за стеной. Время от времени бледные морды мутантов возникали в проемах амбразур и в сторону залегших за камнями людей летели чуть светящиеся в полумраке струи кислоты.

Там, куда они попадали, песчаник начинал шипеть и дымиться. По каверне полз удушливый запах. Гумилев вспомнил лицо несчастной Ивановой и содрогнулся.

– Шибанов! – крикнул он. – Ростислав! Какие будут соображения?

Ответ пришел через несколько мгновений, и не от хоккеиста.

– Надо добраться до двери! – Джей-Ти сейчас говорил без своих обычных словечек, что свидетельствовало о серьезности положения. – И открыть ее вручную, там штурвал.

– Не выйдет, – прогудел Решетников из своего укрытия. – Заплюют на подходе…

И тут раздался глуховатый голос Шибанова.

– Сколько весит граната, кто знает? – спросил он.

– Какая? – Грищенко приподнялся над ноздреватой глыбой и тут же нырнул обратно – зеленоватая струя кислоты ударила в камень, разбрызгивая вонючие капли.

– У нас что, большой выбор? – сердито рыкнул Шибанов. – Вот эта, круглая, со склада на станции?

– М67? – Грищенко на мгновение задумался. – Граммов 400.

– Через какое время происходит взрыв? – задал очередной вопрос Шибанов.

– Через четыре секунды, – отозвался Грищенко. – Перед броском предварительно следует удалить предохранительное кольцо, прижав рычаг пальцами к корпусу гранаты…

– Это я знаю, – проворчал Шибанов. – Будьте готовы. Как

только… Сразу бегите к дверям!

– Как только что?! – крикнул Гумилев. – Ты что задумал?

– Все будет нормально. Помолчите все, – донеслось из-за камней, где лежали шибановцы. Потом там началась какая-то возня, раздался возглас Джей-Ти, тоненько, негодующе вскрикнула Атика…

Шибанов поднялся в полный рост, держа пулемет LSAT двумя руками за тонкий ствол. Перемахнув через каменистый гребень, он очутился на открытой площадке в двадцати метрах от стены. Мутанты заверещали, и сразу несколько бледных лиц возникли в амбразурах. Забухали выстрелы – Джей-Ти и Атика прикрывали Ростислава.

– Дава-ай! – крикнул он, замахиваясь пулеметом, как клюшкой.

Джей-Ти, приподнявшись, выдернул кольцо и аккуратно, навесом, бросил под ноги Шибанову шарик гранаты. Гумилев в это мгновение понял замысел хоккеиста и судорожно сглотнул, представив, что будет, если тот не попадет по гранате или промажет мимо бойницы.

Звучный, хлесткий удар! Граната свистнула в воздухе, выбила бетонную крошку из края амбразуры и канула внутри. Шибанов сразу после своего броска, который сделал бы честь любой звезде мирового хоккея, бросился под защиту камней, а то место, где он только что стоял, накрыли сразу несколько кислотных плевков.

– Есть! – заорал Джей-Ти. – Расти! Круто, чувак! Ты…

Его голос утонул в грохоте взрыва. Верещание мутантов словно отсекло. Дым и пыль выплеснулись из бойниц и потекли по каверне. Гумилев следом за Грищенко и Решетниковым устремились вперед, к двери. Втроем они выкрутили запорный штурвал, вскинули автоматы и замерли, готовые ворваться внутрь.

Подбежавшие Шибанов, Джей-Ти и Атика заняли позиции рядом. Вессенберг прижался к стене, собираясь поддержать группу огнем из дробовика Штреллера.

– Я открываю. – Атика взялась за рукоятку и потянула тяжелую плиту двери на себя, отступая в сторону.

Вопреки ожиданиям, дверь распахнулась очень легко, повернувшись на хорошо смазанных петлях. Гумилев собрался стрелять, но оказалось, что воевать практически не с кем. Большинство мутантов посекло осколками, лишь двое выжили и теперь пытались уползти в темноту, оставляя на гладком полу кровавые следы.

Вессенберг парой выстрелов добил тварей.

– Ну что ж, позвольте пожать вам руку. – Решетников

улыбнулся Шибанову. – Вы совершили невозможное.

– Ерунда, – устало махнул рукой хоккеист. – Мы в Кирове, когда пацанами были, на коробке за школой тренировались все время. Бутылку под перекладину ворот подвешивали и с тридцати метров шайбу бросали. Клюшки – дрова, тяжелые. Кто попал – молодец. Кто разбил – молодец два раза, и все его в кулинарии кормят – пирожные там разные, сок… Тогда я руку и набил. Потом, когда хоккеем начал заниматься, пригодилось.

– И сейчас пригодилось.

– Кто бы знал. – Шибанов покрутил в руках пулемет и отдал Джей-Ти.

– Чува-ак, ты мне ствол погнул! – обиженно крикнул рэпер.

Атика усмехнулась. Джей-Ти сообразил, насколько двусмысленно прозвучали его слова, и с ругательствами отбросил испорченное оружие.

Гумилев тем временем включил управление шлагбаумом, и стальная балка со скрежетом уползла в стену, открывая отряду путь.

– По моим прикидкам, до поезда нам осталось не больше мили. – Решетников с тревогой посмотрел в темноту. – Сколько людей у Роулинсона и чем они вооружены, мы не знаем. И не следует забывать, что у них тоже могли быть проблемы с подземными уродами… В любом случае полковник вряд ли будет сидеть сложа руки. Уж посты в тоннеле он выставит наверняка.

– Если нас заметят, то всех положат издали – в тоннеле негде спрятаться, – вздохнул Грищенко.

– Укроемся за бронетележкой, – предложил Шибанов.

– «Наши мертвые нас не оставят в беде», – процитировал Высоцкого Решетников. – Что ж, на том и порешим. Но нам все же надо попытаться обнаружить противника первыми!

– Я понял. – Грищенко вскинул автомат и отправился в тоннель.

Джей-Ти побежал за ним. Утратив пулемет, он вооружился прихваченным на станции модифицированным автоматическим пистолетом Браунинга «Хай пауэр».

– Штреллер, идите-ка сюда, – позвал Вессенберг топчущегося в тоннеле позади тележки доктора. – Нужно помочь толкать. Вы понимаете меня?

– А если не понимаете, придется пустить вам пулю в затылок и оставить здесь, – мимоходом бросил Решетников, выдвигаясь в тоннель следом за Джей-Ти.

После его слов Штреллер сердито зыркнул на Вессенберга и послушно навалился плечом на бронированную стенку тележки.

– Симулянт, – не оборачиваясь, сказал Решетников.

– Дьявол заберет вас всех! – не очень уверенно прохрипел Штреллер.

– Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости, – парировал Решетников.

Вессенберг с уважением покивал и заметил:

– Цитата из Екклезиаста. Браво, господин полковник.

Шибанов, Мидори, Атика и Гумилев, приготовив оружие, прошли мимо и скрылись в темноте.

– Навались! – по-русски крикнул Вессенберг.

Тележка, пощелкивая подшипниками, покатилась по рельсам.

– Живые везут мертвых и завидуют участи их, – мрачно бормотал Штреллер себе под нос, то и дело спотыкаясь.

– Ну, один-то живой, – возразил Вессенберг.

– Все, все мертвы! – зловеще каркнул доктор.

– Что?! – Эстонец одним махом взлетел на тележку, посветил фонарем…

Лобачевский умер, так и не придя в сознание. Струя кислоты, выпущенная одним из мутантов, прожгла ему шею. В горячке боя никто этого не заметил. Вессенберг решил, что сообщит о смерти раненого потом, и втайне даже позавидовал Лобачевскому – пребывая в медикаментозной коме, он не мучился от боли, не страдал, перед смертью его мысли были спокойными и умиротворенными.

– Просто сон его стал вечным, – произнес Вессенберг, откинул забрало шлема и закрыл голубые глаза Лобачевского, слепо глядящие в темноту.

***

Электропоезд, на котором Роулинсон предполагал добраться до Солт-Лейк-Сити, представлял из себя три вагона обтекаемой формы, соединенных между собой гармошками переходов. Передний и задний вагоны заканчивались покатыми кабинами, что позволяло поезду двигаться в любом направлении. В сущности, состав секретной линии походил на обычный современный поезд метро, только в миниатюре. Из отличий имелся также биотуалет, размещенный в середине состава.

Забравшись вместе солдатами в вагон, Роулинсон прошел в кабину и сам закрыл двери.

– Господа, просьба соблюдать осторожность при высадке и

посадке. Наш поезд отправляется. На всем маршруте следования вам будут предложены напитки и закуски… – начал балагурить один из солдат, разбитной малый по имени Грег, но Роулинсон так посмотрел на весельчака, что Грег мгновенно заткнулся и убрался в самый конец вагона, где сел на жесткий диван, обнял штурмовую винтовку М16 и прикрыл глаза.

Наверху осталось больше половины отряда, включая капитана Долтри. Чертов вертолет взорвался совсем рядом с ними, из команды Гумилева тоже кто-то пострадал, полковник сам видел, как отлетела в воздух оторванная голова, но почти всем русским удалось удрать. О судьбе оставшихся взаперти негра, хоккеиста и девушек Роулинсон предпочитал не задумываться, хотя прекрасно понимал, что они погибнут от голода, если не выберутся из заключения. Оставалось надеяться, что им помогут люди Гумилева. Не возвращаться же, в самом деле… Гуманизм есть гуманизм, но в такие минуты он ни

к чему.

«На самом деле все они рады, что могут убраться отсюда, – подумал полковник, оглядев расположившихся в вагоне солдат. – Да чего там – я и сам счастлив до чертиков покинуть эту проклятую базу… Только русскому все нипочем. Расселся, точно он тут хозяин, даже ногу на ногу закинул. Не хватает только сигары…»

Нефедов, усмехнувшись неизвестно чему, вытащил из нагрудного кармана металлический футляр, а из него – толстую коибу? [21] с золотым ободком. Звучно клацнула зажигалка «зиппо», голубоватый бензиновый огонек на мгновение выхватил из царящего в вагоне полумрака сосредоточенное лицо русского.

«Сволочь! – Роулинсон еле удержался от того, чтобы выбить сигару из пальцев Нефедова. – Мысли он читает, что ли?»

Выпустив клуб ароматного дыма, Нестор отсалютовал полковнику коибой.

– Угостить вас, мистер Роулинсон? У меня при себе имеется некоторый запасец.

– Я не курю и вам не советую, – отрезал полковник и резко повернул рукоять хода. Поезд дернулся, сорвался с места и начал набирать скорость. Тоннель полетел навстречу, лампы на его стенах замелькали с частотой стробоскопа – и слились в две сплошные огненные полоски.

– Отсюда до Солт-Лейка примерно пятьсот миль? – осведомился Нефедов.

– Вроде того, – усаживаясь напротив русского, пробурчал Роулинсон.

– А вы не боитесь, что поезд привезет вас… нас не туда? Все

же железная дорога – это сложный организм. – Нефедов покрутил в воздухе сигарой. – Стрелки, развилки, семафоры всякие…

– Не боюсь, – ответил Роулинсон. – Эта дорога ведет именно в Солт-Лейк-Сити, на базу Дагуэй, я смотрел схему. В Нью-Мексико, на базу Лос-Аламос, проложен отдельный путь. Еще один тоннель ведет куда-то на восточное побережье. Вообще же вся эта подземная железнодорожная сеть строилась на случай ядерной войны с вами, tovarisch.

– Представляю, как в начале девяностых ваши стратеги и хозяева ВПК рвали на себе волосы, – улыбнулся Нефедов. -

Столько лет готовиться к противостоянию, вбухать миллиарды, триллионы долларов, разработать массу схем, гарантированно приносящих деньги, и вдруг лишиться всего – и противника, и возможности запускать лапы в военный бюджет!

Роулинсон скорчил кислую гримасу и ничего не ответил.

На этом разговор прекратился сам собой. Поезд, чуть покачиваясь, с ревом несся по тоннелю. Солдаты дремали, Нефедов рассеянно пускал дымные колечки, полковник смотрел вперед. Однажды ему показалось, что по стене скользнуло какое-то черное пятно, похожее на огромного паука, но он списал это на игру света и тени.

Электричество погасло внезапно. Собственно, ожидаемых отключений вообще не бывает, по крайней мере Роулинсон никогда в жизни не слышал, чтобы где-то в Штатах свет выключали, заранее предупредив об этом население. В результате чернокожие тут же бежали грабить магазины, благо сигнализация не работала, да и белые от них зачастую не отста-

вали.

Вот и локальный блэкаут на трассе «Неллис – Солт-Лейк-Сити» наступил настолько неожиданно, что никто сперва не понял, что же произошло. В вагоне погас свет, одновременно погрузился во тьму и тоннель. Включились аварийные тормоза, поезд по инерции проехал еще несколько десятков метров, потом замедлил ход и остановился. Отовсюду надвинулась темнота, и полковник почувствовал себя крайне неуютно. Создавалось ощущение, что на хрупкие маленькие вагоны сейчас наступит огромная нога пещерного великана и раздавит их, к чертям собачьим, вместе с пассажирами.

– Что за черт? – выругался Нефедов, отбрасывая недокуренную сигару. Она описала в воздухе параболу и ударилась о покрытие пола, разбрасывая искры, словно фальшфейер. – Полковник, что происходит?

– Кто-то выключил питание, – раздраженно ответил Роулинсон и повернулся к загалдевшим солдатам. – Занять

оборону вокруг состава!

Грохоча башмаками, бойцы полезли из вагона. Трое выдвинулись в хвост поезда, двое встали перед кабиной. Разгоняя мрак, на стенах тоннеля тускло затлели лампочки аварийного освещения.

– Проклятье! – Роулинсон был вне себя от злости. – Этот Гумилев, похоже, переиграл нас! Наверняка он и его люди добрались до диспетчерской.

– Что теперь делать? – деловито осведомился Нефедов.

– Пешком нам до Солт-Лейка не добраться. Придется ждать гостей.

– Вы уверены, что гости явятся?

– Непременно. Да и как они иначе выберутся с базы?

– Стало быть, скоро сюда явится Андрей Львович и его громилы. Будет весело.

– Я предпочел бы погрустить, – хмыкнул Роулинсон и спрыгнул на рельсы, вынимая из кобуры двадцатизарядную «беретту». – Идите сюда! – крикнул он.

Нефедов последовал за полковником. Он единственный из всей группы не стал доставать оружия. Оглядев мрачные своды тоннеля, Нестор покачал головой:

– Да уж, таких огромных мышеловок я еще не видел.

Глава седьмая

Мышеловка

Мне кажется, война - это опасное место!
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Бум! Бум! Бум!

Стекло практически вывалилось из оконного проема. Санич убедился, что через пару ударов неизвестный противник получит доступ в диспетчерскую, и сжал влажными ладонями облитые пористой резиной рукоятки гранатомета. В основе конструкции ММ-1 лежала еще довоенная, тридцатых годов, разработка под названием «Manville machine projector». Это было револьверное ружье для полиции, стрелявшее патронами со слезоточивым газом.

После выстрела толстый барабан гранатомета поворачивался, и новая сорокамиллиметровая граната оказывалась в стволе. Оружие было простым и функциональным. С его помощью один человек в условиях городского боя мог уничтожить целую роту. Если повезет, конечно.

Вот только Саничу противостояли не люди.

Бум! Удерживаемые проволочками осколки стекла упали на пол. Олег вскинул гранатомет. В окно просунулась толстая, покрытая длинными волосками лапа со сдвоенным когтем на конце. Содрогнувшись от омерзения, Санич нажал на спуск.

Ту-дух! – сипло рявкнул гранатомет. Граната пролетела над лапой и канула в окне. Тотчас же за дверью грохнул взрыв, осколки с пронзительным воем рикошетили от стен

станции.

– Получите! – выкрикнул Санич и снова выстрелил. -

И распишитесь!

После третьего взрыва жуткая волосатая лапа исчезла. Наступила звенящая, тревожная тишина.

– Что, гады, съели? – ухмыльнулся Олег.

Дверь вздрогнула. Ее явно пытались подковырнуть снизу и открыть. С такими-то когтищами отчего и не попы-

таться…

Отложив ММ-1, Олег взялся за штурмовую винтовку и дал три короткие очереди прямо сквозь дверь. Выстрелы оглушили

его, в диспетчерской повис кислый запах пороха. Пули М4 проделали в мягком металле двери десяток аккуратных отверстий. Возня за порогом сразу стихла.

Быстро поменяв оружие, Санич выстрелил из гранатомета и, когда эхо и дробный стук осколков затихли, прислушался.

На станции было тихо.

Неужели все? Боясь поверить, Олег приподнялся, опустил поврежденную ногу на пол и сделал шаг к двери.

Через пустой оконный проем он увидел часть перрона, на котором темнели какие-то кучи. Сделав еще шаг, Санич заметил в дальнем конце станции движение – словно темнота ожила и зашевелилась, медленно ползя к диспетчерской.

Подняв гранатомет на уровень глаз, Олег прицелился по стволу и выстрелил в эту шевелящуюся массу. Ту-дух!! Вспышка, взрыв…

Крепко прикусив губу, чтобы не закричать, Санич привалился к дверному косяку. Он впервые разглядел своих противников, разбросанных взрывом по перрону. Да, подозревал такое, но до конца, до упора не хотел верить. Но теперь он увидел их своими глазами.

Это были гигантские мохнатые пауки…

***

С того момента, как отключилось электричество, прошло уже очень много времени, но Роулинсон и его люди так никого и не дождались.

– Может быть, на станции случилась поломка? – предположил Нефедов. – А мы тут ожидаем нападения…

– Нет, это не поломка, я знаю, – упрямо заявил полковник. – Гумилев не из тех, кто отступает, не доведя дело до конца. Да и та компания во главе с русским хоккеистом…

– Шеф! – позвал Роулинсона один из солдат. – В тоннеле движение! Мы что-то слышим…

– Постарайтесь уцелеть, tovarishch! Вы нужны мне и Мастеру. Должен же я хоть что-то привезти из своей увлекательной поездки, – ехидно бросил полковник Нефедову и устремился к хвостовому вагону, размахивая «береттой». Следом за ним пробежали двое солдат, охранявших передний вагон.

Нестор хмыкнул, забрался в поезд и прошел к ящикам с материалами. Усевшись на ребристый металлический пол, он

положил себе на колени один из пластиковых контейнеров, деловито щелкнул замками и принялся изучать содержимое. Нефедов был не из тех людей, кто теряет время даром…

Штурмовые винтовки людей Роулинсона загрохотали все разом. В ответ из темноты тоже раздались выстрелы. Шальная пуля пробила покатое стекло задней кабины и сочно поцеловала стойку вагона.

Нестор сполз еще ниже, оперся на локоть, продолжая рассматривать запечатанные в герметичные пакеты образцы тканей инопланетных существ. Он открыл уже три контейнера, и везде было одно и то же – биоматериалы, сопроводительные документы на английском, грифованные красными штампами «Top secret», какие-то колбы с мутной жидкостью, покоящиеся в специальных выемках, выстланных поролоном, компьютерные распечатки…

В четвертом контейнере Нефедов обнаружил наконец то, что искал, – пачку фотографий, вложенных в прозрачные файлы. Подсвечивая себе небольшим фонариком, он внимательно рассмотрел все снимки. На большинстве из них оказались запечатлены смазанные силуэты высоких человекообразных существ, одетых в серые балахоны.

И лишь на двух Нестор увидел четкие изображения. Это был один и тот же пришелец, стоящий возле большого мутного зеркала. С чуть пожелтевшего фотоснимка на Нефедова смотрел человек с прозрачной кожей, сквозь которую отчетливо просвечивали синеватые прожилки.

– Так вот каких инопланетян вы тут изучали, – с тихим смешком прошептал Нестор, захлопнул контейнер и прислушался к звукам стрельбы. Похоже, Гумилев и его ребята крепко прижали людей Роулинсона. Их М16 лишь изредка огрызались короткими очередями, тогда как из тоннеля густо летели пули. Они издырявили всю заднюю кабину поезда.

Неожиданно в вагон ввалился тот самый балагур Грег. Распластавшись на полу, он прохрипел:

– Мы потеряли троих. Полковник приказал отходить по тоннелю. Следуйте за мной, сэр…

«Значит, у Роулинсона осталось двое солдат, – быстро произвел в уме нехитрый подсчет Нефедов. – Что ж, похоже, его карта бита. Но встречаться с господином Гумилевым мне сейчас не с руки. Или попробовать разыграть оскорбленного ученого, которому всякие олухи мешают заниматься важным делом?»

Стрельба усилилась.

– Скорее! – завопил Грег, высунулся из вагона и со стоном рухнул на рельсы.

– Минус четыре, – спокойно произнес Нестор, не двигаясь с места.

Взрыв гранаты заставил его вжать голову в плечи. Сверху посыпались осколки стекла и пластика.

И стало тихо.

– Роулинсон! – донесся до слуха Нестора голос Гумилева. – Вы живы? Бросайте оружие!

– И без глупостей, – поддержал его Шибанов.

– Я… – простонал полковник. – Я… сдаюсь…

– Выходите с поднятыми руками! – загремел по всему тоннелю голос Шибанова.

– Я не могу. Я ранен… – глухо ответил Роулинсон.

– Где вы?

– Внизу… Между колесами…

У Нефедова сложилось впечатление, что Роулинсону не хватает воздуха. Однако покидать свое убежище и помогать полковнику Нестор не спешил. Судя по интонациям Гумилева и Шибанова, их еще не отпустила горячка боя, а значит, реакция на появление еще одного человека могла быть неадекватной.

– Вот он! – крикнул кто-то совсем рядом с поездом, и Нефедов узнал голос чернокожего рэпера, которого он снимал с креста. Тоже жив!

– Вылезайте! – рявкнул Гумилев.

– Не могу… – Роулинсон закашлялся. – Шибанов, помогите мне! Джей-Ти!

– Щас, бегу, – хмыкнул чернокожий рэпер.

«Похоже, у полковника задето легкое, – меланхолично отметил про себя Нефедов. – Исцелять будет непросто…»

Нефедов достал Скарабея и легонько сжал в руке. Он привычно поморщился, когда все тело скрутило ледяной судорогой, закрыл на несколько секунд глаза, сосредоточиваясь на предмете. Нужно было выходить, иначе разъяренный гибелью своих людей Гумилев и вправду мог пристрелить Роулинсона, а Нестору полковник нужен был живым и относительно здоровым.

– Э-э-эй!… – как можно громче протянул Нефедов, поднимаясь с пола. – Не стреляйте! Алло, меня слышно? Это Нестор Тарасов! Не стреляйте!

– Ну и дела, чувак! – удивленно воскликнул Джей-Ти, и луч его фонаря заплясал по стенкам вагона. – Иногда они возвращаются! Я тебя помню, точно!

– Кончай причитать и тащи его сюда! – крикнул рэперу Гумилев. – Похоже, все крысы собрались в одном месте!

– Мне нужна помощь… – Роулинсон уже не говорил – сипел,

надсадно кашляя после каждого слова.

Нефедов спрыгнул на гравий, прикрылся ладонью от слепящего луча фонаря.

– Я без оружия!

– Покажи руки! – потребовал Гумилев.

Нефедов послушно поднял руки, огляделся. В глубине тоннеля, там, откуда пришла группа Гумилева, виднелись три фигуры. Присмотревшись, Нестор узнал Вессенберга, остальных видел впервые. Позади них громоздилось какое-то сооружение на колесах.

«Стало быть, это все, кто уцелел из группы, – подумал он. – Что ж, злость Гумилева вполне обоснована. Интересно, а эти откуда взялись? Как там их назвал Роулинсон? Шибанов, Джей-Ти… Девушки… Ладно, пора заняться полковником».

– Роулинсон, вы слышите меня? – громко спросил Нефедов, пытаясь рассмотреть полковника между колес поезда.

– Да-а… – донеслось оттуда.

– У вас ранение в грудь?

Вместо ответа Роулинсон закашлялся.

– Он сейчас истечет кровью, – повернулся к Гумилеву Нестор. – А без него мы не сумеем выбраться наружу и вообще выполнить свои… гм… миссии. Ну и в целом – какая вам польза от того, что полковник погибнет?

– Плевать я хотел на вашу миссию! Из-за вас погибли люди…

– Если вы позволите, я все же окажу полковнику помощь, а потом объясню ситуацию…

Не дожидаясь ответа, Нефедов опустился на колени, согнулся и нашарил в темноте тело Роулинсона, которого уже покинули последние силы. Крепко сжав руку полковника, Нестор расслабился и представил, как целительная энергия Скарабея течет сквозь него, вливаясь в конечность раненого. Энергия эта представлялась Нефедову как некая очень холодная молочно-белая

жидкость, густая, вязкая, не имеющая ни вкуса, ни запаха. Процесс исцеления начинался после того, как тело больного, являющееся для жидкости полым сосудом, наполнялось ею, что называется, под завязку.

– Хр-р-р… – Роулинсон задергался, захрипел.

– Что он там делает? – спросил Гумилев.

– Наверное, лечит. – Джей-Ти присел на корточки и посветил под вагон фонарем. – Похоже, наш полковник вознамерился склеить ласты. Мать твою, у него вся морда в крови!

– Штреллер пропал, – перебил рэпера подошедший Вессенберг. – Когда началась стрельба, он был рядом со мной, а

потом исчез…

– Удрал, – подтвердила Мидори. – Да и черт с ним, он ведь все равно чокнутый. Пусть теперь милуется со своими чудовищами в тоннелях.

– В самом деле… – согласился Гумилев. – Эй, Тарасов, долго вы еще будете возиться?

– Заканчиваю. – Нестор ответил с трудом – на него, как всегда после интенсивного лечения, накатила дурнота. Перед глазами плавали разноцветные кольца, в уши словно набили вату…

– Надо дать сигнал Саничу, чтобы включил питание. – Шибанов перекинул автомат в левую руку и легко запрыгнул в вагон.

– Стой! – Гумилев с досадой ударил кулаком по пластине сдвижной двери. – Сперва перенесем тела погибших в поезд. Их надо похоронить по-человечески…

– Полковник? – Нестор, отпустив руку Роулинсона, легонько толкнул его. – Вы в порядке?

– Кажется… Я могу дышать…

– Тихо, тихо! – выбравшись из-под вагона, Нефедов тяжело опустился на порожек. – Вылезайте. Господин Шибанов прав – нам надо убираться отсюда.

Роулинсон вылез на четвереньках и выпрямился во весь рост, с удивлением оглядывая себя.

– Невероятно! Как вы это все-таки делаете?!

– Top secret, – вспомнив грифы на документах, отшутился Нефедов.

Мрачно наблюдавший за всем этим Гумилев шагнул к Роулинсону.

– Я всего лишь выполнял свой долг… – нерешительно промямлил полковник, отступая назад.

– Итак, господин Гумилев, – Нефедов сделал полупоклон, – господин Шибанов, – последовал еще один полупоклон, – дамы, мистер Джей, профессор, – он по очереди раскланялся со всеми поименованными, – имею честь предложить вам план спасения…

– Прекращай этот цирк! – устало произнес Гумилев.

– Пусть скажет, – пожал плечами Шибанов. – Послушать можно. Джей, а ты будь другом, свяжи полковнику руки. И ноги, пожалуй, тоже.

…Когда Нефедов закончил говорить, в тоннеле воцарилась тишина.

– Мне не нравится идея вступить в переговоры с Мастером, – наконец сказал Гумилев. – Он сумасшедший…

– Вы даже не представляете, насколько он сумасшедший, – произнес Шибанов. – Но следует признать – план господина Нефедова реален.

– И самое главное – безальтернативен, – торжествующе усмехнулся Нестор.

– Индро Юльевич, ваше мнение? – повернулся к эстонцу Гумилев.

– Я соглашусь с Шибановым – план реален.

– Хитро закручено, – выпалил Джей-Ти. – Пожалуй, я тоже за. Ми, что скажешь?

Мидори дернула плечиком, давая понять, что не против. Все посмотрели на Атику.

– Господь помогает тем, кто сам себе помогает, – ответила девушка известной поговоркой.

– Стало быть, решено, – подвел черту Гумилев.

– Вы забыли спросить меня, – скрипуче сказал Роулинсон. – Поскольку я – ключевой персонаж во всей этой схеме, мне хотелось бы получить некоторые гарантии…

– Не в вашем положении рассуждать о гарантиях, – отрезал Шибанов. – У вас есть выбор, но это выбор между некоторой жизнью и немедленной смертью.

– Хорошо сказано, Расти, – одобрил Джей-Ти и самым бесцеремонным образом потащил полковника к поезду, то и дело поддавая ему под зад коленом.

– Грузим тела и связываемся с Саничем. – Гумилев закинул автомат за спину и вдруг обратился к Нефедову: – Я не знаю, что за игру вы ведете, но я буду внимательно следить за вами…

– Сюда, сюда! – донеслись вдруг из тоннеля истерические выкрики. – За мной, собачки! Вот тут еда, много еды! Сюда!!!

– Это голос Штреллера, – опознал Вессенберг. – Но что он кричит?

– Зовет кого-то… – Шибанов на всякий случай отодвинул Атику за спину. – Джей, посмотри, я прикрою…

Рэпер, недовольно бормоча что-то о большом количестве командиров, свалившихся на его черную голову, вытащил пистолет и двинулся вдоль стены тоннеля, постоянно оглядываясь, словно проверяя, в самом деле прикрывает его Ростислав или же нет.

Когда Джей-Ти прошел около сотни метров, Шибанов нетерпеливо окликнул его:

– Ну, чего там? Где этот придурок?

– За мной, собачки, сюда, сюда! – неслось из тоннеля.

– Это наш проповедник! – отозвался Джей-Ти. – Идет сюда.

– Один?

– Мать твою! – внезапно завопил рэпер, сорвался с места и стреканул обратно к поезду.

– Да что там?! – к встревоженному Шибанову присоединился Гумилев.

– Пауки! Он ведет пауков!! – Джей-Ти на бегу выстрелил.

– Быстро все в вагоны! – Ростислав подсадил Мидори, Атику, затолкал в двери Вессенберга. – Андрей, сигнал!

Гумилев бросился в кабину машиниста. Дождавшись Джея, Шибанов следом за ним запрыгнул в вагон и вручную закрыл дверь. Они прошли в хвост поезда и встали у разбитого взрывом гранаты стекла, приготовившись отбивать нападение арахнидов.

– Вессенберг говорил, что эти твари не нападают на неподвижные объекты, – заметил Шибанов.

– Чувак, док ведет их за собой. И он очень подвижен. – Джей-Ти кивнул на маячащую в тоннеле фигуру с длиной бородой. – Если ваш олигарх не заведет эту чертову колымагу, нам всем конец…

Не бывает людей, которые ничего не боятся. Этот нехитрый постулат Олег Санич уяснил еще в раннем детстве. Даже самый безбашенный, самый отъявленный во всем районе хулиган обязательно имеет свою кнопку, в данном случае – «кнопку страха». Он может бить стекла, грабить сверстников, драться на танцах, хамить милиции и писать на стенах матерные слова, но вот однажды ему доведется «зажать» в темном переулке очередного очкастого «ботана», а у того из-под пальто на плечо выберется вдруг ручная белая крыска, безобидная и даже милая. И как только гроза всего района увидит ее, нажмется сама собой «кнопка страха». Хулиган бросится прочь на подгибающихся ногах, задыхаясь и потея.

Такой неконтролируемый страх именуется «фобия». Ученые считают, что все люди подвержены фобиям, просто у большинства они схожи и просты – боязнь высоты, боязнь темноты, боязнь собак. Но есть фобии очень экзотические: коулрофобия, что означает боязнь клоунов, галеофобия – страх перед ласками и хорьками и даже гленофобия, то бишь опасение смотреть в глаза куклам.

Фобия Санича, его «кнопка страха», была не то чтобы очень редкой, но доставила ему немало неудобств в жизни. Конечно, с возрастом он научился контролировать эмоции и лишь бледнел, заметив на подушке или на ножке стола очередного паука. Этот самоконтроль очень пригодился в Средней Азии, где курсанту погранучилища, а впоследствии офицеру ГРУ Саничу довелось

столкнуться с совершенно экзотическими видами арахнид.

Но даже те огромные тарантулы и фаланги были мирными и безобидными козявками в сравнении с мохнатыми монстрами, ползающими по стенам и потолку станции. Стоило Саничу увидеть их, как невидимая рука нажала его «кнопку страха».

Сердце гулко забухало в ушах, руки и ноги ослабли. Привалившись плечом к стене возле двери, Олег глубоко вдохнул и понял, что воздух не поступает в легкие, потому что горло сдавил спазм. Беззвучно открывая и закрывая рот, словно рыба, он попятился к столу, слепо шаря вокруг себя руками. По пути ему подвернулся стул, и Санич с грохотом опрокинул его.

Шум, видимо, и привлек внимание тварей. Выставив перед собой толстый ствол гранатомета, он с ужасом вслушивался в приближающиеся царапающие звуки – пауки один за другим ползли к диспетчерской. Представив, как мерзкие членистоногие пытаются влезть в дверное окно, вспомнив покрытую толстыми волосками лапу с когтями на конце, Олег не сумел сдержаться. Запаниковав, он открыл беспорядочную стрельбу, выпуская в окно гранату за гранатой.

Ту-дух! Ту-дух! Ту-дух! Ту-дух! – лаял ММ-1, наполняя диспетчерскую сизым туманом отработанных пороховых газов. Грохот взрывов за дверью слился в непрекращающийся рев. Там бушевало пламя и свистели осколки. Эти звуки показались Саничу самой сладкой на свете музыкой, вернувшей ему ощущение безопасности. Увлекшись, Олег вошел в раж и захохотал.

– Жрите, жрите, сволочи!! – крикнул он, всаживая в окно очередную гранату.

Барабан ММ-1 был рассчитан на двенадцать зарядов. Санич выпустил уже десять, но на одиннадцатом выстреле у него дернулась рука, и ствол гранатомета повело в сторону.

Граната ударила в косяк двери. Взрывная волна швырнула Олега на пол, осколки пробили бронежилет и впились в тело. Выбитая дверь улетела прочь, в диспетчерскую вполз едкий дым. Контуженый, истекающий кровью Санич с трудом приподнялся на локтях и, словно во сне, увидел, как через порог медленно переползает огромный черный арахнид.

Выпавший из рук гранатомет с последним зарядом валялся в паре метров от Олега. Штурмовая винтовка лежала на столе. Чтобы дотянуться до нее, нужно было хотя бы сесть. На это у Санича ушли последние силы, но он твердо знал, что не имеет права умереть, не выполнив приказ Гумилева. Поэтому Олег, не обращая внимания на острую боль, все же поднялся и стянул со стола М4. Едва оружие привычно легко в липкие от крови ладони, Санич выстрелил, стараясь попасть в уродливую головогрудь

паука, снабженную острыми зазубренными челюстями. Откуда-то всплыло слово «хелицеры» – кажется, челюсти у паукообразных назывались именно так.

М4 дернулась в руках, выпустив короткую очередь. Пули прошли над пауком. Санич шепотом выругался и попытался прицелиться, но тут крадущийся паук вдруг совершил невероятный прыжок в сторону, оказавшись на стене. Вторая очередь ушла «в молоко». С трудом ворочая ставшей неожиданно очень тяжелой винтовкой, Олег пытался поймать паука в прорезь прицела, но тот передвигался со скоростью электрического разряда, оказываясь то на полу, то на тумбочке, то на потолке.

Зуммер вызова застал Санича врасплох. Ожил динамик на стене, и голос Гумилева, искаженный помехами, загремел в диспетчерской:

– Олег! Это Гумилев! Ты слышишь меня? Мы в поезде! Повторяю – мы в поезде! Срочно включай питание контактного рельса!

– Сейчас… – пробормотал Санич, отталкиваясь здоровой ногой от залитого кровью пола. – Сейчас, Андрей Львович…

Квадратная кнопка включения питания находилась рядом с темным монитором слежения. Тут же располагался микрофон, но Олег сразу понял, что ответить шефу он не успеет. Паук, спрыгнув с потолка, оказался совсем рядом с Саничем, и мгновение спустя его челюсти-хелицеры со скрежетом впились в титановую трубку ножного биомеханического протеза.

– Включаю!… – выдохнул Олег, кулаком ударив по кнопке.

Пульт ожил, разноцветные огоньки побежали по схематическому изображению подземной дороги, иллюстрируя процесс подключения контактного рельса.

– Успел… – Санич повернул голову и потянулся за отложенной штурмовой винтовкой.

В этот момент паук, продолжавший терзать протез, бросил свое бесперспективное занятие, угрожающе вскинул мохнатые лапы, коротким прыжком перемахнул на грудь Олега и вонзил хелицеры ему в шею…

– Молодец! – похвалил своего начальника службы безопасности Гумилев, едва поезд тронулся. – Надеюсь, Санич продержится до нашего возвращения.

Он повернул ручку управления до отказа, внимательно следя за цифрами в окошечке индикатора скорости. Когда поезд разогнался до ста миль в час, Гумилев перевел ручку в положение «half-speed?[22]», откинулся в кресле и спросил:

– Пауков было много?

– Прилично. – Шибанов с содроганием вспомнил, как мохнатые арахниды набросились на тела погибших, лежащие в тоннеле. Они выедали мягкие ткани, растаскивали кишки, отгрызали головы…

– А что Штреллер?

– Сукин сын, – через плечо Ростислава крикнул Джей-Ти. – Он такой же сумасшедший, как мы с вами! Не добежав метров десяти, этот ублюдок остановился и замер…

– То есть он навел на нас пауков специально? – удивленно вскинул бровь Гумилев.

– Похоже на то.

– Интересно, на кого он работал? – спросил Шибанов.

– Боюсь, этого мы уже никогда не узнаем, – вздохнул Вессенберг. – Хотя, скорее всего, ни на кого он не работал. Просто шизофреник. А что у шизофреника в голове, никогда не угадаешь.

– Не думал, что доведется управлять поездом, пусть и подземным, – сменил тему Гумилев, прикинув, что сам эстонец еще не так давно выглядел немногим более нормальным, чем чокнутый Захария Штреллер.

– Я тоже никогда не предполагал, что буду путешествовать по секретной железной дороге в компании с русскими олигархом и хоккеистом, – хохотнул Джей-Ти. Рэпер расположился на диване и чистил оружие. Мидори, Атика и Вессенберг сидели напротив. Развязанный Роулинсон лежал на полу, невидяще глядя в потолок. Нефедов торчал у передней двери, то и дело посматривая на часы.

– Боишься, что поезд выбьется из расписания? – с иронией спросил у него Джей-Ти.

– Боюсь, что мы приедем в Солт-Лейк заполночь, а это означает усиленные патрули и спящее командование, что в свою очередь может стать большой проблемой.

– Мастер никогда не спит, – вспомнив свое пребывание в Солт-Лейк-Сити, буркнул Шибанов.

– Тарасов, – окликнул Нестора Гумилев. – Если уж вы не тот, за кого себя выдавали, быть может, заодно расскажете и о том, какой у вас интерес во всем этом предприятии? – Он неопределенно взмахнул рукой.

– Я – ученый, Андрей Львович, – серьезно сказал Нефедов.

Роулинсон неожиданно расхохотался – точно закаркал ворон.

– Ученый, кха-кха-кха! Вы его больше слушайте! Ученый, это же надо…

– Заткнитесь, полковник! – Гумилев еле удержался, чтобы не пнуть Роулинсона, и снова спросил: – При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Пусть он лучше расскажет, при каких обстоятельствах мы с ним расстались в прошлый раз! – опять встрял полковник.

– Андрей Львович, – глядя в голубые глаза Гумилева своими разноцветными глазами, твердо сказал Нефедов, – во многом знании многия печали…

– Меньше знаешь – крепче спишь! – осклабился Джей-Ти. -

Точно, тут я согласен!

Поезд несся по тоннелю. Бесшовные рельсы обеспечивали плавность хода и относительно низкий уровень шума. Вагоны чуть покачивались, и многие из пассажиров начали клевать носом. Вессенберг затеял с Нестором разговор об инопланетных формах жизни, но тот не поддержал профессора. Натянув на глаза капюшон куртки, он улегся на диване и уснул.

Час спустя Гумилев растолкал его и вызвал в кабину машиниста, где уже находились Шибанов и Роулинсон. Следом за Нефедовым туда проследовал и Вессенберг.

Полковник после чудесного излечения от смертельной раны выглядел бодрым, но время от времени прикладывался к фляжке с виски. При этом от внимательного взгляда Нестора не укрылось, что на грязных бинтах Роулинсона проступили кровавые пятна.

– Через пару часов мы прибудем на станцию Солт-Лейк-Сити, – начал Гумилев. – Давайте еще раз обсудим наши действия.

– Да, по-моему, все ясно, – пожал плечами Шибанов. – Полковник проводит нас через охрану к Мастеру. Мы берем того в заложники и…

Роулинсон вдруг захихикал.

– В чем дело? – нахмурив брови, повернулся к нему Гумилев.

– Вы не сможете меня заставить! – быстро проговорил Роулинсон. – И убить меня вы тоже не посмеете. Я – ваша единственная надежда выжить. Поэтому будет вот как: когда мы прибудем на конечную станцию, я свяжусь с Мастером и сообщу, что нахожусь в заложниках. Требования, которые предъявляют захватившие меня люди, таковы: транспорт и безопасный коридор до границы Закрытой Территории. Взамен они отдают все материалы, добытые в Зоне 51. Я сопровождаю вас до северного берега Большого Соленого озера…

– Откуда такая самоуверенность? Что помешает мне вот прямо сейчас пристрелить вас и скинуть труп с поезда?

– Без меня вы не сумеете выбраться со станции на поверхность, – пожал плечами Роулинсон.

– Роулинсон, – вмешался в разговор Нефедов. – Вы обратили внимание, что исцелилась только ваша пулевая рана, а то, что мучает вас последние годы, осталось без изменений?

– Идите к черту! – проскрипел полковник.

– А ведь я бы мог… – Нефедов изобразил жестом, как он снимает с шеи Роулинсона бинт.

Полковник хмыкнул, но глаза его подозрительно заблестели.

– Только представьте, – вкрадчиво продолжил Нефедов, – всего один… ну максимум два сеанса – и вы сможете жить, как нормальный, здоровый человек. Никаких бинтов, никаких мазей, никаких страданий… И чтобы все это произошло, вам надо всего лишь посодействовать нам. Это даже не предательство. В конце концов, кто он вам, этот Мастер? Смотрите, Роулинсон, для вас тут одни плюсы: вы становитесь здоровым и избавляете мир от отъявленного мерзавца. Опять же не факт, что вы настолько важный заложник, что Мастер будет стараться сохранить вас на наших условиях… Может быть, вы себя переоцениваете. А мы вас оцениваем адекватно. Итак?

Полковник, внимательно выслушав Нефедова, неожиданно всхлипнул:

– Вы чудовище, tovarishch!

– Есть такое дело, – ухмыльнулся Нефедов. – Но я не услышал окончательного ответа в утвердительной форме. Вы будете действовать на нашей стороне?

– Да… – очень тихо, но вполне отчетливо произнес Роулинсон и вытащил фляжку. – А теперь идите все к черту. До Солт-Лейк-Сити еще два с лишним часа. Я отправляюсь спать…

***

Конечная станция секретной подземки выглядела совсем не так, как на базе Неллис. Внутри тоннеля здесь располагался еще один, меньшего диаметра. Едва поезд въехал в него, как позади опустилась круглая плита, украшенная с двух сторон знаками биологической и химической опасности и надписями «Caution hazard? [23]».

– Что за фигня, чуваки? – удивился Джей-Ти.

Роулинсон снизошел до объяснений:

– На военной базе Дагуэй, с которой сообщается станция, проводились испытания оружия массового поражения.

Как ни странно, сейчас полковник выглядел значительно более трезвым, чем пару часов назад, хотя выпил за это время довольно приличную дозу.

– Что еще за Дагуэй? – Шибанов тревожно переглянулся с

Гумилевым. – Вроде речь шла о Солт-Лейк-Сити.

– Военная база Дагуэй, – менторским тоном начал Роулинсон, – появилась в Юте во время Второй мировой войны. Перед Армагеддоном на базе насчитывалось свыше шести сотен строений различного назначения. Здесь разрабатывались самые токсичные в истории вещества, например пресловутый «Ви-Экс», несколько молекул которого вызывают у человека паралич и мгновенную смерть. Кстати, в начале 2011 года на базе произошел инцидент, связанный с утерей пробирки «Ви-Экс». Тысяча четыреста сотрудников базы были заперты во внутренних помещениях, проверка шла три дня.

– Нашлась? – оглядывая внутренности герметичного тоннеля, спросил Нестор.

– Да, – кивнул Роулинсон. – А вот если бы кто-то вынес пробирку на поверхность и разбил ее над Солт-Лейк-Сити, город вымер бы в течение нескольких минут.

– И что же, эта дрянь лежит тут до сих пор? – поинтересовался Вессенберг.

– Думаю, да. Мы, правда, пока не нашли хранилища, но тут десятки километров подземных коммуникаций, бункеры, лаборатории…

– А вы бы в Ираке попробовали, – улыбнулся Шибанов. – Ну, американцы ведь всегда ищут химическое и биологическое оружие там, а не у себя дома.

– Ха-ха, tovarishch, – вяло оскалился Роулинсон. – Если хотели меня подколоть, то напрасно – о слабоумии наших военных у меня точно такое же мнение, как и у вас, притом сложившееся очень давно. Если хочешь что-то изгадить – попроси военных. Кстати, господа, имейте в виду, что база Дагуэй гораздо более автоматизирована, нежели Неллис. Нам придется пройти через несколько карантинных блоков со специальными тамбурами…

– И поэтому я на всякий случай привяжу вас к себе. – Шибанов вытащил из кармана разгрузки моток веревки. – Так всем будет спокойнее.

Поезд остановился, мягко ткнувшись в резиновую подушку, темнеющую в торце тоннеля. Звонко клацнули фиксаторы колесных пар, двери открылись, и Гумилев увидел залитый мертвенным светом ртутных ламп узкий перрон и одну-единственную дверь, также снабженную пиктограммами, предупреждающими о био- и химической опасности.

– Куда вы нас привезли, Роулинсон? – проворчал Вессенберг, выгружая из хвостового вагона контейнеры с образцами.

– В ад, господа, точнее, в его преддверие, – усмехнулся

полковник и приложился к фляжке. Потом посмотрел ее на просвет и выбросил под колеса вагона.

Если база Неллис, а в особенности мрачные подземелья Зоны 51, походила на декорации к голливудским фильмам, то внутренние помещения базы Дагуэй напоминали не столько военный объект, сколько госпиталь или гражданскую больницу.

Стены, полы и потолки здесь были выкрашены в ослепительно белый цвет, повсюду горели синие дезинфекционные лампы, в сухом воздухе висел стойкий запах медикаментов. Пройдя через тройной тамбур со сменным давлением, нагруженная контейнерами группа очутилась в широком коридоре.

– Камеры слежения? – повертев головой, спросил Гумилев.

– Только снаружи, мы экономим электричество, – ответил Роулинсон. – Да и на что тут смотреть? Мы же не используем поезд как метро, один раз всего и прокатились… Как бы не в последний…

– Дальше куда? – деловито спросил Шибанов, дернув левой рукой веревку, другой конец которой был накрепко привязан к поясному ремню полковника.

– В конце будет холл, там есть переговорное устройство. По нему я должен сообщить Мастеру о возвращении.

– А где посты охраны?

– Наверху, – недовольно проскрипел Роулинсон. – Зачем они внизу, если выбраться можно только наверх? Что тут охранять?

– Кстати, а почему вы не охраняете станцию и нижние уровни? – заинтересовался Вессенберг.

– А зачем? Про пауков и других зверушек мы не знали, база Неллис стояла необитаемая. И потом, наши люди боятся спускаться в лаборатории Дагуэя надолго. Они верят, что тут бродят призраки тех, кто погиб, отравившись боевой химией, или умер от смертельных болезней во время испытаний. Народ любит суеверия…

– Призраки? – переспросил Нефедов. – Их кто-то видел?

– Видели несколько человек… – неохотно сказал Роулинсон. – И даже на камеру вроде бы засняли. Я смотрел запись… Да, какие-то фигуры, полупрозрачные, морды синие. Может, это и призраки, но сдается мне, что в глубинах Дагуэя мог оставаться кто-то из персонала. В любом случае все это было год назад. С тех пор и призраков вроде не появлялось, и те, кто их видел, померли или были убиты. Кстати, мы пришли – вот холл, надо только активировать переходной шлюз.

То, что полковник называл холлом, на самом деле представляло собой круглый белый зал. Из него крестообразно расходились в разные стороны четыре коридора, по стенам которых тянулись бесконечные двери.

– Там лифты, но они не работают, а вот там – хранилища медпрепаратов. Мы попытались их использовать, но оказалось, что здесь сосредоточены огромные запасы вакцины против лихорадки Эбола. У нас в штатах, слава Создателю, этой болезни нет.

– Но, видимо, предполагалось, что она может здесь появиться, – проворчал Вессенберг.

– Мать твою, вот уж точно дерьмо собачье! – Джей-Ти с отвращением сплюнул. – Эбола… Получается, здесь готовились к тому, чтобы лечить заболевших?

– Получается, что здесь готовились к бактериологической войне, – в тон ему сказал Шибанов.

– Вот переговорное устройство, – Роулинсон указал на панель интеркома, закрепленную на стене.

Красный огонек периодически мигал, показывая, что устройство исправно и подключено к сети.

Ростислав подвел полковника вплотную к панели. Мидори достала «смит-и-вессон» и приставила ствол к затылку Роулинсона.

– Помните: одно неверное слово – и вы труп, – предупредил его Гумилев.

Набрав нужный номер, полковник кивнул и, дождавшись, когда в динамике послышится гудок вызова, произнес:

– Хэлло! Здесь Роулинсон, вызываю Мастера.

– Мастер слушает. Вы вернулись, дружище?

– Так точно, сэр!

– Докладывайте!

– Мы нашли в Зоне 51 интересующие нас объекты и вывезли с собой часть материалов.

Роулинсон замешкался, и Мидори кровожадно взвела курок.

– Потери? – спросил Мастер, немного помолчав – видимо, обдумывал поступившую информацию.

– Незначительные. Сэр, я думаю, вам необходимо взглянуть на наши трофеи.

– Ну так в чем же дело, полковник?

– Не уверен, что тащить все это в Цитадель – хорошая идея. Будет лучше, если вы подъедете сюда, сэр! Мы за это время поднимем груз со станции.

Мастер некоторое время молчал, видимо, взвешивая все «за» и «против», потом решительно пророкотал:

– Хорошо, Роулинсон. Думаю, вы правы и знаете, что делаете. Правда, у нас тут возникли кое-какие проблемы, однако… Да, я выезжаю. Но если эти материалы окажутся…

– Это настоящее сокровище, сэр! – скрипуче сообщил полковник. – Мы даже не предполагали, что нам настолько повезет. Это настоящий сюрприз, как на Рождество!

Шибанов и Гумилев переглянулись. До этого момента Роулинсон действовал точно по плану, но последняя фраза насторожила всех.

– Вы меня заинтриговали, полковник, – снова помолчав, сказал Мастер.

– Мы поднимем контейнеры на пост охраны и будем ждать вас, сэр!

– Еду. Конец связи! – И Мастер отключился.

– Сколько отсюда до Цитадели? – быстро спросил у Роулинсона Шибанов.

– Минут тридцать-сорок.

– Мы успеем подняться?

Полковник повернул голову и внимательно посмотрел в разноцветные глаза Ростислава.

– Конечно. Мы на минус пятом этаже. Подъем займет от силы пятнадцать минут. Это же лифт.

– Сколько охранников на посту?

– Трое.

– Мастер сказал: «У нас тут возникли кое-какие проблемы». Что он имел в виду? – внимательно глядя в глаза полковнику, спросил Гумилев.

– Откуда мне знать? Когда я уезжал из Солт-Лейк-Сити, все было в порядке. Точнее, все было, как обычно.

– А что имели в виду вы, говоря про Рождество?

– Увы, tovarishch, я имел в виду именно Рождество и только Рождество, – с печальной улыбкой сказал Роулинсон. – Если вы полагаете, что это кодовое слово, означающее, что я в опасности, то вы заблуждаетесь.

– Надеюсь, – кивнул Гумилев. – Надеюсь…

Контейнеры загрузили в лифт, воспользовавшись складными грузовыми тележками, стоявшими рядком у стены. Снова впавший в научную жадность Вессенберг настаивал на том, чтобы контейнеры не брать, но Гумилев быстро разъяснил ему, что в случае провала операции они все равно достанутся Мастеру, а наверху помогут отвлечь внимание. Мастер может сильно

удивиться, обнаружив, что его встречают с пустыми руками.

Гумилев оглядел свою армию. Хотя это была уже не его армия

– из первоначального состава уцелел только Вессенберг. Да еще Тарасов, который номинально тоже являлся членом отряда, хоть и оказался в итоге совсем не тем, за кого себя выдавал. Вот тебе, грустно подумал Гумилев. Человеку в мозги никак не забраться… Проверки, тестирования, детектор лжи – и каков результат? А что бы он делал, не встреться в нужную минуту банда Шибанова? Сгинул в тоннелях подземной железной дороги?

Первый охранник попался им у самого лифта. При виде Роулинсона он быстро вытянулся и отдал честь, потом сообразил, что с полковником прибыли какие-то вовсе не те люди, но сделать ничего не успел – Роулинсон быстро ударил его в живот, а когда охранник согнулся, добавил ребром ладони по шее. Вессенберг оттащил в сторону сомлевшего вояку и быстро связал скотчем.

– Браво, полковник, – одобрил действия пленного Шибанов. – Так и дальше действуйте.

– Спасибо, tovarishch, – неприязненно отозвался Роулинсон.

Двое других охранников сидели в застекленной круглой кабинке поста охраны и играли в покер. Судя по всему, с дисциплиной в армии Мастера было не ахти, о чем охранники тут же пожалели – их автоматы висели на спинке свободного кресла, не дотянуться. Оба послушно подняли руки и были сноровисто обездвижены тем же Вессенбергом при помощи того же скотча.

– Шустро вы, Индро Юльевич, – похвалил эстонца Гумилев.

– Я в свое время изучал ветеринарию. Там, помимо прочего, учат правильно пеленать кошек для проведения им процедур, – пояснил Вессенберг.

Чемоданчик он так и таскал, в случае нужды кладя на пол и опираясь на него коленом.

Шибанов посмотрел на часы.

– Пора бы уже Мастеру приехать.

– Да, задерживается, – согласился с ним Гумилев. – Я так понимаю, вон те двери напротив – это второй лифт, на котором и спустится Мастер? – уточнил Андрей.

– Да, мы поднялись на одном, он спустится на другом. Видимо, раздельные лифты строились из соображений безопасности. Нельзя сразу с нижних уровней подняться на поверхность, но только миновав пост охраны.

– Разумно… – Гумилев выжидающе посмотрел на тусклый пластик лифтовой двери. Ему не давали покоя слова Роулинсона про Рождество. Как-то не гармонировали они с полковником, да и в переговорах с Мастером смотрелись неуместно…

– Делаем так! – решительно воскликнул Гумилев. –

Контейнеры на тележке – сюда! Вы, полковник, станете рядом с ними. Ростислав, поскольку ты контролируешь полковника, спрячься вот тут, за выступом. Остальным рассредоточиться так, чтобы вас не было видно от дверей лифта!

Быстро и бесшумно команда укрылась за кабинкой поста охраны. Роулинсон растерянно стоял возле контейнеров, Шибанов подергал его за веревку:

– Полковник, постарайтесь выглядеть более естественно!

– Я стараюсь! – буркнул Роулинсон.

Над выходом из второго лифта замигали красные светодиоды – кто-то спускался.

– Общая готовность! – крикнул Гумилев.

Двери отворились, и из кабины высыпали несколько автоматчиков в полном снаряжении наподобие того, что использует спецназ SWAT. За ними вышел Мастер – он тоже был в боевом облачении, но сквозь бронированное стекло забрала Гумилев отчетливо увидел знакомое лицо и прядь седых волос, свисающую на лоб.

– Рад приветствовать вас, сколько бы вас тут ни было! – громко произнес Мастер, подняв руку величественным жестом. – Предлагаю не создавать ненужных эксцессов и поговорить, как приличествует цивилизованным людям.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – подумал Гумилев. – Вернее, Рождество».

– Как видите, я приехал сюда лично, хоть и в сопровождении охраны, – неторопливо продолжал Мастер. Если ему и тяжело было в бронежилете и прочей амуниции, виду он не подавал. – Тогда как вполне мог бы попросту уничтожить вас еще в тоннеле. Поверьте, это не составляет большого

труда.

Роулинсон устало опустился на ближайший контейнер. Он вправе был рассчитывать на пулю в затылок, но, вероятно, надеялся, что убивать его ни к чему. В любом случае, поделать полковник ничего не мог.

– Хорошо, – Гумилев вышел из своего укрытия, опустив оружие. – Давайте поговорим, если угодно. Меня зовут Андрей Гумилев, я – руководитель специальной миссии ООН.?Могу показать вам удостоверение.

Андрей остановился рядом с Роулинсоном и ждал. Мастер улыбнулся за щитком шлема:

– Вот как, ООН? Я ждал, что эта в общем-то никчемная организация рано или поздно пришлет кого-нибудь… Вот только мне странно, что вы не прилетаете в голубом вертолете? [24], а вылезаете из тоннеля, связывающего сверхсекретные объекты,

принадлежащие правительству Соединенных Штатов. Вернее, принадлежавшие – сейчас они находятся под юрисдикцией Республики Солт-Лейк-Сити. И все, что находится на территории этих объектов, принадлежит также Республике.

– Я этого не оспариваю, – утвердительно склонил голову Гумилев. – Правда, я не видел ни одного документа, позволяющего считать Республику Солт-Лейк-Сити правопреемником Соединенных Штатов Америки.

– Скоро такие документы появятся, и вы нам в этом поможете. Надеюсь, вы понимаете, что у нас благие цели?

– Цели – да, но о методах их достижения я готов поспорить.

– О, методы… «Цель оправдывает средства» – это разве не ваш дядюшка Джо?[25] говорил?

– Разочарую вас – подлинный источник неизвестен, но выражение появилось еще в пятнадцатом веке.

– Стало быть, оно проверено временем, – умело парировал Мастер. – К тому же мы здесь сидим, отрезанные от всего цивилизованного мира, и вынуждены устраивать свою судьбу так, как можем. Но давайте перейдем к делу. Я вижу несколько контейнеров и подозреваю, что это далеко не все из обнаруженного на базе Неллис, ведь так?

– Да, сэр, – неожиданно отозвался Роулинсон, так и сидевший на одном из ящиков. – Плюс с нами человек, который может разработать вакцину против вируса. Он творит чудеса!

Шибанов дернул за веревку, и полковник кубарем покатился со своего насеста. Мастер добродушно рассмеялся, наблюдая за этой картиной, но тут же осекся, прокашлялся и сказал:

– Пора заканчивать. Как вы, вероятно, слышали, у нас проблемы наверху. Поэтому я даю вам минуту на размышления. Надеюсь, что вы предпочтете мирно сдаться. Обещаю, что никому не причинят вреда.

– Даже мне?! – высунулся из-за опоры поста Джей-Ти.

– О, наш черный приятель! Никак не ожидал вас тут встретить! – неподдельно удивился Мастер. – Не хотите ли вы сказать, что вместе с вами…

– …Да, – перебил Шибанов, – вместе с ним и я. В прошлый раз я немного помял вашу машину, когда спасался бегством. Можете выставить мне счет из сервиса.

– Ладно вам, мистер Шибанофф! – махнул рукой Мастер. – Вы доставили мне много неприятных минут, как и ваши спутники, но я обещаю, что никто вас не тронет. Скажем так, я многое пересмотрел в своих взглядах на окружающий мир… Но время пошло!

Гумилев оглянулся – рэпер все так же высовывался из-за

опоры, остальных ни Мастер, ни его люди видеть не могли. Стало быть, они не знают, сколько противников им противостоят… Но любая перестрелка – это новые потери…

– Решайте, Андрей Львович, – негромко сказал Шибанов. – Как скажете, так и сделаем. Хотя я бы ему не доверял…

Неожиданно загудели моторы первого лифта, который связывал площадку поста охраны с подземной станцией. Мастер заволновался, отступая под прикрытие своих бойцов:

– Это еще кто?!

– Там никого не было! – закричал полковник, поднимаясь с пола. – Все, кто приехал, здесь!

Двери лифта открылись, и на площадку выскочил, истошно вопя и поливая все вокруг пулеметным огнем, доктор Штреллер.

Глава восьмая

Наверху

Как только мы получим малейший намек, что кто-то думает о том, чтобы сделать что-то с кем-то из американцев и что-то с нашей родиной, знайте: мы не будем сидеть сложа ноги.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Пули рикошетили от скальной породы, от стальных балок и уголков, крошили пластик. Упав на пол и откатившись в сторону, доктор швырнул в сторону солдат Мастера ручную гранату. Вряд ли это было целенаправленным действием – судя по всему, Захария Штреллер сошел с ума окончательно и бесповоротно и врагами числил всех, попавшихся на пути.

– И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные, – визжал ученый. – Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И дивилась вся земля, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?!? [26]

Грохнул взрыв, зачирикали в воздухе осколки. Гумилев прыгнул за контейнеры, туда же резво забежал на четвереньках Роулинсон, благо, длина веревки ему позволяла. Кто-то открыл огонь по Штреллеру, с треском разлетелась световая панель над лифтовой дверью.

– Прекратите! – не своим голосом заорал Нестор Тарасов. – Мы же перебьем друг друга!

– Стреляйте! Стреляйте! – кричал, в свою очередь, Мастер, пытаясь запустить лифт и ретироваться, но механизм включения не срабатывал – видимо, пуля или осколок перебили кабель.

Неудобно устроившись рядом с полковником, Гумилев быстро оценил обстановку. Среди его людей потерь вроде пока не имелось, они удачно попрятались за постом охраны. В щель между контейнерами Андрей видел пару фигур, лежавших неподвижно – убитые или раненые бойцы Солт-Лейк-Сити… Штреллер затаился за выступом скалы и стрелял оттуда короткими очередями, выставляя ствол и не целясь. Достать его

было сложно.

Перестрелка разгоралась – было уже не до дружественного огня, к тому же люди Мастера явно посчитали новую фигуру, вступившую в игру, дрянной шуткой пришельцев. Оставив надежды зацепить Штреллера, солдаты палили по спутникам Гумилева, те коротко и аккуратно отстреливались. Второй раз, подумал Гумилев… Второй раз – сначала на вертолетной площадке, когда переговоры почти увенчались успехом, теперь – здесь… и все из-за идиотских случайностей! Впрочем, в какой-то степени появление Штреллера им помогло. По крайней мере, Гумилев был согласен с Шибановым и доверял Мастеру значительно меньше, чем даже тому же полковнику Роулинсону.

– Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами! – верещал между тем доктор из-за своей скалы. – А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду!

Со стороны группы Мастера раздался выстрел из подствольника, словно выбило огромную пробку из бутылки с шампанским. Граната пошла хорошо и взорвалась метрах в двух над укрытием Штреллера. Тот замолчал на полуслове, но не погиб, а выскочил на открытое пространство. Всклокоченный и окровавленный, оглушенный взрывом и посеченный осколками и скальной крошкой, доктор с диким воплем выпустил последнюю очередь, и Гумилев, находившийся от него метрах в трех, выстрелил ему прямо в лоб. Доктора отшвырнуло назад, он грохнулся на пол, пулемет загрохотал куда-то вниз по узкой технической лесенке.

– Прекратите!!! – снова закричал Нестор, высунув из-за поста руку с белым платком.

Раздалось еще несколько выстрелов, и стало нереально тихо. Гумилев осторожно выглянул из-за контейнера и увидел, что Мастер стоит внутри лифтовой кабины и злобно тычет пальцем в кнопку. Рядом с ним скрючились, выставив автоматные стволы, двое солдат, еще двое или трое корчились и стонали на полу поодаль. Видимо, последняя очередь Захарии Штреллера стала фатальной. А может, и кто-то из ребят Шибанова постарался – Гумилев видел, как та же Мидори азартно палила из двух стволов.

Все было кончено.

Гумилев поднялся из-за ящиков и направился к Мастеру. Тот еще сильнее вдавил палец в кнопку, словно надеялся, что моторы оживут и лифт поползет наверх. Двое солдат отступили к задней стенке, прикидывая, погибнуть за босса или сдаться. Выбрав

второе, они побросали оружие на дно лифта.

– Вот к чему приводят самоуверенность и показуха, – наставительно сказал Гумилев. Возможно, ситуация не совсем располагала к издевкам, но он просто не мог удержаться. – Остались бы наверху, услыхав про Рождество, послали бы отряд головорезов… Не знаю, чем бы это кончилось, но вы в любом случае считали бы себя хозяином положения. А теперь все не так, мистер…

– Называйте меня Мастером, – перебил тот, оставив бесплодные попытки запустить лифт.

– Как-то глупо, не находите? Мастер… Давайте уж я тогда буду называть вас по старой памяти сенатором, идет? Хотя вы давно уже никакой не сенатор.

– О'кей, – криво улыбнувшись, согласился Мастер.

Из укрытий повылезали ребята Шибанова, Тарасов и Вессенберг. В самом деле никто из них не пострадал, Андрей не ошибся. Все же проведенные на Закрытой Территории годы научили беречь себя… А вот спецподготовка, которую проходили и сотрудники его службы безопасности, и Решетников, не научила, получается.

Джей-Ти подошел к трупу доктора Штреллера и с опаской толкнул его ногой.

– Дохлый, – сообщил он с удовлетворением. – Видали, из чего этот торчок палил?! Подобрал мой пулемет с гнутым стволом, как-то его поправил…

– А сюда приехал, скорее всего, прицепившись к вагону где-нибудь снизу. Сумасшедшие обычно хитры и сильны, – добавил Вессенберг. Он все так же держал свой чемоданчик и тревожно посматривал на контейнеры, которые явно не хотел оставлять здесь и с удовольствием поволок бы наверх.

Атика вытащила из-за ящиков до сих пор сидевшего там Роулинсона и перерезала ножом веревку, соединявшую его с Ростиславом. Тут же вертелась Мидори с пистолетом, явно ожидая команды пристрелить негодяя. Нестор Тарасов осматривал раненых бойцов Мастера и задумчиво цокал языком.

– Что вы собираетесь со мной делать? – осведомился Мастер.

Он снял шлем, рассудив, очевидно, что эта тяжелая кастрюля в любом случае не поможет.

– Да что с вами делать… – незлобиво сказал Гумилев. – По-хорошему, судить вас надо, но я не уполномочен на такие акции, да и некогда. Будете с нами сотрудничать? Содействовать?

– Черта с два, – покачал седой головой Мастер. – Вы – русский. А я никогда не доверял русским. Вы патологически агрессивны и на генетическом уровне привержены

тоталитаризму. Даже во Вьетнаме во время войны меня сбили русские…

– Я здесь представляю в первую очередь ООН, а не Россию, – объяснил Андрей. – А у ООН есть сведения, что режим, установленный в вашей так называемой республике, тоталитарный, если не сказать – фашистский. Это к вопросу о генетическом уровне… Поэтому мне в принципе без разницы, хотите вы с нами сотрудничать или нет. Судить вас будет ваш же народ, но не сегодня и даже не завтра. А пока неплохо бы выбраться наверх, согласны? И желательно без ущерба для нас, ибо он тут же может вылиться в ущерб для вас.

– Вы же представляете ООН, – ехидно прищурился Мастер. -

И угрожаете?

– Я-то представляю ООН, а вон тот молодой человек представляет Соединенные Штаты, – Гумилев показал пальцем на рэпера, который с готовностью скорчил гнусную рожу. – Имеет такие же права, как и вы, сенатор.

– Только не в Республике Солт-Лейк-Сити, – возразил Мастер. – Наши законы…

– Твои законы аннулируются, понял меня, плесень?! – злобно рявкнул Джей-Ти. – А потом мы доберемся и до этого чертова Макриди, который меня вздернул на крест!

Мастер тихо засмеялся, пригладил седые волосы.

– Чего ржешь? – подозрительно поинтересовался негр.

– До Макриди добираться не надо. Скорее, Макриди сам доберется до вас. Когда я говорил полковнику о некоторых проблемах, я имел в виду именно его. Так называемая Республиканская армия находится в окрестностях Солт-Лейк-Сити и, похоже, готовится к штурму.

…Наверх они выбирались по техническим лестницам и колодцам. Лифт отказался работать даже после того, как Шибанов и мастер на все руки Вессенберг нашли повреждения в кабелях и восстановили их. Видимо, что-то где-то сгорело или заклинило.

Двоих пленных солдат и трех охранников оставили возиться с ранеными, благо на посту охраны имелся аптечный шкафчик. Мастер без особой охоты, но и не сопротивляясь, последовал за победителями. Несмотря на годы, по лесенке он взбирался уверенно. Снизу его страховал Шибанов; именно страховал, потому что никакой возможности удрать диктатор не имел. Да он и не стал бы – уж кем-кем, а дураком Мастер точно никогда не был. Во вьетнамском плену он нашел способ выжить, просидел там пять с половиной лет, но не сдался, хотя и подписал

признание о своей преступной деятельности против вьетнамского народа. Именно там он получил несколько переломов и с тех пор не мог поднимать руки выше плеч, а потому сейчас карабкался по лесенке несколько странным образом – быстро перехватывая руками металлические прутья прямо перед собой.

Несмотря на все мольбы и стоны Вессенберга, Гумилев наотрез отказался тащить за собой контейнеры. Это было невозможно даже чисто технически: лифт не работал, а по лестницам неуклюжие ящики не поднять. Успокоился эстонец лишь после того, как осознал, что если им контейнеры не унести, то и другим не удастся. К тому же внизу, в поезде, оставались тела их товарищей, за которыми в любом случае необходимо было вернуться.

На всякий случай ксенобиолог отрубил и второй лифт, чтобы из подземного тоннеля не вылез, как выразился Индро Юльевич, «еще какой-нибудь Штреллер».

Если на базе Неллис вход в «метрополитен» был замаскирован под затрапезный сарайчик из гофрированных металлических листов, то здесь все было значительно помпезнее. Конечно, по техническим лесенкам они выбрались в технические же помещения, но затем, распахнув двойную дверь, оказались в подобии зала ожидания. Два ряда пыльных мягких кресел, у окрашенной в бежевый цвет стены – несколько автоматов с прохладительными напитками, жевательной резинкой и чипсами. Сейчас, понятное дело, автоматы не работали. Под потолком висели плазменные панели, тоже покрытые толстым слоем пыли.

В «зале ожидания» никого не было.

– Сюда, – указал полковник Роулинсон.

– Прошу прощения, сенатор. – Ростислав упер пистолет в шею Мастера, чуть выше жесткого защитного воротника бронежилета.

– Бросьте, мистер Шибанофф, – укоризненно произнес Мастер. – Вы же понимаете, что я не собираюсь убегать.

– Я беспокоюсь о том, чтобы ваши люди правильно оценили угрожающую вам опасность.

– Они поймут, уверяю. А вы, мистер Шибанофф, не лыком шиты, – поговорку Мастер неожиданно произнес по-русски, пусть и весьма коряво. – Теперь я думаю, что напрасно вам устроил тогдашнюю проверку. Следовало оставить вас и ваших девушек у себя, достойное занятие нашлось бы. Даже ваш чернокожий приятель пригодился бы – не поверите, но у меня полным-полно бледнолицего отребья, идиотов, которые ему в подметки не годятся. К сожалению, поздновато.

– Да уж, – согласился Ростислав, – как-то совсем не время.

Во дворе, куда они вышли, стояло несколько открытых

армейских джипов старого образца, которые обычно использует Национальная гвардия. Несколько солдат, бивших баклуши, вскочили при появлении своего главнокомандующего. Тут же обнаружили, что тот находится в плачевном положении, и первый лейтенант, видимо, бывший за старшего, нерешительно произнес:

– Сэр?!

– Эти люди со мной, – бесцветным голосом сказал Мастер.

Шибанов приветливо улыбнулся офицеру, не убирая пистолета.

– Да, сэр… Но…

– Я же сказал – они со мной! Не вздумайте устроить пальбу, Лайл! Сложите оружие.

– Да, сэр… – все так же нерешительно отозвался лейтенант.

Судя по бегающим глазам, он не прочь был записаться в герои и потому мог наделать глупостей, как это свойственно всем людям, стремящимся к подвигам. Порывы Лайла вовремя пресек Роулинсон, появившийся вместе со второй частью их небольшого отряда.

– Лейтенант, вы что, не слышите?! – прокаркал полковник. – Или хотите возглавить разведотряд и навестить Макриди?!

– Нет, сэр! – Офицер аккуратно извлек из кобуры пистолет и положил на подножку джипа. Солдаты последовали его примеру.

– Отлично, – буркнул Мастер. – Стоит кому-то приставить к твоей башке пистолет, и тебя сразу перестают слушаться подчиненные…

Разоруженных солдат загнали в здание над станцией и забаррикадировали выход, подогнав туда одну из машин. Разумеется, через какое-то время они найдут способ выбраться, но Гумилеву и Шибанову просто не хотелось тащиться в их компании в Цитадель. Отряд с удобством разместился в двух внедорожниках: первым управлял Роулинсон, как знающий дорогу, за руль второго, не спрашивая разрешения, уселась Мидори.

Всю дорогу до Цитадели Гумилев совершенно по-детски вертел головой – интересно было, как люди здесь устроили свою жизнь. Судя по увиденному, устроили они ее терпимо, правда, суровый быт неуловимо напоминал Северную Корею. При виде военных джипов многие предпочитали от греха подальше скрыться в домах или руинах, а оставшиеся и заметившие Мастера и Роулинсона кланялись.

– Не шибко у вас тут весело, – сказал Гумилев.

Мастер пожал плечами:

– Если бы у вас была возможность оказаться на моем месте,

вы поняли бы, мистер Гумилефф, что в подобных ситуациях демократические формы правления не работают. Нужны лидеры, нужны строгие правила, система распределения жизненных благ, организации труда…

– Допустим. Но зачем вам понадобилось восстанавливать расовую сегрегацию?

– Мистер Гумилефф, вы меня поражаете! Да она никуда и не девалась! Когда в шестьдесят четвертом году президент Джонсон протащил закон о гражданских правах, все аплодировали. Но я что-то не видел, чтобы ярые сторонники этого закона тут же отдали своих дочерей замуж за чернокожих или же позволили сыновьям жениться на негритянках. Не знаю, что рассказывают там у вас в России, но у нас – и особенно на Юге – до сих пор любой белый двумя руками за равноправие, но в церкви старается сесть на скамью подальше от цветных.

На пересечении двух улиц стояла боевая машина пехоты «Брэдли». На стволе двадцатипятимиллиметровой автоматической пушки сушились чьи-то носки, единственный сидевший на броне боец едва не свалился, завидев в проезжающей машине Мастера.

– Не похоже на прифронтовой город, который вот-вот собираются брать штурмом, – усмехнулся Гумилев.

– Лучшие люди на линии обороны, – сухо ответил Мастер.

Полковник молча рулил и в разговор не встревал.

– Здесь те, кто исполняет полицейские функции.

– Боитесь восстания изнутри?

– Опасаюсь, – не стал спорить Мастер. – Всегда находится пятая колонна или просто идиоты, которые полагают, что при новых хозяевах им будет лучше. В случае с Макриди они наверняка прогадают.

Хозяин Солт-Лейк-Сити выглядел сейчас как экскурсовод, рассказывающий досужим туристам о местных достопримечательностях и укладе жизни аборигенов.

– По мне так разницы никакой, – пожал плечами Гумилев, провожая взглядом очередных кланяющихся – пожилую негритянскую пару. Интересно, они оба являются иммунными или познакомились и поженились уже после Армагеддона? Скорее последнее… Вряд ли кому-то повезло сохранить семью – мужа, жену, детей… Куда больше людей просто нашли друг друга в этом безумии, как Шибанов и Атика.

Раньше Шибанов видел Солт-Лейк-Сити в основном ночью, когда они бежали из плена, угнав «Роллс-ройс» Мастера. Ночь и есть ночь – темно, уличного освещения не было, а покидали город

они вообще под землей. Кстати, любопытно: покидали под землей, вернулись тоже под землей…

Цитадель выглядела более знакомой – все же к ней они подобрались при свете дня. На свою голову, как говорится… Тогда их встретил капитан Долтри, ныне лежавший где-то в тоннеле и, скорее всего, уже распотрошенный пауками-мутантами. Капитана было ничуть не жалко – дрянь человек, расист и придурок. Таких Ростиславу в скитаниях по зараженным штатам попадалось предостаточно, и в республике Мастера они могли найти применение. Судя по рассказу Джея-Ти, в армии Макриди дело обстояло не лучше, а сам Макриди был даже хуже Мастера. Бывший сенатор хотя бы пытался создать видимость государства, в котором имелось место для всех. У Макриди была именно армия, и ему требовались не граждане, а солдаты. Понятно, что армию надо обслуживать – потому Макриди и перестал грабить мелкие города и фермы, сменив цель на Солт-Лейк-Сити. А возможно, этих городов и ферм просто не осталось. Смяв их и оставшись без поставок, Макриди двинулся к единственному жизнеспособному оазису – Священному Городу Святых.

«А если кит на слона налезет, кто победит?» – вспомнился Ростиславу детский прикол. Примерно та же история происходила у него на глазах. Мастер и Макриди, кит и слон, наконец-то сошлись в открытом противостоянии.

Ворота Цитадели открылись перед ними молниеносно – охрана опознала и Мастера, и Роулинсона. Как только они въехали внутрь, Шибанов снова приставил пистолет к шее бывшего сенатора США, дабы предупредить любые провокации с его стороны. Гумилев сделал то же самое с Роулинсоном. Ошарашенные взгляды солдат и офицеров говорили о многом, но делать глупости и стрелять никто не стал. Ростислав еще более укрепился во мнении, что подчиненные не слишком-то любят своих боссов.

– Это со мной. Ничего не предпринимать! – предупредил охрану Мастер.

– Наверх, – указал направление Роулинсон.

Они двинулись по широкой лестнице и поднялись в довольно аскетичную комнату: два кожаных дивана, письменный стол, на стенах – несколько фотографий, в основном черно-белые снимки каких-то молодых парней возле допотопных реактивных самолетов. Полковник тут же подошел к стене, отодвинул в сторону пластиковую карту Соединенных Штатов и открыл небольшой бар.

– Кто-нибудь хочет? – дружелюбно спросил он.

– Не время и не место, – отозвался было Гумилев, но Джей-Ти воскликнул:

– Йо, брат! И от тебя есть польза! Дай-ка мне вон ту бутылочку – это ведь, если я не ошибаюсь, старый кентуккийский вискарь?!

– Он самый, – с уважением сказал Роулинсон и бросил рэперу указанный сосуд. Джей-Ти тут же отвинтил пробку и сделал глоток.

– Джей! – предостерегающе произнесла Мидори.

Мастер тем временем по-хозяйски уселся в кресло за столом и поинтересовался:

– Что вы собираетесь делать дальше? Устраивать обещанный суд? По-моему, не время – без меня город возьмут войска Макриди, судить будет некого и некому.

– Кто руководит обороной сейчас? – жестко спросил Гумилев.

– Полковник Донован.

– Это еще кто? – обернулся к Роулинсону Андрей.

– Полковник Национальной гвардии, – пояснил тот, прихлебывая виски. – В смысле, настоящий полковник, не как я.

– Толковый офицер, – подтвердил Мастер. – Но один не справится.

– Как вы оцениваете расстановку сил? – продолжал спрашивать Гумилев.

– Силы примерно равны. Но у Макриди более профессиональная армия. Пока мы строили здесь мирное государство, они кочевали по штатам и воевали.

– «Мирное государство»… – скривившись, повторил вслед за Мастером Андрей. – Самолетов и вертолетов, я так понимаю, нет?

– Почему же? У нас есть вертолеты. Ваши, то есть те, кто за периметром, давно уже не трогают летающие цели внутри. Видимо, поняли, что никто не суется во внешний мир… Потому у нас есть несколько боевых вертолетов, как и у Макриди. Но нет летчиков. Вся война идет на земле. У нас есть танки, но и у Макриди есть танки. У нас есть бронемашины, но и у Макриди есть бронемашины. У нас есть гаубицы – и у Макриди есть гаубицы. Разведывательные данные противоречивы, но в целом, как я уже сказал, силы примерно равны.

– Я был у Макриди, – слегка заплетающимся языком произнес Джей-Ти. – Чува-ак, там головорезы почище ваших проходимцев, даю зуб. Думай, что делать. Учтите и вы, мистер Гумилефф, я не хочу здесь сдохнуть. Один раз уже имел шанс, мне не понравилось, еле-еле удрал. Тут был базар про вертолеты – я уж лучше постараюсь свалить из города на летающей мясорубке, мне не привыкать шастать по пустыне.

– Никто никуда не сваливает, Джей, – сказал Шибанов. – Мы вместе. Или ты предлагаешь разделиться?

– Я ничего не предлагаю, брат. Я хочу раздолбать Макриди, но также хочу, чтобы этот седой хрен не остался в выигрыше.

– А он и не останется, – пообещал Гумилев. – Останется в выигрыше народ Солт-Лейк-Сити. Случайно или намеренно, но господин сенатор собрал здесь множество людей: как плохих, так и хороших. Хороших, я уверен, больше. И отдавать их банде Макриди я лично не собираюсь.

– В чем же дело, мистер олигарх? – Джею-Ти выпивка явно ударила по мозгам. – Звоните в ООН, где там их штаб-квартира, в Нью-Йорке? Пускай они присылают свои войска и зачморят бандитов.

– Джей, по-моему, тебе хватит, – холодным тоном сказала Мидори и отобрала у рэпера недопитую бутылку.

Мастер наблюдал за дискуссией с нескрываемым интересом.

– Я так понимаю, большинство на моей стороне?! – воскликнул он, не скрывая ликования. – Я плохой, но мерзавец Макриди еще хуже? Я вас понимаю – так во время Второй мировой рассуждал Рузвельт, думая, кому же помочь: Гитлеру или Сталину.

– Вот только не надо сравнивать, – предупредил Шибанов.

– Нет-нет, я и не пытаюсь! – поднял руки Мастер. – Но вы же согласны, мистер Шибанофф, что для Америки врагами были как коммунисты, так и фашисты? Президенту Рузвельту было очень сложно выбрать.

– Хватит исторических экскурсов, – отрезал Гумилев. – Да, сейчас мы на вашей стороне. Хотя вы по-прежнему остаетесь нашим пленником, никаких приказов и распоряжений без нашего ведома отдавать не будете. Свяжитесь для начала с этим, как его…

– Донованом, – подсказал Роулинсон.

– Да, полковником Донованом. Что там на подступах к городу, чем занят Макриди и все такое.

– Хорошо, – беззлобно согласился Мастер и вынул из ящика стола рацию.

Он нажал несколько кнопок, повернул рацию динамиком к собравшимся в кабинете. В динамике зашуршало.

– Да, сэр? Донован на связи.

– Я вернулся. У нас появилось несколько неожиданных союзников, – с этими словами Мастер подмигнул Шибанову. – Как обстановка?

– Они выжидают, сэр. По докладам разведчиков – подтягивают бронетехнику.

– Много?

– Оценки разные. Думаю, наша противотанковая оборона может справиться.

– Вы думаете… – Мастер помолчал. – Советуете ждать штурма?

– Мы можем нанести упреждающий удар, но… Сэр, может быть, нам стоит использовать «Чарли»?

Большой палец Мастера молниеносно скользнул на кнопку; он потряс замолчавшую рацию и озабоченно пробормотал:

– Что-то со связью… Помехи?

– Не трудитесь, сенатор, актер из вас никудышный. Что такое «Чарли»? – спросил Гумилев, бесцеремонно присаживаясь на краешек стола.

– Портативный ядерный заряд, – честно ответил Мастер после некоторого молчания.

– Ну ни хрена себе! – присвистнув, воскликнул подвыпивший Джей-Ти и свалился с дивана.

Глава девятая

Путешествие с «Чарли»

Я главнокомандующий, понимаете? Мне не нужно что-либо объяснять - мне не нужно объяснять, зачем и что я говорю.

И это самый интересный момент в работе президента.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Ростислав Шибанов прекрасно помнил оборону маленького городка Уотерхоул, где они жили некоторое время. Армия Макриди прихлопнула его буквально мимоходом. Но Уотерхоул представлял собой укрепленный форт, а Солт-Лейк-Сити, за исключением Цитадели, был обыкновенным городом.

Сейчас они стояли в круглой башне комплекса водоочистных сооружений. Для наблюдательного и командного пункта она подходила как нельзя лучше – толстые стены из армированного бетона, узкие окна-амбразуры, основание уходит в песчаниковый холм. У стены – приборы связи, чтобы Мастер мог получать сведения со всех участков грядущей битвы.

Мастеру принесли вертящееся кожаное кресло. Здесь никто не обращал внимания на отряд Гумилева – Шибанова. Видимо, считали, что это некие новоявленные союзники. Правда, на Джея-Ти посматривали с нескрываемым удивлением, потому что негры на командных должностях в Республике не использовались. Внизу, в траншее, их было предостаточно, но на командном пункте…

Мастер чувствовал себя вполне комфортно. Какой-то шнырь из сержантов притащил ему портативный холодильник с бутылками ананасового сока, и сейчас бывший сенатор сидел с запотевшим стаканом в руке. Картину несколько испортила Мидори, которая без спроса взяла из «генеральского» холодильника бутылку, с громким хлопком открыла и принялась пить.

– Вижу какое-то движение, – сказал Гумилев, вглядывающийся вдаль через мощную оптику армейского бинокля. -

Пыль.

– Перегруппировываются перед атакой, – спокойно предположил Мастер. – Или просто маневрируют, мало ли… Они

там постоянно перемещаются. Может, дурят нам голову.

Полковник Роулинсон сидел тут же; похоже, он снова чувствовал себя паршиво. Нестор Тарасов стоял за его спиной, как бы наготове. Второго полковника армии Солт-Лейк-Сити, Джейсона Донована, никто так пока и не видел – он находился где-то на переднем крае, в траншеях. Судя по докладам, это был толковый командир. Да и почему у Мастера должны были собраться одни подонки и дебилы? Любая централизация в подобных условиях привлекает самых разных людей.

Так думал Ростислав, глядя на их отряд. На их общий с Гумилевым отряд, потому что никто не решился бы сказать, кто здесь командир.

Шибанов не знал нюансов, но понимал, что Вессенберг чем-то проштрафился (видимо, тот случай, когда он ниоткуда появился со своим чемоданчиком, а затем устроил катавасию с гранатой), а симпатичный Тарасов вообще был не тем, за кого себя выдавал Гумилеву. С Роулинсоном у Тарасова были любопытные взаимоотношения – похоже, они давно и хорошо знали друг друга. Но, с другой стороны, Тарасов был именно тем человеком, который снял с креста и исцелил Джея-Ти. Ростислав давно уже отчаялся что-либо понять и решил, что разберется потом, когда им удастся отстоять Солт-Лейк-Сити.

Если удастся отстоять.

– Так, что вы там говорили про «Чарли», сенатор? – неожиданно спросил Гумилев, передавая бинокль стоявшей рядом Мидори.

– Портативный ядерный заряд, – сказал Мастер, сплетя пальцы рук на животе. – То, что обычно называли «ядерным чемоданчиком». Мощность – половина килотонны. Весит около шестидесяти килограммов. Не спрашивайте, где я его раздобыл, все равно там больше нет.

– Насколько я понимаю, «Чарли» предполагалось доставить в тылы Макриди?

– А что же с ним еще делать? Мы не самоубийцы. Хотя половина килотонны – это не так уж много. Тактическое ядерное оружие, не стратегическое.

– Я понимаю. – Гумилев поскреб подбородок с безбожно отросшей щетиной.

– Вы же знаете, что в свое время на севере кто-то взорвал несколько ядерных бомб куда большей мощности. Невада, вы там были, – продолжал Мастер. – Вообще я давно понял, что не так страшен черт, как его малюют. Ограниченная ядерная атака не причинит никому вреда. В той же Хиросиме или Нагасаки люди живут припеваючи.

– Давайте вернемся к «Чарли», – предложил Гумилев. – Что, если кто-то доставит чемоданчик в лагерь Макриди?

– Неужели вы серьезно?! – с нескрываемым возмущением воскликнул Вессенберг.

– Да, серьезно, – сухо ответил Андрей. – Итак, сенатор?

– Доставить не проблема, – широко улыбнулся Мастер, продемонстрировав результаты трудов хорошего стоматолога. – Проблема – выбраться назад. Замедление – десять минут. Из зоны поражения выйти нельзя, диверсант попросту не успеет.

– Уехать?

– Теплее, как говорят детишки. Но малореально. Вы еще скажите «улететь».

– С учетом вертолетов, которые есть как у вас, так и у Макриди, это тоже вариант. Но черт с ними. Уедем. У вас есть обмундирование Республиканской Армии?

– Обычная форма Вооруженных сил США, – развел руками Мастер. – Здесь ее полно, на армейских складах. У них есть собственные нашивки, но и этого добра хватает – полковник Донован натаскал из рейдов. Однако я не понимаю – вы что, собираетесь послать туда камикадзе?

– Почему же камикадзе? Умирать никто не собирается, разве что в самом крайнем случае. Где «Чарли»?

– Так я вам и сказал, – рассмеялся Мастер. – Сначала расскажите мне, что у вас за план, мистер Гумилефф.

На командном пункте наступила тишина – все смотрели на Андрея. Слышно было, как внизу, в траншеях, сержанты матерят ополченцев, а кто-то играет на губной гармошке унылый блюз.

– Ничего сверхсекретного, сенатор. – Гумилев уселся на пол по-турецки. – Несколько человек одеваются в форму армии Макриди. Потом мы выходим из города и пробираемся в их лагерь. Закладываем заряд и взрываем. Полагаю, даже профессиональная, кадровая армия разбежалась бы после такого, а эти – и подавно.

Мастер с любопытством посмотрел на Гумилева.

– Вы серьезно?

– Более чем.

– А что вам это даст? Вы же не готовы сложить за меня головы?

– А при чем тут вы, сенатор? – Гумилев все так же сидел по-турецки посередине комнаты, словно на пляже. – У меня есть свои обязательства. Если вы случайно оказались в зоне моих интересов, благодарите Господа. Или Сатану, кто там для вас ближе.

– Боже, очисти меня, грешного, ибо ничего истинно доброго я

не сделал никогда пред Тобою, – забормотал неожиданно Мастер. – Но избавь меня от всякого зла, и да будет во мне воля Твоя, да неосужденно отверзу уста мои недостойные и восхвалю имя Твое Святое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

– Хорошо сказал, мужик! – воскликнул Джей-Ти. – Я однажды слыхал одного проповедника, тот, правда, был черный, но ты тоже крут! Но тот еще при этом плясал. Ты можешь сплясать?

Мастер неприязненно посмотрел на бывшего рэпера и почесал нос.

– Вы не против нашей вылазки? – уточнил Гумилев.

– Это наш самый последний шанс. Я имею в виду «Чарли», – серьезно сказал Мастер.

– А у вас есть разве иные шансы? Сесть на поезд и удрать с группой приближенных лиц на базу Неллис?

– Я этого не говорил, – насупился Мастер.

Как ни крути, он тоже был человеком чести, и Гумилев это понимал.

– И?!

– Берите, – сказал Мастер, пристукнув кулаком по столу. – Берите «Чарли».

– Вы останетесь под присмотром моих людей, – предостерег его Андрей.

– А то я не знал! Конечно, останусь. И если что-то пойдет не так, они меня пристрелят, не правда ли?

– С чего бы? Живите на здоровье – если провалится наша затея, вам все равно кирдык!

– Кирдык? – недоуменно переспросил Мастер, потому что слово прозвучало по-русски.

– Если мы не сможем уничтожить тылы Макриди, Солт-Лейк-Сити падет.

Мастер молчал. Он посмотрел на стену, где на черно-белой фотографии веселые молодые парни стояли возле реактивного истребителя на палубе авианосца.

– Хорошо, – сказал он. – Я дам вам «Чарли».

– А я пойду с вами, – неожиданно произнес полковник Роулинсон.

Пресловутый «Чарли» представлял собой обычный кожаный чемодан вполне разумных размеров, но слишком тяжелый для своих габаритов. Под кожей угадывался металл.

– Открывать его не нужно, – проинструктировал Гумилева смуглый человек с длинными усами, отрекомендовавшийся как майор Бенитес. – Вот здесь откидываете крышечку, вводите

цифровой код, потом замедление, потом убегаете. Если успеете.

– Мы собираемся уехать, – сказал Гумилев.

– Уехать, может, и получится, – одобряюще закивал Бенитес, тряся усами. – Да-да, уехать – это вариант.

– А если его найдут до взрыва? – осведомился уже переодетый, как и все, в форму Республиканской армии Шибанов. Инструктаж слегка удивил бывшего хоккеиста: смертельное оружие привести в действие оказалось едва ли не проще, чем электрический паровозик для детской железной дороги.

– На здоровье. – Бенитес ухмыльнулся, обнажив на миг коричневые от жевательного табака зубы. – Отключить они его не смогут, а если попытаются уничтожить, то взрыв произойдет раньше времени.

– Кстати, а зачем вообще нужна такая штука? – поинтересовался Джей-Ти, осторожно трогая пальцем кожу чемодана. – Взрывать президентов?

– Все значительно проще, – покачал головой майор Бенитес. – Это инженерные фугасы, служащие для создания заграждений за счет образования воронок, завалов в горных массивах и зон разрушений и затоплений в сочетании с радиоактивными осадками. Разрабатывались фугасы и другого назначения. Когда еще Германия была разделена пополам, наши военные выдвигали идею создания по границе ГДР и ФРГ так называемого ядерно-минного пояса, который должен был подорваться по радиосигналу уже в тылу красных – в случае их наступления. Одна из конструкций предполагала, что в корпусе мины будут находиться куры, для того чтобы обеспечить необходимое тепло внутри устройства во время зимних холодов. Кур предполагалось закрыть внутри с запасом продовольствия и воды. Считалось, что птицы оставались бы живы в течение по крайней мере недели. Рассчитывалось, что тепла, выделяемого курами, было бы достаточно, чтобы держать все необходимые компоненты ядерной мины в боевой

готовности.

– А что, Германия была разделена пополам?! – удивился Джей-Ти. – За каким хреном? Слушайте, да вы чокнутые, как помойные крысы! Понаделали бесовских игрушек, засунули туда бедных кур… Нет, чтобы сделать какой-то полезный прибамбас! И потом, ты сказал про радиосигнал. Почему мы не можем взорвать радиосигналом вот этот чемодан?

– Потому что эта модель была приспособлена для дистанционного взрыва, – терпеливо пояснил майор, – но у нас отсутствует передатчик. Изготовить его самим невозможно.

– Слушайте, – сварливо сказал Джей-Ти, – я умирал уже

несколько раз, и мне этот процесс ни черта не нравится. Давайте привяжем эту ядерную хрень на спину гнилому полковнику, и пусть он бежит себе в тыл к Макриди.

– Джей, тебя никто не заставляет идти с нами, – миролюбиво произнес Ростислав. – Нам, собственно, и не нужно столько народу. Я и Андрей Львович, мы справимся вместе. Если вдруг одного убьют, другой запустит адскую машинку. Да вот еще и Роулинсон с нами.

– Черта с два! – противореча сам себе, заявил негр. – Стало быть, вы думаете, что старина Джей сдулся?! Я просто предложил разумный вариант, но если вы считаете, что белая башка варит круче черной, делайте как знаете. Если будем подыхать из-за вашей самонадеянности, я успею плюнуть вам вслед, когда черти потащат вас в ад.

– А тебя-то куда в конце концов потащат?! – удивился Шибанов.

– В рай, – не мешкая, отвечал рэпер. – Мне очень пойдут крылышки, на арфе я тоже сбренчу чего-нибудь… Правда, не знаю, что там насчет телок, самые хорошие как раз должны угодить в ад за грехи, но полагаю, что парочка для меня всегда найдется. Если что, пожалуюсь Мартину Лютеру Кингу? [27], думаю, он там котируется и замолвит пару словечек за черного брата.

Подумав немного, рэпер добавил:

– А еще я надеюсь, что мне там попадется чертов Макриди. И уж тогда я не позволю, чтобы он спокойненько зажарился на атомной бомбе, нет, чуваки! Я его отведу в укромный уголок, а потом…

И Джей-Ти принялся перечислять страшные кары, которые ожидают самозваного генерала.

Следить за Мастером остались Мидори, Атика, Нестор и Вессенберг. Андрей был уверен, что это более надежная охрана, чем даже если бы на командном пункте остался он сам.

Окружение Мастера относилось к присутствию чужаков по-разному – от открытой неприязни до скрытого дружелюбия. Далеко не все, конечно, понимали, что эти люди постоянно держат Мастера под прицелом, а из тех, кто понимал, далеко не все ему сочувствовали. В целом же все выглядело так, словно невесть откуда появившиеся союзники сидят вместе с главнокомандующим и президентом в одном лице на командном пункте и руководят обороной города. То, что даже в комнату для мальчиков Мастер отлучался исключительно в сопровождении длинноволосого типа в золотых очках, относили к особым условиям безопасности. Прибывших с подземной станции солдат,

которые видели арест Мастера, Роулинсон распорядился отправить куда-то на юг – как понял Андрей, на дальний форпост. Раненых же поместили в госпиталь, где особенно болтать им было не с руки.

– А оно не рванет раньше времени? – уточнил Роулинсон, рассматривая ядерный чемоданчик.

Полковник был на удивление трезв и рассудителен. На КП Нестор полечил его наложением рук (Гумилев положил себе на будущее разобраться во всей этой экстрасенсорике) и сменил бинты. Мельком Андрей заметил раны, глубокие и безобразные, как будто горло полковника кто-то жадно грыз и жевал.

– У нас все как в аптеке! – отозвался Бенитес с гордостью. – Плюс-минус миллисекунда. Я проверял таймер несколько раз, сэр!

Гумилев поднял чемоданчик за рукоять, поводил плечами – тяжело, но сносно. Он отказывался думать, что держит в руке смерть для многих сотен или даже тысяч людей. А с другой стороны – спасение для многих сотен или тысяч людей. У себя в корпорации он привык решать сложные, тяжелые вопросы, но не такого уровня. А после гибели в тоннелях почти всей группы безопасников…

В глубине души он надеялся, что в живых остался хотя бы верный Санич, напоминал себе, что при первом удобном случае нужно послать туда поезд, да и тела, хранившиеся в вагонах, похоронить по-человечески… Но к таким потерям Андрей не привык. И вину за них он полностью возлагал на себя. Да, он заплатит все, что полагается по контрактам, даже Ивановой – ведь ее родственники ни в чем не виноваты. Но люди погибли. А Кирилыч? Он вообще не входил в список службы безопасности, был прикомандирован…

Стоп, сказал себе Гумилев. Приедем домой (если приедем), тогда будем писать рапорты и отчеты. Сейчас нужно спасать тех, кого еще можно спасти.

Андрей совершенно не представлял, как он сможет вытащить за периметр тех же ребят Шибанова. Правила никто не отменял, ему и самому-то выбраться будет сложно. В Твин-Фоллз

небось все на ушах стоят. А значит, необходимо выиграть войну. Чтобы Солт-Лейк-Сити стал площадкой для борьбы с вирусом, нормального контакта с иммунными и зараженными, чтобы все это наконец закончилось.

Конечно, можно устраниться от борьбы, связаться с ООН, потребовать немедленного вмешательства…

Вот только он прекрасно понимал, что никакого вмешательства не будет. Слишком велик страх перед вирусом,

царствующим на Запретных Территориях. Никаких наземных операций – разве что авиация отутюжит позиции Макриди ковровой бомбардировкой. Но Гумилев отдавал себе отчет, сколько потребуется времени, чтобы подготовить такую операцию. И это в том случае, если ему удастся аргументированно объяснить, почему бомбить нужно именно армию Макриди…

За это время войска бывшего торговца подержанными автомобилями возьмут Солт-Лейк-Сити три раза.

Нет, решать проблему придется самому.

– Вы-то зачем с нами идете, полковник? – спросил Шибанов.

Роулинсон откусил заусенец с ногтя, сплюнул и сказал:

– А черт его знает. Зачем серийные убийцы перед тем, как их посадят на электрический стул, предлагают использовать их для медицинских опытов? К тому же я знаю местность, в отличие от вас.

Бенитес с интересом посмотрел на полковника, но ничего не сказал. Отойдя к маленькому столику в углу комнаты, он взял бутылку мескаля и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка.

– Скоро не будет приличного мескаля, – с видом знатока сообщил он, разглядывая плавающего в бутылке червяка. – Некому делать хороший мескаль. В Мексике, может, все в порядке, хотя черт их знает… Да и кто сюда привезет мескаль из Мексики?

– Майор, идите к дьяволу вместе со своим мескалем, – пожелал ему Роулинсон.

– Э-э, полковник, – отозвался Бенитес, взмахнув бутылкой. – Я давно уже в его лапах, с тех пор как убил жену и сына, когда они бросились на меня и хотели загрызть. Если хотите, я взорву «Чарли» прямо сейчас, и все мы отправимся по месту назначения – в ад.

– Может, его и послать? – тихонько спросил у Шибанова Джей-Ти.

– Ага, и он рванет прямо у нас под носом. Нет-нет, человеку с суицидальными наклонностями такие вещи доверять нельзя.

Андрей взял тяжелый чемоданчик и при помощи усатого майора упаковал его в ранец с прочными ремнями.

– Давайте я понесу, – вызвался Шибанов.

– Все понесем, – сказал Гумилев, влезая в лямки и закрепляя их по своему росту, чтобы рюкзак не сползал. – Будем меняться, штука довольно тяжелая…

– Шестьдесят кило с небольшим, – подтвердил Бенитес.

Ничего особенного из оружия тащить с собой они не стали –

укороченные автоматы, пистолеты. Поразмыслив, Андрей выдал автомат и полковнику; Джей-Ти сделал круглые глаза, но комментировать не стал. Разумеется, существовала вероятность, что Роулинсон может их перестрелять или сдать Макриди и сдаться сам, но очень незначительная. Роулинсона у Макриди прекрасно знали и вряд ли сохранили бы ему жизнь. Тем более при тамошних порядках, согласно которым Джею-Ти пришлось расплачиваться за давнишнее происшествие на дороге.

Они вышли за стены города и начали спуск по небольшому каменистому склону, помогая друг другу. Джей-Ти все-таки не удержался и съехал вниз на заднице, отчаянно чертыхаясь. Спустившийся следом Роулинсон протянул ему руку, чтобы помочь подняться, но негр только злобно зыркнул на полковника и встал сам, шумно отряхиваясь.

Роулинсон повел диверсантов по каким-то трещинам и оврагам, заросшим ползучей зеленью. Из-под ног стремительно разбегались мелкие ящерицы, однажды попался небольшой шакал, который тявкнул на людей и скрылся в расщелине. Гумилев припомнил, что именно в штате Юта, кажется, водятся, «собачки прерий» – лохматые суслики, переносящие в том числе чуму. Хотя до чумы ли сейчас? В сравнении с древней бедой человечества, когда-то опустошавшей континенты, а затем легко побежденной антибиотиками, вирус «Армагеддон» был куда страшнее.

Сусликов они так и не увидели, зато обнаружили двух разведчиков Макриди. Не замечая противника, те расположились в небольшой низинке на отдых – что-то пили из фляжек, жевали коричневые полоски – видимо, вяленое мясо. Теоретически на них можно было напасть без особого труда, но зачем? Несмотря на то что все диверсанты были в форме Республиканской армии, разведка могла почуять неладное и открыть огонь, а это совсем ни к чему. Да и что с ними потом делать? С собой не потащишь, обратно в Солт-Лейк-Сити – подавно, оставалось только прикончить. А смысл? Конечно, если удастся взорвать «Чарли», то погибнет несравненно больше бойцов Макриди, но те смерти будут в чем-то оправданными. А эти – нет. Пусть себе едят.

И Гумилев погрозил пальцем Джею-Ти, который уже снимал с плеча автомат.

Они двигались без остановок. Форсировали почти пересохшую речушку, потом перебрались через небольшое плато, когда-то ставшее ареной кровавой битвы: вокруг валялось не меньше десятка одетых в тряпье скелетов, ржавое оружие, стреляные гильзы, распотрошенные людьми или зверями рюкзаки и сумки.

– Может, мелкие банды поцапались, а может, чокнутые… – безразлично сообщил Роулинсон, поддевая ногой лежащий на земле «калашников» без магазина. – Тут чего только не творилось…

– Вы нам еще будете рассказывать, полковник, – не удержался Шибанов.

– Ах, да. Извините, tovarishch… – рассеянно сказал Роулинсон.

Гумилев подумал, что история происходившего на Закрытой Территории всегда будет покрыта белыми пятнами. Вымершие и уничтоженные города, самозваные вожди и генералы, битвы, о которых никто никогда не узнает… А в целом все пришло к закономерному результату – схватке двух пауков в банке. Деваться им из банки некуда, приходится сражаться между собой. Победителю достанется все – то есть банка в безраздельное владение. И так получилось, что им пришлось выбирать, какой из пауков более мерзок, чтобы помочь второму…

– Полковник, а что вы будете делать после всего этого? – неожиданно для себя спросил Андрей.

Роулинсон привычным движением поправил бинты.

– После чего «всего этого»?

– Скажем, Макриди проиграет. Потом мы свяжемся с ООН, Тарасов разберется с вакциной, в периметре откроют коридор…

– А, вот вы о чем? Ну, во-первых, я не до конца уверен, что доживу до этих прекрасных дней. А во-вторых, если доживу, то вы вместе с господином хоккеистом сделаете все, чтобы засадить меня в тюрьму до скончания веков. Если мистер Тарасофф, как вы его называете, меня вылечит, то я могу просидеть долго. Лет двадцать, не меньше.

– Почему-то мне кажется, что с учетом экстремальных обстоятельств на многое придется закрыть глаза. Иначе придется сажать по тюрьмам десятки тысяч людей.

– Полагаете? – Роулинсон покосился на Гумилева с интересом. – Думаете, будет амнистия?

– Думаю, что валяться на пляже Флориды вас никто не отпустит, но и в тюрьму не посадят. Станете восстанавливать разрушенную инфраструктуру.

– Это ваш русский подход – отправлять на лесоповал или в рудники, tovarishch. У нас преступника всегда старались или сразу поджарить на электрическом стуле, или усадить в кутузку, чтобы он на деньги налогоплательщиков жрал там в три горла и качался на тренажерах. Но ход ваших мыслей мне нравится… В самом деле, если с лекарством от вируса у вас выгорит, то ооновцы примчатся сюда на всех парусах расставлять свои

палатки и раздавать мешки с гуманитарным рисом. Они это любят. Организация в целом никчемная, но впечатляет. Нам вот туда, между двумя скалами, – резко сменив тему разговора, указал направление Роулинсон. – И осторожно, там могут быть передовые посты.

Передовых постов за означенными скалами не обнаружилось, зато в долине внизу был прекрасно виден лагерь Республиканской армии. Судя по открывшейся картине, генерал Макриди готовился к штурму Солт-Лейк-Сити более чем серьезно. Разномастные танки и бронемашины, несколько зачехленных 105-миллиметровых буксируемых гаубиц М102, легкие безоткатные орудия, прицепленные к «хамви» в песчаном камуфляже… Несколько больших палаток, затентованные грузовики с тупыми квадратными мордами радиаторов, санитарные автомобили, множество самодельных средств передвижения типа багги, снабженных турельными пулеметами.

Сгруппировано все довольно глуповато, но ведь в этом мире фактически нет авиации.

– Когда мы обороняли Уотерхоул, Макриди не выделил на штурм и двадцатой части того, что тут есть, – мрачно произнес Шибанов, лежа рядом с Андреем на бугристой известняковой плите. «Чарли» сейчас был у него. – А ведь это даже не все его силы…

– Для того и существует наш план, – сказал Гумилев. – Основные силы будут уничтожены, если повезет – то и штаб. А без штаба и без самого Макриди остальные могут задуматься: а зачем рисковать и лезть на приступ Солт-Лейк-Сити?

– А половина килотонны у нас в рюкзаке – это много? – поинтересовался Джей-Ти. – Я ни хрена в этом не понимаю, сэр, я обычный музыкант. Ну, еще немножко гангстер, но у нас в гетто привыкли разбираться между собой без этих подлых конструкций – берешь кастет, пистолет или там «узи», идешь и разбираешься. Все честно, как и должно быть между нормальными людьми.

– Половина килотонны – это немного, – не сдержав улыбки от очередного рассказа про гетто, пояснил Гумилев. – На Хиросиму американцы сбросили бомбу мощностью около пятнадцати килотонн.

– Про Хиросиму я читал, – закивал Джей-Ти. – До сих пор не понимаю, зачем наши это сделали. Все равно ваши большевики сразу же неслабо прижали япошек, так что они быстро задрали лапки. Притом красные сражались с военными, а наши бомбили мирные города.

Шибанов и Гумилев переглянулись: рэпер в очередной раз продемонстрировал, что куда более образован, нежели хочет

казаться. Еще недавно он выдавал перлы типа: «Все знают, что, если бы не Гитлер, вы бы никогда не разгромили Наполеона! А Гитлера и его союзника Мао победили американцы». А теперь довольно здраво рассуждает о действиях США в войне с Японией…

– Я чего-то не то сказал? – подозрительно уставился на них Джей-Ти.

Шибанов засмеялся, а Гумилев ехидно заметил:

– Ты забыл, что на стороне японцев были Фидель Кастро и Человек-Паук.

– Чело… – начал было рэпер в недоумении, запоздало сообразил, что над ним прикалываются, и сплюнул.

– Если вы закончили веселиться, – сказал полковник, – тогда давайте спускаться в долину. Предлагаю добраться скрытно хотя бы вон до тех грузовиков, а там уже прикинуться своими и передвигаться открыто. Если выгорит…

– Я боюсь, что если увижу Макриди, то пристрелю его, – признался Джей-Ти.

– Тогда вся наша миссия пойдет насмарку, – сказал Андрей. – Так что потерпи.

– А если он меня узнает?

– Мы постараемся не вертеться вблизи от Макриди. В конце концов, мы же не гранату несем. Укрепим заряд где-то с краю, но так, чтобы взрыв накрыл большую часть лагеря. Детонация боеприпасов, баки с горючим… – Гумилев помолчал, представляя описанное. – Здесь будет ад.

– В аду им всем самое место, – оскалился негр.

Намеченные ими как ближайшая цель грузовики REO стояли под небольшими деревцами, и возле них никого не было. Либо охрана хорошо замаскировалась, либо Макриди был уверен, что защитники Солт-Лейк-Сити прячутся в городских укреплениях и не планируют упреждающих вылазок. В принципе это было правильным: мелкие удары и диверсионные акции расстановки сил уже не изменили бы, а о наличии у Мастера портативного ядерного заряда Макриди, конечно же, не подозревал. Не следовало забывать и о том, что самозваный генерал в «прошлой жизни» был всего-навсего торговцем подержанными автомобилями. Его многочисленные победы, как и создание боеспособной армии с крепкой внутренней дисциплиной, иначе как чертовским везением вкупе со скрытыми талантами военачальника объяснить было нельзя. Мастер, который при всех своих минусах все же когда-то был кадровым военным и даже героем, это понимал, но противника опасался. И правильно

делал.

Гумилев не видел армию Мастера, хотя знал, что там тоже есть и танки, и бронемашины, и гаубицы. Однако у Макриди все это смотрелось значительно серьезнее.

В тени деревьев они перевели дух, отряхнулись и привели себя в порядок. Старшим в четверке, согласно полученным нашивкам, был Гумилев – в звании капитана. Надеялись, что в Республиканской армии слишком много солдат, чтобы знать всех в лицо. Джей-Ти надвинул каску пониже, а полковник попытался как мог замаскировать свои бинты на горле воротником куртки.

– Постарайтесь вести себя естественно, – шепотом сказал Гумилев, оглядывая воинство. – Не стрелять, пока не станет ясно, что другого выхода нет.

– А что бы нам не положить снаряд прямо здесь? – предложил Джей-Ти. – Засунуть вон под грузовик, и все дела.

– Вон там, с противоположной стороны, стоят танки, – махнул рукой Гумилев. – Полкилотонны может не причинить им никакого вреда, если мы взорвем «Чарли» тут.

– Значит, надо было с той стороны и заходить, – проворчал негр.

– С той стороны нельзя, – возразил Роулинсон. – Нужно обходить всю долину, попадемся.

Выйдя из-за грузовиков, они прошли немного дальше, стараясь выглядеть максимально непринужденно для солдат, и оказались среди военно-лагерной жизни. Кто-то пил кофе, кто-то жарил на костерке дичь (в небольших тушках Гумилев опознал тех самых сусликов – «собачек прерии»), иные чистили оружие, возились в двигателях автомашин, снаряжали пулеметные ленты… Проходящий мимо офицер коротко козырнул Гумилеву, тот ответил. Судя по всему, никаких подозрений диверсанты пока не вызывали.

– Вон там нечто похожее на временный склад, – сказал Гумилев Ростиславу, не боясь, что в лагерном шуме его кто-то услышит. – Предлагаю идти туда.

– Не вопрос, – отозвался Шибанов.

Он почему-то с самого начала решил для себя, что вернется в Солт-Лейк-Сити. Вернется, потому что там осталась Атика. О том, что жена сейчас не сидит в шезлонге на берегу бассейна, а стережет хитрого и коварного врага, Шибанов старался не думать. Они справятся, там ведь рядом Мидори, да и двое из экспедиции Гумилева тоже чего-нибудь да стоят.

А ведь у самого Гумилева в Москве осталась дочь. Ростислав вспомнил, как Андрей Львович рассказывал о ней во время

тоскливого шествия по тоннелю. Кажется, Маруся… Да, точно, Маруся.

Странный все же человек этот олигарх. Не послал подчиненных, пошел сам. Другой бы смылся отсюда, используя любую возможность, а этот вначале полез в тоннель, потом схватился с Мастером (а ведь мог бы договориться, большие люди всегда сумеют найти компромисс, наплевав на окружающих), устроил эту вылазку… Что ему с победы над Макриди? Это же Америка, а не Россия, пусть бы и дальше грызлись между собой, раз уж так называемому мировому сообществу на Закрытую Территорию наплевать. Но нет, Гумилев болеет за местных как за своих.

Странный, странный человек. Его и олигархом-то называть, наверное, неправильно. Ростислав помнил, что слово «олигархия» означает форму правления государством, при которой власть сосредоточена в руках узкого круга лиц – этих самых олигархов – и соответствует их личным интересам, а не всеобщему благу. Гумилев, возможно, властью обладал, и огромной, но уж никак не стремился ее использовать в личных интересах. Такой человек не стоял бы сейчас рядом с Шибановым, одетый в запыленную форму, прикидывая, куда установить ядерный заряд, имея притом реальные шансы погибнуть.

Деду бы Гумилев понравился, решил Ростислав.

Джей-Ти шел по небольшой «улочке», с одной стороны образованной рядом палаток, а с другой – строем бронетранспортеров с армейскими белыми звездами на бортах. Он уже почти успокоился и подумал, что операция пройдет как по маслу, как вдруг увидел человека, которого никак не ожидал увидеть.

Капитан Смоллвуд, с которым жизнь его сводила уже трижды, стоял возле палатки и разговаривал о чем-то с рыжеусым толстячком, сплошь перепачканным машинным маслом.

В первый раз Смоллвуд был обычным дорожным бандитом по кличке Гофер. Гофер означало Суслик и весьма подходило тщедушному трусливому очкарику. Он с другими такими же подонками из только начавшей собираться армии Макриди пытался обобрать их на трассе, но вышло наоборот.

Гофер тогда уцелел и вторично встретился Джею-Ти в городке Уотерхоул. Тогда он уже именовался офицером Смоллвудом и приходил в городок, чтобы предъявить его защитникам ультиматум Макриди. Ультиматум защитники Уотерхоула не приняли, городок был сметен с лица земли, а Джею с друзьями с трудом удалось бежать. Где-то там осталась

его девушка, Минни. Джей-Ти надеялся, что она жива…

В третий раз Смоллвуд оказался на пути Джея-Ти после того, как рэпер сбежал из камеры в Солт-Лейк-Сити, куда был брошен Мастером. Джея поймали солдаты Макриди, посчитали шпионом, а капитан Смоллвуд к тому же опознал его. В итоге Джея распяли на кресте, и если бы не помощь таинственного русского, Нестора Тарасова, которого полковник Роулинсон еще называл Нефедовым, то Джей так бы и сдох на том кресте. Иисусу было проще, за ним хотя бы присматривал отец…

Незадолго перед распятием Джей-Ти оставил Смоллвуду-Гоферу подарочек – выколол ему глаз куриной костью. Тогда капитан вроде бы тронулся умом – по крайней мере так сказал Джею Макриди, – но, видать, очухался. Глаз прикрывала повязка из плотной ткани цвета хаки. Правильно, подумал Джей, береги глаза – новые не вставишь!

Он на всякий случай отвернулся, чтобы капитан не видел лица. Сделал еще несколько шагов. Судя по тому, что вслед никто не стрелял и ничего не кричал, Смоллвуд не узнал ни его, ни Шибанова. Джей не стал ничего говорить Ростиславу – проскочили, и ладно.

Метрах в двадцати от складов они остановились.

– Прикройте, – коротко велел Шибанов. Диверсанты сгрудились вокруг него, словно о чем-то совещаясь. Он снял с плеч рюкзак, открыл его. – Андрей Львович, теперь вы.

Код знали все, но Ростислав почему-то предпочел, чтобы его ввел Гумилев. Тот хмыкнул, опустился на колено и быстро набрал цифры, откинув крышечку. Включил замедление.

– Быстро-быстро уходим, – приказал он, задвигая рюкзак под днище БМП. – Вон к тем машинам, попробуем потихоньку взять одну.

Отряд торопливо двинулся к армейским «Хаммерам» и почти уже добрался до них, как послышался окрик:

– Стоять! Вы, четверо, ни с места!

«Не стрелять, пока не станет ясно, что другого выхода нет», – тут же вспомнил Ростислав слова Гумилева. Может, удастся выкрутиться? К ним приближались трое солдат и офицер, капитан с немного знакомым лицом и повязкой на глазу.

– Что такое? – спокойно осведомился Гумилев, останавливаясь и разворачиваясь к ним вполоборота. Джей-Ти встал за ним – кажется, он не хотел попадаться на глаза офицеру. Почему так знакомо лицо капитана? Кто бы это мог быть?

– Кто такие? – сухо спросил одноглазый, бесцеремонно разглядывая диверсантов. Ростислав представил, как на

маленьком табло «Чарли» быстро сменяются красненькие циферки.

– Капитан Фарагут, – так же сухо представился Гумилев. – Со мной трое рядовых для исполнения специального задания.

– Какого задания? Кто приказал? Куда следуете? – наклонив голову набок, выдал очередь вопросов одноглазый.

– Вы не представились.

– Капитан Смоллвуд.

…Уотерхоул. Шибанов вместе с другими защитниками городка ждет, пока откроется массивная дверь и внутрь войдет парламентер от Макриди.

– А у вас здесь уютно, – сказал тогда парламентер, аккуратно складывая белый флаг и убирая его в карман куртки. Это оказался светлокожий человек средних лет с ухоженными усиками. Сейчас усиков у него не было, как и одного глаза. И очков в тонкой золотой оправе, которые он тогда носил, не было. Видимо, вставил в единственный глаз линзу.

– Лейтенант Дональд Смоллвуд, – представляется парламентер. – Командир мобильного отряда Республиканской армии. Я уполномочен от лица командующего Республиканской армией генерала Эрвина Макриди предложить вам сдаться. После капитуляции поселения мы обещаем сохранить всем жизнь. Все оружие, продукты питания, горючее, вода и прочее переходит в собственность Республиканской армии и будет распределяться согласно правилам, установленным в ней. Комендантом поселения буду назначен я.

Его выставили из города. Вполне возможно, потом он и стал комендантом, когда защитники погибли или покинули Уотерхоул… А теперь вот вырос до капитана…

– …Так вот, капитан, – жестко произнес Гумилев, глядя Смоллвуду на переносицу, – у нас приказ от генерала. Я не думаю, что суть специального задания я обязан раскрывать *даже* вам.

Андрей надавил на слово «даже», словно подчеркивая некий особый статус Смоллвуда. Возможно, многим такое польстило бы, но капитан явно не собирался прекращать разговор и отпускать их с миром.

– От генерала? – переспросил Смоллвуд. – И когда же генерал отдал этот приказ?

– Два часа назад.

Гумилев сказал наугад, потому что не представлял, где находится сейчас Макриди. Теоретически он должен был находиться в лагере. Следовательно, приказ мог отдать и пять

минут назад, и полчаса… Но если он не в лагере, имело смысл назвать некий больший срок. Вот только устроят ли Смоллвуда два часа?

– Два часа назад… – задумчиво повторил Смоллвуд. Бывшие с ним солдаты – невозмутимый чернокожий и два белых парнишки лет по восемнадцать, не больше – молчали и не двигались, ожидая приказов. Один слегка поморщился: мол, чего это офицер пристал к парням, которые явно спешат с каким-то важным поручением?

– Вас что-то не устраивает? – уточнил Гумилев.

Шибанов едва заметным движением поправил ремень автомата так, чтобы он мог быстро и легко соскользнуть с плеча.

– Да, сэр, – заявил капитан Смоллвуд. – Генерал находится вне лагеря, и вы никак не могли получить приказ от него два часа назад, если были в тот момент вместе с ним. Но это не главное. Главное – что среди вас находятся как минимум двое шпионов Мастера, которых я знаю лично.

Не успел капитан Смоллвуд закончить фразу, как Ростислав шевельнул плечом. Автомат соскользнул в руку именно так, как он планировал, и короткая очередь заставила бойцов Смоллвуда пригнуться – Шибанов взял слишком высоко.

– За мной! – крикнул Гумилев, быстро пятясь к машинам, в то время как полковник Роулинсон хрипло заорал:

– Шпионы! Шпионы Мастера! Они в лагере!

Поскольку и гумилевцы, и местные были одеты в одинаковую форму, это вызвало ожидаемый переполох. Кто-то бросился

в укрытие, за автомобили и бронемашины, кто-то схватил оружие. Шибанов тем временем выпустил еще одну очередь, теперь уже по противнику, и бросился бежать, отметив, что один из солдат повалился в траву. Смоллвуд, упав на колено, открыл огонь из пистолета. Роулинсон неожиданно вскрикнул и покачнулся. Его подхватил под руку Джей-Ти и потащил к «Хаммеру».

Гумилев уже забрался внутрь и с восторгом обнаружил, что ключ зажигания торчит, где ему положено. Действительно, на кой черт опасаться угонщиков в военном лагере?

Двигатель взревел, перекрыв на мгновение все усиливающуюся пальбу. Стреляли в основном вверх, но Гумилев надеялся, что в суматохе солдаты Макриди прикончат и парутройку своих. Впрочем, здесь почти все станут мертвецами через несколько минут. Даже не мертвецами – пылью и пеплом… Заслужили ли они это?

К дьяволу, подумал Андрей, краем глаза подмечая, что Джей-

Ти и Шибанов втискиваются в кабину, волоча за собой полковника. Извечный вопрос войны: а вдруг враг – хороший человек, у него семья, дети, он выращивает бегонии и любит золотых рыбок. Враг и есть враг, и эти люди идут в Солт-Лейк-Сити убивать и грабить.

«Хаммер» выкатился из общего ряда и резко свернул вправо. Гумилев увидел капитана Смоллвуда, продолжавшего стрелять с колена. Несколько пуль громко ударили в усиленное пулестойкое лобовое стекло, не принеся вреда. В следующий момент Смоллвуд отпрыгнул в сторону, а вот другому бойцу Республиканской армии повезло меньше – тяжелый автомобиль громко ударил его бампером, а потом переехал.

Машина им досталась не армейская, а переделанная из гражданской. Выбирать не приходилось, не было времени – Андрей влез в ближайшую, и слава богу, что там оказался ключ. Проходимость у гражданской версии «Хаммера», естественно, была ниже, чем у армейской, и удирать по пересеченной местности Гумилев не решился. Он отчаянно лавировал между ожившей техникой – кто-то пытался заблокировать путь, по кузову барабанил свинец.

– Я за пулемет, сэр! – крикнул Джей-Ти и полез было в люк, к турели. Его сдернул вниз Шибанов:

– Оторвемся немного, тогда будешь палить! А то башку прострелят!

«Хаммер» впритирку проскочил между двумя танками, с треском отлетели зеркала заднего вида, с омерзительным звуком железо проскрипело по железу. Сзади раздался взрыв – наверное, кто-то сдуру метнул гранату или выстрелил из подствольника, рискуя повредить свои же машины. Надерут ему одно место, если успеют…

Исковерканная танковыми траками грунтовая дорога уходила между двумя пологими холмами. Гумилев направил машину туда, через плечо спросив:

– Полковник, эта дорога нас устраивает?

– Вполне, – хрипло отозвался Роулинсон. – Ч-черт, горло сорвал…

– А идея с паникой и шпионами была хороша! – признал Шибанов.

– Что там у меня с плечом?

– Пуля попала в лопатку. Кажется, раздробила, но глубоко не ушла.

– Ч-черт… – снова выдохнул Роулинсон и, кажется, потерял сознание.

Джей-Ти все-таки полез к пулемету – над головой

загрохотало. Андрей высунулся в окошко и оглянулся. Их преследовало несколько автомобилей – «Хамви», багги. Стреляли вслед, но поди попади, когда машина скачет по неровностям и ухабам… Это, видимо, понял и Джей-Ти, который перешел к иной тактике и принялся бросать на дорогу ручные гранаты. Для бронированных машин с пулестойкими шинами их осколки были не страшны, а вот багги слегка приотстали.

– Расти, давай твои гранаты сюда! – закричал Джей-Ти, раскидав свой запас. – И у полковника с олигархом возьми!

«Карманная артиллерия» сбила преследователей с толку и позволила оторваться на сотню-полторы метров. Под колесами коротко пророкотал бетонный мостик над пересохшим речным руслом, дорога резко вильнула и пошла вниз. Гумилев взглянул на часы.

– Уже скоро! – крикнул он. – Хорошо, что мы в низине, ударная волна не так зацепит!

На самом деле Андрей вовсе не был уверен, что, спустившись в низину, отряд окажется в относительной безопасности. Эпицентр находился слишком близко, плюс еще неизвестно, что у них там хранилось в лагере… Невольно Гумилев прибавил скорость, «Хаммер» опасно подпрыгивал, шел юзом.

– Поубиваешь! – с радостной улыбкой предостерег Шибанов. Парень явно считал, что они уже вырвались, что все позади.

– Не поубиваю! – отозвался Гумилев, притормаживая и объезжая брошенный на дороге ржавый мини-вэн. Со второстепенной дороги «Хаммер» выскочил на вполне приличное асфальтированное шоссе и помчался по нему. Ветер гудел, врываясь в открытые окна, Джей-Ти что-то орал – то ли пел, то ли ругался. Судя по хлопкам позади, разбросал свои последние гранаты, опять взялся за пулемет – на ровном шоссе в этом уже имелся смысл.

Гумилев снова взглянул на часы – ну, когда уже?! Что там говорил майор Бенитес про точность до миллисекунды? Или это его часы идут неправильно?

В этот момент и рвануло.

Земля ушла из-под колес «Хаммера», словно при землетрясении. Машину занесло, несколько мгновений она скользила боком практически над поверхностью шоссе, потом «Хаммер» грохнулся на трескающийся асфальт и закувыркался.

Андрей Гумилев врезался головой в потолок и потерял сознание.

Глава десятая

Отступать некуда

Мы победим, чтобы уйти, когда дело будет сделано!
Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

…Ростислав Шибанов открыл глаза и не понял, где находится. Все тело ломило, словно его засовывали в бетономешалку. Даже после тяжелых матчей, когда соперники не столько играли в хоккей, сколько дрались и старались припечатать его к борту, Ростислав не чувствовал себя так плохо. В ушах звенело, он ничего не слышал, перед глазами плыли разноцветные пятна.

Ослеп?!

И оглох?!

Попытавшись подняться, Шибанов стукнулся спиной обо что-то железное. Пошарил вокруг руками – нащупал чье-то тело, испачкал руки в липком и горячем… Кровь?

Внезапно память выдала то, что зачем-то скрывала несколько секунд со времени его возвращения в реальность.

Они удирают на «Хаммере» от погони.

Взрыв. Ядерный взрыв портативного заряда.

«Хаммер» заносит, он начинает кувыркаться по шоссе, что-то не своим голосом орет Джей-Ти, с отвратительным хрустом сминается корпус внедорожника, вокруг все вспыхивает, и – стоп. Как будто оборвалась пленка во время демонстрации кинофильма.

Ростислав потряс головой, пытаясь хоть что-то увидеть сквозь цветную пелену или услышать сквозь назойливый звон. Может, при взрыве у него сгорели зрительные нервы? Лопнули барабанные перепонки?

В этот момент кто-то вцепился в руку Шибанова. Словно издалека, со дна глубокого колодца, послышалось:

– Бра-ат… Бра-ат!

– Я ничего не слышу! – отозвался Ростислав, подозревая, что орет во весь голос, как обычно делают внезапно оглохшие люди.

– Бра-ат… – Голос приблизился, бормотал прямо в правое ухо, стал заметно громче. – У тебя кровища течет из ушей. У меня по ходу тоже, всю рожу вымазал. Но я вижу. Ты вроде как целый,

не знаю, что там внутри у тебя, но снаружи – целый. Блин, ну и приложило нас, Расти!

– Джей… – радостно выдохнул Шибанов.

– Я самый. Думал, из меня все кишки вытряхнет… Хорошо, что успел в люк обратно нырнуть, когда эта телега закувыркалась. Пулемет, на хрен, унесло, а могло и мою башку вместе с ним!

– Слушай, надо вылезти… Вдруг взорвется, – заволновался Шибанов.

Джей-Ти успокоил его:

– Это только в кино тачки взрываются почем зря. На самом деле редко. Но вылезать надо, вдруг эти уроды, что нас догоняли, живы? Придут и пошлепают нас, как в долбаном тире…

– А что с остальными?!

– Твой русский приятель вроде жив, но без сознания. Стонет, ты не слышишь, видать… А полковник готов.

– Роулинсон мертв?!

– Я ж говорю – готов. Мертвый, как Майкл Джексон. Шею, что ли, свернул… Ты как, выползешь сам? Вот дверца, она открыта… точнее, отвалилась, к чертовой бабушке. А я попробую вытащить олигарха.

– О'кей, вылезу, – пообещал Ростислав и пополз в том направлении, куда подтолкнул его заботливый Джей-Ти.

Только сейчас он почувствовал, какой горячий вокруг воздух. Густой, плотный… Наверное, полный радиации. Но не о ней надо сейчас думать, сейчас надо выбираться отсюда…

Вывалившись на асфальт, Ростислав обнаружил, что с горем пополам может видеть. Вокруг все было мертвенно-красным, шарик солнца плавал в багровой пелене – наверное, взрыв поднял пыль и песок. Пейзаж подходил для фантастического фильма. Мидори бы понравилось.

Исковерканный «Хаммер» лежал на боку. Часто моргая и морщась от рези в глазах, Ростислав разглядел полковника – Роулинсон распростерся подле «Хаммера», шея его была согнута под углом, нереальным для живого человека. Дальше по шоссе чернели перевернутые машины преследователей, но что происходило возле них, Шибанов увидеть не сумел.

Джей-Ти выволок Гумилева наружу и подтащил к Ростиславу. Андрей уже открыл глаза и что-то говорил, шевелил губами.

– Что он там?! – громко спросил Шибанов.

– Зовет вроде кого-то, – пожал плечами бывший рэпер и устало опустился рядом. – Маруся… Это же русское имя?

– Дочку, – сказал Шибанов.

Джей-Ти отцепил с пояса флягу, отвинтил крышечку и сунул Ростиславу. Тот сделал несколько глотков горячей, словно из

термоса, воды, вернул обратно. Джей пить не стал, поднес горлышко к губам Гумилева.

– Спасибо, – уже громче отозвался тот, отпив немного.

– Пойду разберусь, – сказал негр.

Поднявшись, он подобрал автомат и, шатаясь, направился к автомобилям преследователей. Шибанов нашарил чехольчик, вынул Скорпиона, подержал на ладони. Неужели снова помог?

Со стороны завала на шоссе послышались несколько коротких очередей. Видимо, Джей-Ти нашел выживших.

– Помогает? – с трудом произнес Гумилев, внимательно глядя на зловеще поблескивающую в багровых отсветах фигурку.

– М-м-м? – Шибанов нахмурился и наклонил голову ближе к Гумилеву.

Гумилев отмахнулся рукой, а Шибанов неожиданно кивнул, словно понял, о чем был вопрос.

– Мне его дед отдал. И велел никому не показывать. И не дарить. Сказал, что украсть или отобрать у меня его не смогут. А вот если я его сам кому-то подарю, беда будет. «Особенно если девке», – сказал дед.

– У деда фамилия тоже была Шибанов? – помолчав, поинтересовался Гумилев.

– А? Да… У деда? Шибанов. Александр Сергеевич.

– И что еще он рассказывал про Скорпиона? – Андрей старался говорить как можно громче, хотя от этого еще сильнее кружилась голова. – Кстати, он его показывать не велел, а ты мне показал, да и раньше не прятал…

– А пес его знает, – улыбнулся Ростислав и поморщился, потому что улыбка вызвала боль. Кожу на лице то ли обожгло, то ли стянуло коркой засохшей крови. – Дед говорил, что раньше эта фигурка принадлежала одному хорошему человеку, поэту. Потом он подарил его какой-то женщине, тоже поэтессе. Поэта убили во время революции – или чуть позже, я не совсем понял, дед фамилию не называл, сказал только, что «шлепнули, как белогвардейский контрреволюционный элемент». А женщина уехала в Париж и дожила там до девяноста лет. Я так понимаю, дед думал, что если бы тот поэт не подарил Скорпиона, остался бы жив. Потому и меня предостерегал.

Гумилев задумчиво смотрел на Шибанова, приподнявшись на локте.

– А как он к деду попал? – крикнул он, подаваясь ближе к Шибанову, чтобы тот расслышал.

– Дед взял как трофей, у какого-то штандартенфюрера. Сказал, что «силой взял» и потому фигурка не работает. А у меня должна работать. Он же вроде как по наследству передал,

подарил… Вы, по-моему, про эти штучки куда больше меня знаете. И Решетников тоже… знал.

– Решетников?! – удивился Андрей. – Надо же…

– Постойте, – неожиданно осенило Ростислава. – Поэт, которого расстреляли за контрреволюцию, – это ведь… может быть, Николай Гумилев?!

– Н-у… Допустим. И что?

– Тогда этот предмет ваш.

И Шибанов решительно протянул Гумилеву металлическую фигурку. Тот даже отшатнулся.

– Не дури. Мне-то она зачем?

– Он мне часто помогал. Хотя я в него толком и не верил, думал – совпадения. Сколько можно, в конце концов. Сейчас вернемся в Солт-Лейк-Сити, я при первой возможности отсюда выбираюсь, с вашей помощью или же без, а вы… Вам нужнее, короче.

Гумилев покачал головой.

– Давай так: сначала мы дотащимся до вотчины Мастера, потом разберемся, что там происходит, а тогда уже продолжим разговор. Договорились?

– Договорились, – согласился Шибанов и спрятал Скорпиона в чехольчик.

– И давай на «ты», о'кей?

– О-о-о'кей! – радостно улыбнулся Ростислав.

Вернулся, шаркая ногами по растрескавшемуся асфальту, Джей-Ти.

– Им там похуже, чем нам, досталось. Пришлось троих добить. Все равно было не вытащить без специальных средств, ну, как у «девять-один-один» – ножницы такие, чтобы железо резать, и прочая фигня… Что мы-то собираемся делать? Вы тут шушукаетесь, может, придумали чего?

– Пойдем в Солт-Лейк-Сити. – Гумилев вытащил из кармана небольшую карту штата, развернул, ткнул пальцем. – Мы вот здесь, насколько я понимаю. Пойдем напрямик, мы же теперь без колес.

– Почему без колес? – белозубо заулыбался негр, словно готовясь выполнить занятный фокус. – Там повыше валяется вполне целый багги. Водилу выкинуло и башкой об асфальт, аж каска слетела, а тачка вроде цела.

– А как же электромагнитный импульс?

– Это багги, сэр, – еще шире заулыбался Джей-Ти. – Там нет никакой электроники, это ж не «Ламборджини» или «Порше-турбо». Мотор да колеса.

– Вот я кретин! – неожиданно смутился Гумилев. Он кое-как

поднялся с асфальта и помог встать Ростиславу. – Давайте попробуем, попытка не пытка.

…Багги они поставили на колеса без труда. Дикий с виду экипаж был сварен из металлических труб, образующих каркас, прямо под передним сиденьем располагался мотор, снятый невесть откуда. Примитивная система управления, пара приборов, еще два сиденья сзади – для пассажиров, вот и все транспортное средство. С такими Джей-Ти и Шибанов частенько имели дело во время странствования по Закрытой Территории. Удобно для передвижения по бездорожью и ремонтируется легко.

Поскольку машина планировалась как боевая единица, имелся и пулемет на шкворневой установке, но, как доложил Джей-Ти, патронов к нему не было. Впрочем, в пулемете большой нужды не имелось – сейчас всем не до стрельбы.

Попив еще воды из трофейных фляжек, снятых с трупов, они без труда завели двигатель багги. За руль уселся Джей-Ти, который чувствовал себя пободрее товарищей.

– Стоп, а полковник? – опомнился Ростислав, когда багги уже объезжал лежащий на боку «Хаммер».

– Не хоронить же его, – сказал Джей-Ти и прибавил скорость.

В Солт-Лейк-Сити они приехали даже быстрее, чем ожидали. Багровая мгла слегка рассеялась – видимо, взрыв все же был относительно маломощным, пыль понемногу оседала и разносилась ветром. Остановились, не доехав с милю, и закатили багги в кустарник, чтобы ненароком не обстреляли свои. Дальше шли пешком. Ростислав видел уже совсем хорошо, а вот слышал еле-еле.

Почти сразу они наткнулись на патруль. Его командир, сержант с изрядной примесью индейской крови, видимо, был предупрежден и не скрывал восхищения.

– Я такого сроду не видел! – восклицал он, настойчиво угощая вернувшихся диверсантов виски. – Как полыхнуло! Я думал, весь мир рушится… Словно второе солнце взошло! После того как вы им так вломили, они не поднимутся! Вы герои, парни! Откуда вы вообще взялись, черти вас забери?!

– Мы – такой специальный спецназ, – врал Джей-Ти, прихлебывая спиртное; остальные от выпивки отказались. – Кино «SWAT? [28]» видел? Так вот, они нам в подметки не годятся, чувак!

Когда их с триумфом провели мимо всех кордонов на командный пункт, Атика бросилась Ростиславу на грудь. Шибанов гладил ее по спине, стараясь удержаться на ногах и не упасть – на него снова накатила волна слабости. Потом он мягко отстранил жену и пробормотал:

– Нам надо в душ, к врачу… Радиация…

– Радиационное заражение при взрыве такого заряда минимально, – наставительным тоном промолвил майор Бенитес. – А справились вы отлично.

– Я не ожидал, – сказал Мастер. Он сидел в углу, в кресле, и держал на коленях карту. – То, что вы сделали для Республики…

– Хватит, сенатор, – довольно грубо перебил его Гумилев. – Нам нужен медик… А еще – дезактивация, одежда…

– Распорядитесь, майор, – велел Бенитесу Мастер. Тот быстро ушел, Гумилев бессильно опустился на диван, которого раньше на КП не было – видимо, принесли в их отсутствие. Рядом плюхнулся Джей-Ти. Атика плакала, глядя на окровавленное лицо Ростислава, Мидори с интересом разглядывала сквозь амбразуру красное небо.

– Как обстановка, Индро Юльевич? – спросил Гумилев у Вессенберга.

Эстонец посматривал на вернувшихся с некоторой неприязнью, видимо, не одобрял использование ими ядерного заряда. Тем не менее он ответил:

– Я велел поднять со станции тела и поместить в рефрижератор.

– Искренне вас благодарю, – сказал Гумилев. – Я об этом совсем забыл… Что еще нового?

– Все в порядке. Сенатор не доставил нам никаких неприятностей, если вы это имеете в виду. К тому же вы теперь что-то вроде национальных героев.

Сказав это, Вессенберг щепетильно поджал губы. Точно, не нравилось ему то, что взорвали «Чарли». Негуманно, поди.

– Отлично, – назло жеманному ксенобиологу сказал Гумилев.

– Жаль, что вы потеряли Роулинсона, – без особенного, впрочем, сожаления сказал Мастер. – Как погиб полковник?

– Как герой, – не стал расписывать подробности Андрей смерти Роулинсона.

– Это был очень любопытный человек, – заметил Тарасов.

После прибытия в Солт-Лейк-Сити Нестор вел себя тихо, почти ни с кем не разговаривал. Такое впечатление, что он наблюдал, слушал, оценивал обстановку и все время о чем-то думал.

– Не спорю. Кстати, ты бы мог теперь заняться разработкой вакцины. Насколько я понимаю, есть серьезные мысли в этом направлении?

– Есть, – сказал Тарасов. – Если сенатор предоставит мне лабораторию…

– С удовольствием, с удовольствием, – с улыбкой развел

руками Мастер. – У нас хорошие лаборатории, все, что нужно, будет к вашим услугам. Я распоряжусь.

Вернулся Бенитес в сопровождении человека с повязкой медика.

– Доктор Джарвис, – отрекомендовался тот. – Сейчас я провожу вас в душевую и там уже сделаю уколы антирадиатина.

– Отлично, – снова сказал Гумилев и неожиданно потерял сознание.

Очнулся он уже в душевой. Стены из легкомысленной розовой плитки, зеркала, где-то из плохо прикрытого крана капает вода. Доктор Джарвис с одноразовым шприцем в руке.

– Я сделал вам дополнительно укол общеукрепляющего, – сообщил врач.

Гумилев запоздало подумал, что вместо антирадиатина Джарвис вполне мог ввести им наркотик или яд, вырубив таким образом трех потенциальных противников Мастера. Но нет, у того были уже способы с ними разобраться, и экс-сенатор к ним не прибег. Да и девушки наверху плюс Вессенберг вряд ли оставили бы это без внимания.

– Спасибо, доктор, – сказал Гумилев и сел. Оказывается, с него уже сняли обмундирование и тяжелые ботинки.

– Вы схватили совсем небольшую дозу, – продолжал врач, – не больше пятидесяти миллизивертов, так что вам ничего не угрожает. Душем не злоупотребляйте, особенно горячим.

Шибанов и Джей-Ти уже плескались под тугими струями, фыркали. Пахло фруктовым ароматом шампуня.

– Андрей! – окликнул Ростислав. – А почему ты так представился Смоллвуду – капитан Фарагут?

– Первое, что в голову пришло! – отозвался Гумилев, крутя никелированные рукояти кранов. – Я в детстве очень любил Жюля Верна, «Двадцать тысяч лье под водой». Там был такой капитан корабля – Фарагут. Мне сразу и вспомнилось. А откуда Смоллвуд вас знал? Ведь он именно вас с Джеем имел в виду?

– Старые счеты. Мы встречались сразу после Катастрофы, а потом он приходил в качестве парламентера Макриди, когда они напали на городок Уотерхоул.

– Надеюсь, ублюдок там хорошо прожарился вместе со своим гадским генералом, – буркнул Джей-Ти.

– Смоллвуд ведь сказал – Макриди не было в лагере, – напомнил Андрей.

– Вот же черт!

Некоторое время они наслаждались покоем и горячей водой. Потом Гумилев вспомнил предостережение врача, да и голова

немного закружилась. Тщательно закрыв воду, он принялся растираться висевшим на вешалке полотенцем. В этот момент в душевую вбежала Мидори. Андрей успел прикрыться, а Джей-Ти, как раз вышедший из-под душа, воскликнул:

– Крошка, ты не ошиблась дверью?!

– Нет, – хмуро сказала Мидори, уставившись на бывшего рэпера. – Мастеру только что сообщили: армия Макриди атакует с юга.

Мастер выглядел встревоженным. Пару минут назад на связь вышел некий подполковник Хольт и доложил, что Республиканская армия массированно наступает с юга, откуда ее никто не ожидал.

– Получается, даже если мы уничтожили главные силы, у Макриди остались люди и техника для обходного маневра… – сокрушенно сказал Мастер.

– Или он готовил его давно. Планировал ударить с двух сторон, – сказал Гумилев, приглаживая влажные после душа волосы. – У вас что, нет разведки?!

– Есть, но разведгруппы не уходят далеко от города… В любом случае мобильные отряды разведчиков неоднократно докладывали о формировании мощной группировки там, где мы ее и ожидали. С юга никаких вестей не поступало. Возможно, Макриди внезапно решил наступать именно там и перебросил часть войск в последние дни.

– Теперь уже не важно, – махнул рукой Гумилев. – Что вы собираетесь предпринять?

– Перебросить часть сил на юг, я отдал необходимые распоряжения. Полковник Донован уже отправился туда, помогать Хольту.

– Надеюсь, теперь они разберутся без нас, – меланхолично сказал Джей-Ти и уселся на диван. Он порылся в портативном холодильнике, выудил банку сока и принялся пить.

– Разумеется, – согласился с ним Мастер. – Можете отдыхать. Все сведения с переднего края будут поступать сюда, я ничего не собираюсь скрывать. Мистер Тарасофф, а вы, вероятно, хотели бы заняться своими делами? Насчет лаборатории я давно распорядился.

– Я немного подожду, – сказал Нестор, почесав нос. – Не хотелось бы отвлекаться на исследования в такой ситуации. Мало ли, как пойдут дела.

И дела, конечно же, пошли самым отвратительным образом.

Почти сразу же после слов Нестора совсем близко затрещали

автоматные очереди, накладываясь одна на другую. Потом послышалось приближающееся «чап-чап-чап» вертолетных лопастей, перекрытое громкой пальбой многоствольных пушек и шипением неуправляемых ракет, закончившимся целой серией взрывов. Пол задрожал под ногами, со стола полетела аппаратура связи, посыпались искры.

– Они атакуют с воздуха! – закричал Мастер. – Но как?! Вертолеты должны сбить из-за периметра!

– Обычное разгильдяйство! – крикнул в ответ Гумилев. – Сначала всех сбивали, потом сбивать стало некого, потому что никто не летал, вот и расслабились…

На командный пункт ворвался майор Бенитес в сопровождении автоматчиков:

– Сэр, они высадили десант, сэр!

– Занять оборону! – скомандовал Мастер и обратился к Андрею: – Может, вы мне дадите какое-то оружие?

– Ловите! – Гумилев бросил бывшему сенатору свой автомат, который тот ловко поймал на лету.

– Благодарю, – церемонно произнес Мастер.

Все поспешно вооружались, Джей-Ти напяливал бронежилет прямо поверх футболки.

– Сколько их? – спросил Мастер, проверяя магазин.

– Вертолетов было девять, один мы сразу сбили, остальные успели высадить десант, – докладывал Бенитес. – Думаю, до сотни. Может, больше…

– Короче, вы ни черта не знаете, – сердито заключил Мастер.

Оттолкнув незадачливого майора плечом, он вышел с КП, за ним поспешно последовали Шибанов и остальные, включая Нестора.

Во дворе шел бой. Гумилев сразу же укрылся за высоким парапетом балкончика, с которого во двор спускалась широкая лестница. Его примеру последовали другие.

Судя по суматошной перестрелке, в городе царила полная неразбериха. В небе мелькнул вертолет, пытавшийся уйти куда-то на север, тут же мелькнула яркая вспышка, вертолет разломился пополам и камнем рухнул вниз. Нельзя было понять, кто его сбил – защитники Солт-Лейк-Сити или же опомнившаяся служба ПВО Периметра. В любом случае вертолеты Макриди успели выполнить свое предназначение – высадили десантников и нанесли ракетный удар. В сочетании с неожиданным нападением с юга это вызвало панику, а паника чаще всего ведет к поражению.

Гумилев осторожно выглянул из-за парапета. Снующие внизу люди в форме были похожи друг на друга – поди рассмотри

нашивки и отличи бойца Республиканской армии от защитника города. Словно в дополнение ко всему этому содому, с небес хлынул проливной дождь.

– Что делать будем?! – спросил Шибанов, присевший на корточки рядом.

– Отбиваться! Вариантов нет!

– Можно попробовать уйти из города по подземным коммуникациям, как мы в свое время!

– Бессмысленно! Куда мы уйдем? Да и отсюда пока не вылезти… Гони девушек назад на КП!

– Да уж, прогонишь их, – буркнул Шибанов.

Снова раздалось несколько взрывов, с юга донеслась артиллерийская канонада.

– Кажется, наши орудия, – прислушиваясь, сказал Мастер. – Донован и Хольт пока справляются.

– Сэр! – Из двери командного пункта опасливо высунулся связист. – Сэр, я восстановил связь! Полковник Донован докладывает, что им пока удается сдерживать противника! В городе пожары, идут стычки с десантниками! Есть данные, что основные силы десанта пробиваются сюда!

– А то я не вижу! – рявкнул Мастер. – Передайте Доновану, пусть держатся! С десантниками мы разберемся, но если они отправят сюда хотя бы взвод, нам будет значительно проще!

Связист отдал честь и молниеносно скрылся внутри.

– А вы оптимист, сенатор, – с одобрением сказал Гумилев. – Полагаете, в самом деле отобьемся?

– Нам ничего другого не остается.

…Спустя десять минут солдаты, оборонявшие двор, стали понемногу отступать. Атакующие лезли через все щели, закидывали двор гранатами, и Ростислав прикинул, что такими темпами подкрепления они могут и не дождаться.

– Сейчас же на КП! – заорал он, когда Атика плюхнулась рядом с ним и протянула руку за обоймой для пистолета. – Бери Мидори и укройтесь там!

– А как же вы?

– Если дело пойдет так же, нам всем придется отступать туда!

В подтверждение его слов очередь пропахала глубокую борозду в железобетонной стене над их головами.

– Хорошо! – послушно сказала Атика. Она с трудом оттащила Мидори от узкой бойницы в парапете, через которую та выцеливала из подобранной М16 нападавших, и за руку поволокла к двери.

Ростислав подумал, что погибнуть сейчас, когда почти все

наладилось, было бы глупо – после того, что пришлось им пережить за последние годы. Видимо, такие же мысли посетили и Джея-Ти – скалясь, негр помахал Шибанову рукой и крикнул:

– Если меня прикончат, выпроси у Мастера для меня медаль Почета?[29]!

– Какая тебе разница, если тебя все равно прикончат?!

– Я же говорил, что собираюсь в рай! Может, там для кавалеров медали Почета есть льготы – лишняя бочка амброзии или новый диск Доктора Дре!

Громко рассмеявшись над собственной шуткой, рэпер быстро поднялся, выпустил несколько коротких очередей вниз и так же быстро спрятался обратно. Дождевые капли с шипением испарялись на раскаленной стали ствола.

В паре шагов от Ростислава на камни балкончика упал солдат, получивший пулю в лицо. Стараясь не смотреть на жуткую рану, Шибанов на четвереньках подполз к нему и вытащил из разгрузки полный магазин. Патроны подходили к концу.

Неожиданно изнутри командного пункта раздались громкие хлопки, наружу повалил едкий зеленоватый дым. Насколько понимал Ростислав, сработало несколько дымовых гранат. Что там случилось?

Не оглядываясь на происходящее во дворе, Шибанов вскочил и бросился внутрь. Он сразу же закашлялся, глаза отчаянно защипало, но среди дымовых клубов он рассмотрел несколько фигур, невесть откуда появившихся в помещении. Лица их скрывали уродливые респираторы, похожие на свиные рыла.

Разбираться времени не было – Ростислав выстрелил от живота, не целясь, потому что обеих девушек в секторе обстрела не увидел. Один из людей в респираторах схватился за шею и упал, остальные кинулись в разные стороны и открыли беспорядочный огонь по дверному проему. Ростислав грохнулся на пол, откатился, снова выстрелил. Кто-то коротко вскрикнул.

– Атика! – позвал Шибанов. – Где вы?

– Они вылезли через какой-то люк в полу! – отозвалась жена, не вдаваясь в детали. – Их пятеро!

– Уже меньше! – Ростислав прикинул, что одного свалил, второго, судя по крику, ранил – возможно, легко… Где там Джей, где Гумилев, Нестор, Вессенберг?! – Вы в порядке?!

– Расти, Атика ранена! – это уже был голос Мидори. – Она вырубилась…

– Я сейчас! – Шибанов вскочил, рискуя получить пулю, и в этот миг мир вокруг него обрушился стеной серого праха. Во второй раз за сутки Ростислав потерял сознание.

…Опять шел дождь.

Ростислав поймал губами каплю, открыл глаза.

На него пристально смотрел человек лет сорока пяти, одетый в военную форму. Бледное лицо с легкой щетиной, большие карие глаза, узкий подбородок, тонкие губы. Похож на киноартиста, подумал Шибанов и только теперь заметил на груди, над левым карманом, узкую нашивку с буквами «Ген. Макриди».

– Я вас знаю, – сказал генерал, убирая фляжку. – Вы – Шибанов, хоккеист. Я выиграл чертову уйму денег, когда поставил на ваш клуб в том матче с канадцами. Я ваш должник.

Шибанов попробовал пошевелиться, но не смог. Он даже рукой не мог шевельнуть.

– Что со мной?… – с трудом прошептал он.

– О, ваши дела плохи. Я сторонник того, что людям нужно говорить правду, – доверительно сказал Макриди. – Насколько я понимаю, ваши сбили наш вертолет, один из последних, и этот крокодил врезался в командный пункт, где мы все находимся. У вас, наверное, поврежден позвоночник – ударило бетонным блоком, когда обрушился потолок у выхода. Я с трудом сдвинул блок, перетащил вас на ровное место, но больше помочь ничем не могу. Ведь при травмах позвоночника нужно лежать на ровном, точно?

– Что… что с моей женой?

– С женой? – Генерал озадаченно уставился на Ростислава, потом понимающе закивал. – Вот как, я не мог и подумать… Не буду скрывать, у нее дела ничуть не лучше. Две пули в грудь. Простите, я не знал, что это ваша жена.

– Расти, она жива! – послышался откуда-то сбоку голос Мидори. – Атика еще жива! Нужно найти врача!

– Трое моих лучших людей лежат под обломками, а самое главное – засыпало люк. Я не могу расчистить его в одиночку, а от вас толку мало, – с серьезным видом сообщил Макриди. – Вам, наверное, интересно, как и почему я здесь оказался? Все очень просто: Мастер был настолько глуп, что не знал о том, что в буквальном смысле творится у него под ногами. А под ногами у него был технический люк, накрытый сверху ковром. Через этот люк мы сюда и проникли, пока основные силы отвлекали охрану снаружи. Честно говоря, я на сей раз и сам поступил недальновидно, отправившись вместе со штурмовой группой. Очень уж хотелось увидеть выпученные глазки сенатора, когда я направлю на него пистолет.

Иллюстрируя свои слова, генерал показал Шибанову

огромный автоматический пистолет.

– Но сенатора тут нет. Сбежал. А я оказался в ловушке. Разумеется, я отсюда выберусь, ведь Господь постоянно хранит меня и помогает во всех начинаниях. Надеюсь, что мои солдаты уже заканчивают штурм и скоро начнут разбирать завал снаружи. Или нет, и тогда мне придется придумывать другой способ. Но прежде я хотел бы поговорить с вами о ваших глазах.

– О чем?! – не понял Шибанов.

– О ваших глазах, – терпеливо повторил Макриди. – У вас глаза разного цвета, как и у меня.

– Вы несете чушь… – сказал Ростислав.

Что вообще происходит?! Нужно как-то выбираться отсюда, найти врача, спасти Атику… Но он не мог даже пошевелить пальцем.

Неужели позвоночник сломан?

Неужели они обречены?

Поодаль тихо заплакала Мидори.

– Линзы, – пояснил Макриди. – Недалекие люди полагают, что разноцветные глаза – печать дьявола. Приходится избегать ненужных разговоров. Я мог бы решать этот вопрос иначе, но выбрал наиболее мягкий и гуманный способ. Так что же насчет глаз?

– Родился такой, – сказал Ростислав.

– Бывает и так, – тут же согласился генерал. – Но бывает и по-другому. Задам вопрос: у вас есть предмет? Или у вас был предмет?

– Какой еще… какой еще предмет…

– Вы все прекрасно знаете, – печально произнес Макриди. -

Видите ли, я все равно заберу его, когда вы умрете. Или даже не стану этого дожидаться, хотя первый вариант предпочтительнее. Что за предмет? Как он действует?

– Предмет у меня, – неожиданно сказала Мидори.

Макриди резко повернулся.

– У вас? Так давайте же его скорее сюда. Иначе я могу причинить вред вашим друзьям, не говоря о вас.

– Возьмите, – просто сказала Мидори.

Генерал улыбнулся, словно добрый дядюшка, которого племянники приглашают поиграть в лошадку.

– Дайте предмет, мое дорогое дитя, – попросил он, поднимая руку с пистолетом.

Это был опрометчивый поступок. Мидори молниеносно развернулась, словно сжатая пружина, и выбитый ногой пистолет отлетел в сторону, упав где-то среди руин связной аппаратуры. Макриди отшатнулся.

– Вот как! – воскликнул он и хищно пошевелил в воздухе пальцами, разминая их.

– Вот так! – выкрикнула Мидори и бросилась на генерала.

Шибанов скрежетал зубами, потому что ничем не мог помочь. А Мидори приходилось тяжело: если вначале сработала внезапность, то сейчас она с трудом уворачивалась от ударов Макриди, который явно увлекался восточными единоборствами. Только что японка пропустила особенно опасный выпад, и ее левая рука повисла плетью.

– Весьма неожиданный спарринг! – комментировал генерал, легко перемещаясь среди обломков в лучах чудом уцелевшей лампы и света, пробивающегося снаружи через амбразуру. – Жизнь постоянно готовит нам приключения и испытания, ведь так, маленькая мисс? Или вы уже миссис? У современной молодежи такие гнусные нравы!

Макриди и Мастер стоили друг друга – оба такие же чокнутые, думал Ростислав, пытаясь сгруппироваться и приподняться на локтях. Позвоночник прошило острой иглой боли. Шибанов с трудом подавил крик.

– По-моему, достаточно! – заявил Макриди, неуловимым движением выхватил боевой нож и, уйдя от отчаянного приема Мидори, оказался у нее за спиной. Через мгновение острый кончик лезвия вонзился в ее горло. – У нас довольно разный стиль, не говоря об уровне подготовки, – деловито сказал генерал. – Дальше продолжать просто не было смысла, поверьте. Так что вы там говорили о предмете?

Мидори тяжело, со свистом дышала сквозь сжатые зубы.

– Я знаю… все охотятся за моим предметом. Всем нужен только он. Я-то знаю… – Макриди усмехнулся. – У вас предмет нейтрализующий его? Или… Или дополняющий? Ну? Ну? Говорите же! С чем вы к нам пришли?

Внезапно за спиной генерала появился Гумилев. Макриди резко обернулся, услышав шаги, и вздрогнул, увидев лицо Андрея.

– Мы пришли к вам с миром, – усталым голосом заявил Гумилев и обрушил на голову генерала увесистый камень. Мидори с криком отпрыгнула в сторону, а генерал повалился на колени, замер на несколько секунд, с удивлением размазывая струйки крови на лбу, и наконец завалился набок.

– Это была не самая мирная миссия ООН, – испуганно поглаживая шею, сказала Мидори.

– Добро должно быть с кулаками, – вздохнул Гумилев, отряхивая руки. – Так о каком предмете он говорил?

– А вам он нужен? – подозрительно прищурившись, спросила

Мидори и опустилась на корточки рядом с телом Макриди.

– Единственное, что мне сейчас нужно, это холодный душ, – искренне улыбнулся Андрей, – и пара-тройка стейков.

Мидори принялась обшаривать карманы генерала. Вытащила какие-то документы, бумаги, бросила на пол. Потом расстегнула замок куртки – на шее Макриди, на витом шнуре, висел небольшой матерчатый мешочек.

Гумилев подошел к Шибанову и сжал в руке его ладонь.

– Ты как?

– Хреново, и Аттика ранена.

– Сейчас займемся вами. Держись.

Мидори подергала шнур, но тот оказался крепким. Тогда она подняла нож, который минуту назад приставили к ее горлу, и перерезала шнур. Вытряхнула из мешочка на ладонь что-то металлическое, поднялась и подошла к Гумилеву и Шибанову.

– Смотрите.

На окровавленной ладошке Мидори лежало металлическое насекомое. Таракан? Нет, наверное, сверчок.

– По-моему, это теперь твое… – найдя в себе силы улыбнуться, сказал Ростислав.

Снаружи КП послышалась возня, и знакомый голос крикнул:

– Вы там живы? Есть кто-нибудь внутри? Расти, если ты живой, то отзовись, иначе я тебе ухо отъем, когда вытащу твою задницу из мусора!

Глава одиннадцатая, она же последняя

Исцеление

Я хотел бы, чтобы вы знали, что, когда мы обсуждаем войну, на самом деле мы обсуждаем мир.

Джордж Уокер Буш,
сорок третий президент США

Андрей Гумилев наблюдал, как жители Солт-Лейк-Сити разгружают контейнер, только что опущенный вертолетом на площадку. Рядом с ним Индро Юльевич Вессенберг деловито протирал клетчатым платочком очки.

В Солт-Лейк-Сити все помаленьку налаживалось. После того как Макриди погиб, а силы атакующих захлебнулись на окраинах города, вялотекущая война длилась всего пару дней, после чего стороны задумались: а что, собственно, они делят? И пришли к перемирию. Город на переговорах представлял полковник Донован, оказавшийся вполне толковым политиком и гражданским руководителем, а помогал ему Андрей Гумилев.

Потом было много важных событий: выход на связь с Твин-Фоллз, где их давно считали погибшими, прямая линия с генеральным секретарем ООН, переброска в Солт-Лейк-Сити мобильных лабораторий со штатом сотрудников во главе с Синцовым, разработка опытных образцов вакцины… Работали без перерывов и выходных, тем более что с юга, из Мексики, поступали тревожные вести о новых очагах эпидемии. Вирус «Армагеддона» каким-то невероятным образом проник сквозь заградительные барьеры ООН и теперь свирепствовал в труднодоступных районах Центральной Америки.

И Синцов, и Тарасов практически не спали, проводя все свое время в лабораториях. Мастер не подвел, обеспечил все необходимое для работы. Что же касается Нестора, то для Гумилева он по-прежнему оставался загадкой. С одной стороны, он до сих пор не доверял ему до конца, с другой – не мог не оценить его таланты и ту самоотверженность, с которой Тарасов лечил людей. У него получалось – Гумилев, правда, подозревал, что обязан своими успехами Нестор главным образом предмету, – но это была штучная работа, требующая к тому же постоянного напряжения всех сил.

Тела погибших в тоннеле переправили в Россию, за исключением доктора Штреллера, которого похоронили здесь, на городском кладбище.

Кстати, выяснилось, что сумасшедший ученый, перед тем как покинуть базу Неллис, все-таки запустил механизм самоуничтожения. По крайней мере, специальная поисковая группа на вертолетах обнаружила на месте базы сплошные руины и просевшие вглубь воронки. Одна из них стала могилой для отважного Санича – станция подземной железной дороги была уничтожена вместе с другими объектами.

Тоннели, в которых обитали монстры, зачищать пока не стали, благо наружу они выбраться не пытались. Но в будущем с ними следовало разобраться, и Гумилев не хотел бы, чтобы образцы боевых тварей попали в плохие руки.

Мастера собирались судить, но чем закончится суд и когда он вообще состоится, было неясно – огромное количество адвокатов трудилось, пытаясь доказать, что бывший сенатор руководствовался исключительно благими намерениями, а преступления совершали его подчиненные, о чем он чаще всего не ведал. К тому же сейчас Мастер выступал в качестве одного из главных спонсоров разработки долгожданной вакцины, что серьезно усиливало его позиции.

Мидори улетела в Токио, как только прошла все разрешительные процедуры и обследования. Насколько знал Гумилев, она решила заняться созданием компьютерной игры по мотивам их приключений на Закрытой Территории. Андрей искренне надеялся, что он как персонаж в игре присутствовать не будет.

– Хай, босс! – послышался жизнерадостный голос. Из переулка к Гумилеву спешил Джей-Ти с запотевшей бутылкой пива в руке. С ним были молодая симпатичная негритянка и пройдошистого вида чернокожий мальчишка в футболке размера на три больше, чем следовало, с изображением самого Джея-Ти на груди. – Хай! – повторил Джей, подходя и хлопая Гумилева по плечу. – Это моя жена, Минни. Мы с ней расстались еще во времена штурма Уотерхоула – помните, я рассказывал?! И прикиньте, она прибилась в Солт-Лейк и все это время находилась здесь! А это мистер Гумилефф, самый толковый русский после Расти!

– Очень приятно, мисс. – Гумилев поцеловал руку Минни, та смущенно захихикала.

– А это Шеммонд, – представил Джей мальчишку. – Он типа как наш сын теперь. Такое дело, мать погибла во время войны, а

мы с ним подружились, когда я удирал от Мастера. Он мне шибко помог. Нашел оружие и лодку с мотором… правда, за лодку я до сих пор торчу бабки старине Брюсу, у которого Шеммонд ее упер. Поздоровайся с мистером, Шеммонд!

– Здорово, чувак! – солидно сказал Шеммонд, протягивая ладошку. Гумилев, смеясь, пожал ее.

– Чем собираешься заниматься, Джей? – спросил Гумилев.

– Открываю клуб, – расплылся в улыбке негр. – Довольно я уже побегал за последнее время с пистолетами и гранатами, пора снова взяться за микрофон. Заходите, босс, послушаете, как я тряхну стариной.

– Джей самый крутой, – встрял пацан. – После Фифти Цента.

– Но-но! – обиделся рэпер. – Вот я позову сюда Фифти, и мы с ним устроим дуэль, сам посмотришь, кто крутой, а кто нет!

– Забьемся на двадцать баксов! – обрадовался Шеммонд.

***

Нестор медленно брел по саду клиники, направляясь к своему излюбленному месту – каменной скамье у маленького фонтана, укрытой зарослями бугенвиллеи. Перед глазами у него плавали черные и красные круги. Скарабей, возвращавший здоровье даже безнадежно больным людям, отнимал у своего хозяина слишком много сил.

«Когда-нибудь он убьет меня, – подумал Нестор равнодушно. – Если только мне не удастся найти предмет, дарующий вечную жизнь… Проклятье чертовых майя оказалось слишком уж хитрым… и черный порошок несет смерть, и Скарабей, который призван исцелять, в конечном итоге приводит к тому же финалу. Не того я хотел, когда задумал эту авантюру».

Кто-то шагнул из кустов навстречу. Нестор настолько вымотался и отупел за последние несколько суток, что даже не

успел испугаться.

Перед ним стоял индеец – невысокий, кряжистый, похожий на перекрученный узловатый корень. При взгляде на него Нестор сразу же вспомнил древний город в джунглях Юкатана и подземную гробницу, в которой они обнаружили кувшин с черным порошком.

– Что тебе нужно? – спросил он, отступая. Наткнулся на что-то спиной и обернулся – сзади стоял еще один индеец, помоложе и посильнее с виду. С тоской Нестор подумал о том, что пистолет

остался лежать в верхнем ящике письменного стола в кабинете.

Индеец не ответил. Его рука скользнула в карман широких камуфлированных штанов – Нестор почти не сомневался, что там спрятан нож.

Но индеец не спешил вытаскивать руку. Его тонкие губы изогнулись в подобии жестокой усмешки.

– Мы наблюдали за тобой, – сказал он на ломаном английском. – Семь, даже восемь дней. Ты – тот, о котором говорил Болон Окте. Ты – человек, у которого много лиц.

– Превращаешься, как настоящий колдун, – одобрительно добавил тот, что стоял сзади. – Мы видели.

Нестор был ошеломлен. За последнюю неделю он действительно несколько раз прибегал к помощи Бабочки, на несколько часов принимая облик молодого, полного сил мужчины -

такова была изобретенная им методика, позволявшая переносить нечеловеческие нагрузки. Но он готов был поклясться, что никто не видел его перевоплощений. И тут вдруг откуда ни возьмись эти индейцы! Да кто они такие?

– Кто вы такие? – хрипло спросил он.

– Мы – слуги Болон Окте, – сказал кряжистый. – Меня звать Гватемалец, а его – Малыш. Как тебя зовут, мы знаем.

Несмотря на весь драматизм происходящего, Нестор не мог не улыбнуться.

– И как же?

– Ты – Целитель, – с уважением произнес Гватемалец. – Болон Окте послал нас, чтобы мы помогли тебе остановить болезнь.

– Ребята, – сказал Нестор, – вы, кажется, что-то путаете. Этот ваш Болон Котэ…

– Окте, – сурово поправил его Малыш. – Великий Губитель.

– Ну ладно, Окте… он же вроде как бог смерти. На черта ж ему останавливать то, что должно уничтожить человечество?

– Никто не может знать замыслов бога, – серьезно ответил Гватемалец. – Мы не знаем, зачем ему это понадобилось, как не знаем того, зачем он, разговаривая с нами, принял облик прекрасной белой девушки. Но это не наше дело. Наше дело – передать тебе вот это.

Он наконец вытащил руку из кармана и протянул Нестору. Тарасов пригляделся – на коричневой корявой ладони лежал маленький серебристый диск.

– Смотри, – сказал Гватемалец, – если не сумеешь сделать добро из зла, наш хозяин до тебя доберется.

…Ростислав Шибанов положил на прикроватный столик

кистевые эспандеры. Тело понемногу восстанавливалось, хотя передвигался он по-прежнему с помощью костылей. Впрочем, врачи утверждали, что костыли – это ненадолго. В хоккей Шибанову, скорее всего, играть уже не придется, но во всем остальном у него практически не будет ограничений.

Две пули, застрявшие в легком Атики, тоже успешно извлекли, и теперь она шла на поправку. Доктор Джарвис пообещал на днях поместить их в одну палату, предупредив, чтобы не слишком шалили.

– Йо, брат! – в дверь бесцеремонно ввалился Джей-Ти в сопровождении целого коллектива посетителей: Минни, маленького Шема, Вессенберга и Гумилева. – Извини, я не принес тебе цветов. Напомни, какие ты больше любишь?

– Кактусы, – смеясь, отозвался Ростислав. – Их поливать не нужно.

– Фу, – скривился Джей. – Неужели ты не насмотрелся на этих колючих ублюдков, пока мы шастали по пустыне?

Они ударились в воспоминания – вернее, ударились Джей и Ростислав, а остальные преимущественно слушали, только Шеммонд то и дело вопил: «Вот это да!» и «Джей, ты крут!» Наконец, в палату заглянул доктор Джарвис и, делано хмурясь, велел всем проваливать и не мешать человеку выздоравливать. К тому же к нему пришел еще один посетитель.

– Давай, брат, скорее вылезай из этой ветлечебницы! – пожелал на прощание Джей-Ти. Ростислав помахал всем рукой и попросил Гумилева:

– Останьтесь на секундочку…

Гумилев дождался, пока дверь закроется.

– Так чего ты хотел?

– Вот. – Шибанов протянул раскрытую ладонь, на которой лежал Скорпион. – Возьми, пожалуйста.

Андрей молчал.

– Возьми, – повторил Шибанов. – Это твое по праву.

Гумилев подставил ладонь. Скорпион мягко упал на нее.

– Не знаю, что сказать… Спасибо, – сказал он.

– Не за что, – улыбнулся Ростислав, которому стало почему-то несказанно легко.

В дверь настойчиво постучали.

– Да! Кто там еще? – с наигранной строгостью крикнул Шибанов.

Посетителем, как ни странно, оказался Нестор Тарасов. Его и посетителем-то в полном смысле этого слова трудно было назвать: Нестор лечил Ростислава своими хитрыми методами, после которых местные врачи только диву давались – такие

повреждения позвоночника и такая быстрая регенерация!

– У вас сегодня, я смотрю, весело, – сказал Нестор, входя и присаживаясь на пластиковый табурет.

– Обхохочешься.

– Можно мы с господином Шибановым… – Нестор посмотрел на Гумилева и жестом дал понять, что разговор будет тет-а-тет.

– Не вопрос… – Андрей подмигнул Шибанову и вышел из палаты.

– Что случилось?

– Мы сделали ее.

– Кого? Чего?

– Сделали вакцину.

– Вакцину?! – почти выкрикнул Шибанов.

– Тссс… Я пока не готов обсуждать это со всеми.

– Почему?

– Это все очень странно. То есть даже при том, что все вообще странно и больше похоже на дурацкий фантастический фильм, и надо сказать, что я уже привык ко всем неожиданностям…

– Не тяни!

– Хочется надраться, – неожиданно заявил Нестор.

– Успеешь еще… Рассказывай, что случилось.

– Мне передали диск… Какие-то… черт-те кто. Индейцы? Хрен знает. Маленький диск, вроде DVD, который можно топтать ногами, жечь в костре, бросить в электромясорубку – ему ничего не будет.

– Военные технологии?

– У индейцев? Ну, пусть так. Допустим… Самое интересное, что читается он на самых простых устройствах. На плеере может читаться.

– И что же там было, на этом диске?

– Формула вакцины. Правда, мы с Синцовым и сами уже подобрались к разгадке… но там была одна хитрая цепочка аминокислот… впрочем, это неинтересно. Главное – теперь у нас есть вакцина. И она работает.

– Нобелевка, считай, в кармане…

– Нобелевка – ерунда, – отмахнулся Тарасов. – Гораздо интереснее те перспективы, которые открываются перед нами…

– Перед нами? – нахмурился Шибанов.

– По-моему, наступило время, когда я могу серьезно обо всем поговорить.

– А до сих пор мы шутили?

– Как ты думаешь, почему я доверил тебе свою тайну? Только тебе, а не кому-нибудь другому?

Шибанов пожал плечами.

– Понятия не имею, если честно.

– У меня были основания довериться именно тебе.

– А у меня уже голова болит от загадок. Говори прямо.

– Как ты относишься к тому, чтобы стать Странником?

– Я уже достаточно странствовал… – все так же недоуменно сказал Шибанов.

– Я не в этом смысле. Начну издалека – у тебя ведь есть предмет?

– Был, – покачал головой Ростислав.

Нестор удивился, а потом хлопнул себя по коленям:

– Ты отдал его Гумилеву?!

– Только что, – подтвердил Ростислав, не видящий смысла что-либо скрывать. Он прекрасно понимал, что врачебные таланты Тарасова связаны не только с его познаниями или скрытыми способностями. – А у тебя тоже есть предмет?

– Э… Хм… – замялся Нестор. – Это очевидно.

– И что это?

Вместо ответа Тарасов достал из кармана маленькую коробочку и продемонстрировал Ростиславу металлического Скарабея.

– Понятно, – кивнул Шибанов. – И как это связано с предложением стать неким странником? Хотя давай сразу на чистоту – я не планирую заниматься чем-то, не посоветовавшись с Атикой…

– Уверяю, Атика всегда будет рядом, – сказал Нестор, глядя прямо в глаза Шибанову. – А теперь, если угодно, я объясню, кто же они такие – Странники…

…Гумилев вышел из больничного садика и направился к маленькой кофейне. Будучи занят делами, он не выспался, и следовало слегка взбодриться.

Новость, которую только что сообщил ему по телефону Синцов, стоила того, чтобы отметить ее бутылкой шампанского, но Гумилев не привык пить в одиночку. Что ж, у него еще будет время заказать шампанское всей команде, разрабатывавшей вакцину.

Нестор нашел-таки решение! Ай да Тарасов, ай да сукин сын! Не зря все-таки Андрей послушался своей интуиции и не шлепнул подозрительного ученого там, в подземельях, хотя несколько раз его так и подмывало это сделать. Получается, что вся миссия Андрея Гумилева заключалась в том, чтобы обеспечить условия наибольшего благоприятствования для эффективной работы гения-одиночки?

Нет, что-то здесь было не так. Андрей интуитивно чувствовал это. Ничего, подумал он, разберемся и с этим. Вот высплюсь как следует и обязательно выясню, кто же такой на самом деле Нестор Тарасов…

Из припаркованного через дорогу маленького «Фольксвагена-жучка» за Гумилевым следили.

– Тебе приходит в голову то же, что и мне, Малыш? – спросил Гватемалец вполголоса, как будто человек за столиком мог его услышать.

– Неужели это тоже он? – прошептал его товарищ и ученик.

Махукутах сильно изменился за последние месяцы. Долгое путешествие на север, за защитный Периметр, закалило молодого провинциального колдуна из Чьяпаса, сделало его немногословным и суровым мужчиной. Но сейчас он был ошеломлен так, что на несколько мгновений превратился в прежнего наивного Малыша.

– Сходство большое, – задумчиво проговорил Гватемалец. – Жаль только, отсюда не разглядеть, какого цвета у него глаза.

– Я схожу, посмотрю, – вызвался Махукутах. – Заодно куплю нам по гамбургеру.

Гватемалец наблюдал, как Малыш идет к кофейне. Хорошо идет, подумал он, даже не смотрит в сторону человека в дорогом костюме, делающего заказ официантке. Так… подходит к стойке… расплачивается, берет гамбургеры, возвращается…

У столика, за которым сидел человек в костюме, Малыш споткнулся и уронил один гамбургер на землю. Наклонился, поднял его, извинился и заспешил к машине.

– Поехали отсюда, – нервно сказал он Гватемальцу, протискиваясь в салон. – Это он, Болон Окте. У него тоже глаза разноцветные.

– Давай сюда гамбургер, – сказал Гватемалец. – Да не тот, который ты извалял, другой. И вот что – пока мы не поедим, никуда отсюда не поедем. Какой смысл? Если он здесь, то уж наверняка знает, что и мы тоже неподалеку. Приказ его мы выполнили, так что бояться нечего.

– Все равно. – Малыш поежился. – Как-то мне неспокойно…

– А мне, – с набитым ртом проговорил Гватемалец, – хотелось бы получить деньги.

– Какие деньги? – не понял Махукутах.

– Доллары, – пояснил Гватемалец. – За поход к Холодной Дыре мы получили гроши, которыми к тому же пришлось делиться с этими двумя дармоедами. Путешествие на север, по-моему, стоит гораздо дороже.

– И с кого ты собрался получать эти деньги? – с тревогой спросил Малыш.

– Знаешь, – сказал Гватемалец, вытирая выпачканные в майонезе руки о сиденье «жучка», – если бог носит такой костюм, сдается мне, он не обеднеет от каких-то пятидесяти штук баксов. На каждого, разумеется.

– Ты шутишь?

– Совсем нет. И знаешь, что я думаю, Малыш?

Малыш покачал головой.

– Боги не всемогущи. Даже такие, как Болон Окте. Люди… они маленькие, слабые, они, как муравьи… но их много. Их слишком много, малыш. Так много, что их не истребить никакому богу. Разве что только они погубят сами себя…

– Веселая Смерть, – сказал Махукутах.

– Ну да. Может, когда-то это и могло стереть с лица земли род людской. Но не сейчас. Потому что всегда найдутся люди, которых не берет никакая Веселая Смерть, а среди них обязательно отыщутся умники, которые справятся с любой напастью.

– Вроде нас с тобой, – подумав, сказал Малыш.

Гватемалец посмотрел на него и криво усмехнулся.

– Ну да. Вроде нас с тобой.

Официантка принесла кофе и булочки, Гумилев вдохнул чудесный аромат мокко, и в этот момент на террасу кафе вошел человек. Он был одет в джинсовый комбинезон и водолазку с высоким воротом, а голову держал чуть-чуть набок, словно у него была повреждена шея.

– Здравствуйте, tovarishch, – произнес он скрипучим голосом. – Вы не против, если я присяду за ваш столик?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ…

[1] Estados Unidos – Соединенные Штаты (*исп.*)

[2] El loco – безумец (*исп.*)

[3] Текст на Монолите 6 из Тортугеро

[4] El viejo – старик (*исп.*)

[5] Ese – парень (*мекс. сленг*)

[6] Harina – деньги (*мекс. сленг*)

[7] Borraja – задница (*лат.-ам. сленг*)

[8] Пополь-Вух – священная книга индейцев-киче

[9] Труднопереводимое испанское ругательство

[10] «Ветер в ивах» – сказочная повесть шотландского писателя Кеннета Грэма. Впервые была издана в Англии в 1908 году и принесла автору известность. Сказка повествует о жизни и приключениях пяти персонажей: дядюшки Рэта (водяной крысы), мистера Крота, мистера Барсука, мистера Тода (жабы) и Выдры.

[11] На армейском сленге «трехсотый» – раненый, «двухсотый» – убитый

[12] Эл-Эй – сокращенное название Лос-Анджелеса

[13] Мистер Фриз – герой комиксов про Бэтмена, № 67 в списке 100 самых лучших комиксных злодеев по версии IGN

[14] Сошедший с ума Штреллер цитирует четвертый стих 22-го псалма Ветхого Завета, в иудаизме читаемый во время поминальной молитвы

[15] В Куантико, штат Вирджиния, находится Академия ФБР США

[16] Исаия 34

[17] Иеремия 49

[18] В состав пайков MRE армии США входят двадцать четыре набора продуктов

[19] Из стихотворения Н.?Гумилева «Мужик»

[20] Из стихотворения Н.?Гумилева «Песнь Заратустры»

[21] Сорт кубинских сигар

[22] Средний ход (*англ.*)

[23] Внимание: опасность! (*англ.*)

[24] Разумеется, Мастер не слышал песни Крокодила Гены про волшебника в голубом вертолете; просто транспортные средства, принадлежащие Организации Объединенных Наций, обычно красят в белый и голубой цвета

[25] Дядюшка Джо – добродушная кличка Сталина, использовавшаяся американцами во время Второй мировой войны

[26] Откровение Иоанна Богослова; сумасшедший доктор здесь и ниже цитирует его не совсем точно

[27] Самый известный афроамериканский баптистский проповедник, яркий оратор, лидер Движения за гражданские права чернокожих в США.?Активно выступал также против колониальной агрессии США, в частности во Вьетнаме. За важный вклад в демократизацию американского общества в 1964 году Мартину была присуждена Нобелевская премия мира. Убит в 1968 году.

[28] Американский боевик об элитном отряде спецназа. В России более известен под названием «Спецназ города ангелов»

[29] Высшая военная награда США.?Популярная компьютерная игра «Medal of Honor» названа именно в ее честь.